

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 11

Тольятти
2016 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Ильдар Листопадов

Художник номера: Михаил Лёзин

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Сентябрь 2016 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Алексей Александров	5
Евгения Коробкова	11
Сергей Шуба	17
Лариса Сони́на	23
Михаил Корюков	28

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Вика Сушко	33
------------------	----

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Канат Омар	47
------------------	----

ПРОЗА

Иван Медведков	55
Дмитрий Манаев	71
Алина Абрамова	75

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Михаил Лёзин	92
Людвиг Анохин	96
Алёна Бударина	99

ПОСТСКРИПТУМ

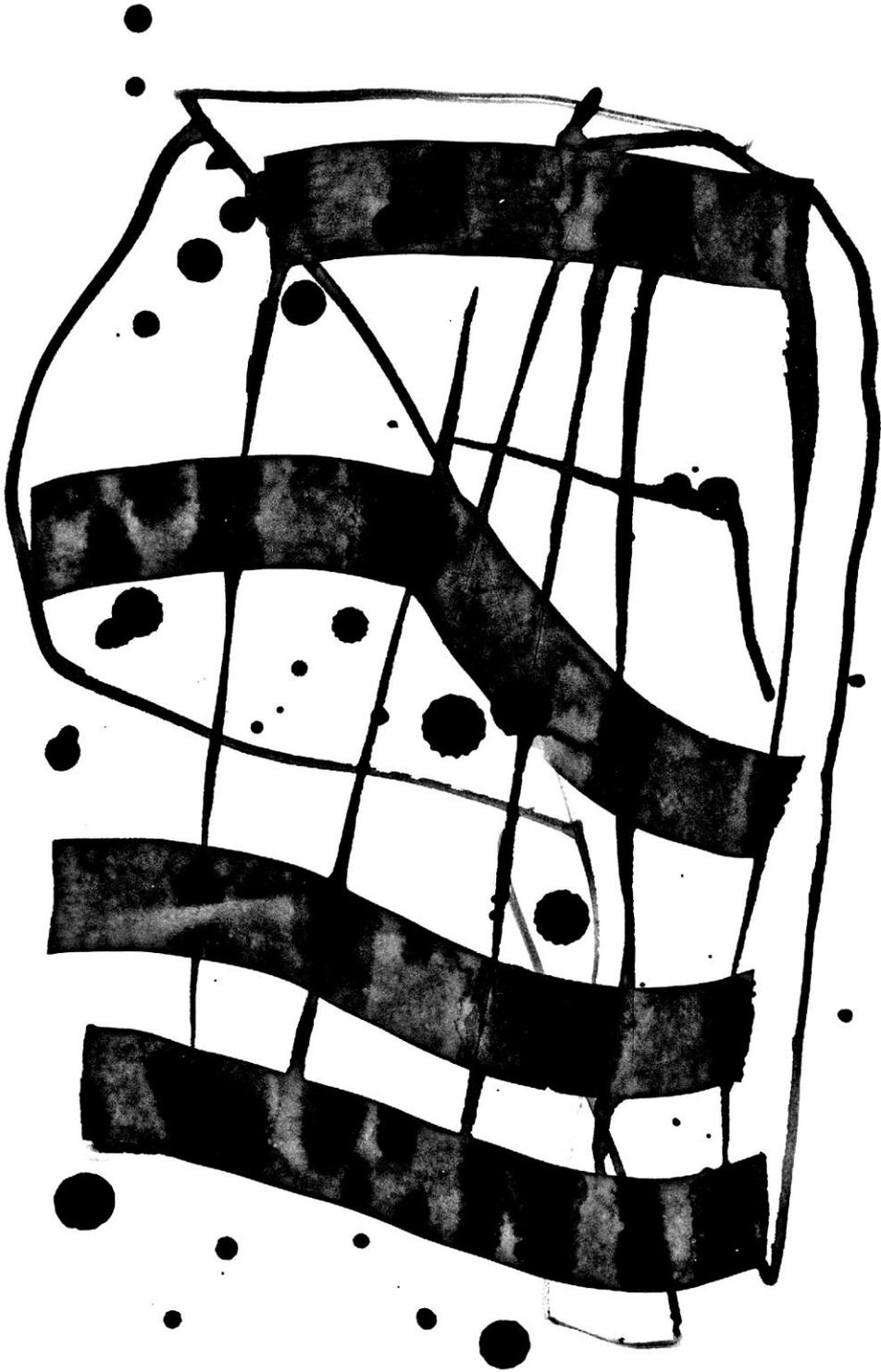
Илья Колесников	106
-----------------------	-----

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Георгий Квантришвили	114
Александр Маздорф	122

КНИГА ЗА КНИГОЙ	133
-----------------------	-----

АВТОРЫ	145
--------------	-----

ПОЭЗИЯ

Алексей Александров

Стадион распахивает пасть –
Этот мяч созрел и будет съеден.
Тесно, негде яблоку упасть,
Помечтать о призрачной победе.

Там внизу гуляют по траве
Вежливые, словно марсиане,
Существа с пятном на рукаве
От прививки с северным сияньем.

Тишина такая, что в воде
Слышно, как рассыпавшись на буквы,
Златопёрый ангел пролетел.
Облака вечерние набухли,

Пеплом поливая и песком
Головы и сомкнутые очи.
Белочка приходит со свистком,
Вспыхивает ягода по-волчьи.

Никогда и ничем не кормите чаек –
Прилетят и сами все отберут.

Этим вечером голая Маргарита
На городском пляже подставляет колено
Для поцелуя странной процессии:

Человек в пиджаке с оторванным рукавом
И пустой птичьей клеткой,
Женщина лет сорока в разбитых очках,
Пара влюбленных лилипутов, держащихся за руки,
И мальчик с кубиком Рубика, собранным до конца.

Ветер на стихи Кальпиди, приснившийся библиотекарям.
Все готово к началу читального сезона.

ПОЭЗИЯ

Одинокое дерево словно шатер,
Но туда не войдешь без отмычки и лома,
Улыбаясь, как вылезший к солнцу шахтер,
Или плача, как рыбину жарящий клоун.

Там на ветках подпиленных тесно сидят
Несчастливые дети и с радостным звуком
До утра с увлечением играют в себя,
Отрывая то ногу друг дружке, то руку.

Одинаково любят чужое кино,
Но бывает, что слышно, как бьется посуда,
Говорит великану танцующий гном,
И на дерзкой губе проступает простуда,

На втором этаже опадают цветы,
Птица важная спит, притворяясь домашней.
А когда постучишься, растают следы,
И никто не идет за волами на пашне,

Задевая верхушкою мех облаков,
Щекоча, словно перышком, горлышко Рима,
Где с комочками манки кипит молоко,
И тебе достаются лишь локоны дыма.

И балерин из готовален
Вдруг фуэте увидел я,
Когда в саду передавали
Концерт вечерний соловья.

Они круги чертили ножкой
С железной грацией под песнь,
И тень ложилась на дорожку,
Как на ладонь просящих пенс.

ПОЭЗИЯ

Скучает бархатное ложе,
Но в сумерках среди ветвей
Лишь птичка серенькая может
Так о любви сказать своей.

Проходит дождь – рабочий сцены,
Ржавеет скучный реквизит.
Никто спектакля не оценит
И красоты не освистит.

В прямом эфире партбилет
Порвал и съел, не запивая.
В кустах играют в бильярд
И ждут последнего трамвая.

Как только выйдешь из ворот,
Тебе товарищ прокурора
Зачем-то радостно соврет,
Что остальных отпустят скоро.

Летит под ноги юркий шар,
И, кий держа в руке, громила,
В лицо тебе огнем дыша,
Становится смешным и милым.

Но слышишь звон, а дыма нет.
По рельсам прет железный ящик
Для сбора краденых монет
В твоём мирке ненастоящем.

Садись, поехали, нас ждут
Знамена, площади, вокзалы,
Я подарю тебе звезду –
Как в мультике она сказала.

ПОЭЗИЯ

Гуси превращаются в лебедей,
Кухня украинская – в шаурму,
Стайка шоколадных уже детей
Таёт, погружаясь в густую тьму.

Где-нибудь деревня стоит в кустах,
Прыгает шансон, дребезжа строкой,
Облако прихрамывает, устав
Бегать за вихляющей рекой.

Если это к храму короткий путь,
Ангел у дороги торгует сном,
На меду настоящном, всё забудь,
И очнешься в лодке с пробитым дном.

Небо над тобой – как ливанский кедр,
И к гирлянде звезд подключили ток.
Пафосный беляш у тебя в руке,
Фляжка с коньяком на один глоток.

Облака из прошлого
Иногда заплывают сюда –

Те же зайчики,
Погрузневшие, с пивными животами,
Теряющие форму, величественные,
Как обломки империи,
Как разорившаяся пельменная,
Которую так и не выкупили
Новые хозяева этих небес.

Некоторые заготовливают впрок,
В августе закатывают банки,
Чтобы потом всю зиму
Согреваться воспоминаниями,
Пока за окнами
Воют ветра перемен.

ПОЭЗИЯ

У птицы отпуск двухнедельный,
Вот месяц вынимает ножик,
Но ничего не будет делать
Среди неведомых дорожек.

Налей ей водки кипяченой
В мутнеющий хрусталик неба,
Мышей не ловит кот ученый,
Но, молнии увидев гнева,

Изображает беспокойство.
Грохочет, как олимпиада,
Посуд фарфоровое свойство,
И за стеною водопада,

Вдруг пересохшего, маячит
Знак на скале его отвесной,
И сердце прыгает, как мячик,
Упущенный у самой бездны.

Лев Николаевич в цирке, из обруча
Выпрыгнув, – сразу за письменный стол.
Дети кричат: покажи нам Хоттабыча!
Он им давно отвечать перестал.

Долго скакал и устраивал фокусы,
Гроб на три части с женой распилил,
Пил самогон из цветущего фикуса,
Спал круглый год на гвоздях на полу.

Палкою били его злые клоуны,
Вытерпел всё, сочиняя роман,
И завитушку над буквой заглавной
Вывел, и выбросил папку в камин.

Выдерни волос седой, чтобы в зеркале
Видеть голодного злого раба,
Вспомни свое назначение жалкое
И дрессировщику вслух нагруби.

ПОЭЗИЯ

Идет носильщик с чемоданом,
А там – уха из топора,
И в звонком отблеске медальном
Строку печатает парад.

Прохожий шевелит ушами,
Когда мороженое ест,
И, поясом с двумя ножами
Затянут, вон из этих мест.

А ты постой, не думай даже
Сквозь стену взять и улизнуть –
Сейчас патруль тебя повяжет,
Диспетчер перекроет путь.

Поешь наваристой ущицы,
Бросай в мишень свои ножи,
И незаметно жизнь промчится,
Как лифт, минуя этажи.

Евгения Коробкова

ЗДРАВСТВУЙ, ЛИЗА

Письмо

Здравствуй, Лиза.
До свиданья, Лиза.
Вот и все. Спасибо за беседу.
Мне сегодня утром дали визу.
Это значит, скоро я уеду.

Было все бессмысленно и криво,
Но была, была одна отрада.
Хороши и свежи были сливы,
Сливы из чиновничьего сада.

Не печалься, крыша над тобою,
И в окне еще такое лето.
Крутится ромашковое поле,
Целое ромашковое поле
Без ответа.

Страшный сон

А я не собиралась умирать,
а я не собиралась умирать,
Я в лес за земляницей собиралась.
– Надень ушанку, – кто-то говорит, –
чтоб не схватить отит на оба уха,
надень ушанку, – кто-то говорит, –
Не то схлопочешь страшный гайморит,
Надень ушанку, – кто-то говорит, –
у нас же не понос, так золотуха.
А я не собиралась умирать,
Я в лес пришла, но там стояла осень,
Я вместе с ней осталась постоять,
надела шапку, как велела мать,
Но мне и в шапке было сорок восемь.

Памяти Джимбинова

Все живо: солнце и трава
И даже смерть, она жива,
И в смерти смерть не верьте.

Она похожа на пчелу,
Узнаешь сразу, что к чему
В пчелином танце смерти.

В пространстве между «нет» и «был»
От «столбыляств» до дырбулщыл.

Быль

Ада шла по снежной каше
В горку, с горки, по мосту
И несла кастрюльку хаши,
И гремела за версту.

Шла по снежной каше Ада
В трех минутах от беды,
Отнести кастрюльку надо
В некий дом у Мтацминды.

Шла война, летели пули,
Падал снег,
И неспроста
«Гого, гамоштеребули, –
Ей кричали с блокпоста. –
Моди, моди...» Неизвестно,
Что еще,
Ну, а потом
Ада стала мокрым местом
На мосту Сухом.

Тверская

В этой жизни надо как-то жить,
В этой жизни надо как-то смерть.
И куда ни выберешь смотреть –
всюду виновато государство.
Ходят крысы утром по Тверской,
ходят люди мучаясь тоской,
ходят тетки с надписью такой:
"Помогите сыну на лекарство".

У стены макдональдса стоит,
Улыбаясь, модный инвалид,
У него обрубок от ноги,
В левом ухе у него сережка.
У него написано вот так:
"Помогите
на
бигмак"
Все читают, замедляют шаг
И дают немножко.

Вот слепая девочка поет,
Только ей никто не подает,
Выбирает на Тверской народ
ей не буду, инвалиду – буду.
Потому что, если не фигня:
Из бигмака вырастет ступня.
Вот сейчас, посередине дня.
Будет чудо.

Похороны Натальи Крачковской

– Ну, до свидания. Было приятно. Скоро увидимся.
– Думаешь, у Джигарханяна?
– Скорее, у Лядовой.
Аплодисменты. Расходятся добрые зрители.
Елка на Троекуровском светит гирляндой.

Айпэд журналиста

В Москве погибли вязаи и ясени...
Клены жрет азиатский усач с бонсаев...
Зачем Большую книгу дали Яхиной...
Доллар вырос на наших глазах, как Гарри
Поттер.

Фарид играет на дутаре
Сиромаха в драной срачице
Со следующей недели я в отпуске на две недели
Пишу петиции во все инстанции...

Давай-давай-давай-давай
Пошли-пошли-пошли-пошли
Идем-идем-идем-идем
Автобус наполовину полон, но что-то не катит.

Зачем врачу деревянные четки
Это не четки
Это наш главный прибор – тестикуломер
Мы по нему измеряем размеры яичек
(интервью с эндокринологом)

Весна
Новодевичье
У Марии Грановской
Члена КПСС с 28 года
Свили гнездо скворцы

ВДНХ

Наши ракеты
не хотят в небо,
а хотят в землю
ВДНХ
павильон “Космос”
“Весенняя распродажа семян”.

Поэзия
Это
Слепой старик
Игорь Владимирович Вишев,
Катающийся на лыжах
В парке Горького.
Чтобы его зрячая жена
Не отстала и не потерялась,
Он поворачивает на затылок
Фонарик.

Мария Разбежкина о Геннадии Айги. Отрывок из интервью

Знаете...
У него была
Невероятная голова,
Идеальная форма.

Он сам невысокого роста, но столько женщин
Столько красивых женщин в него влюблялось...
Потому-то на голову эту нельзя было просто
Просто смотреть, без ощущения счастья.

Он поразительно слушал.
Я удивлялась:
Мы говорим монологи, не слышим друг друга.
В вечность, в планеты, в пространства,
Но даже соседи:
Жены, мужья – нас не слышат, ведь все собеседники наши
Свой монолог произносят.
Он поразительно слушал.
Прекрасноголовый, мудрый.

ПОЭЗИЯ

Чувствуя русскую речь, как пейзаж, как равнину.

Я говорила, он слушал. Я говорила, он слушал. Я говорила...

Я не хотела его отпускать

Слишком много

Он для меня слишком много

Значил,

Геннадий Айги.

Верующим легко. Они знают, что встретятся позже.

Я – атеистка, я же –

С ним навсегда.

ПОЭЗИЯ

Сергей Шуба

Как ты можешь доверять своему телу
Ведь сколько раз говорил ему лети!
А оно даже не дёргалось
Сколько раз разбежался
Но вот тарзанка
Вот заброшенные коньки
В глазах качаются облака

Я не знаю почему мы не можем делать перепосты чего-то смешного
на свою страничку в контакте
И религиозного
И политического
Мне кажется мы живём в свободной стране
Мне кажется
Мы можем

Мне 33
А я всё ещё не избавился от страха

Говоришь цемент
Сразу думаешь
Сколько их
До тебя
Говорило
Подразумевало
Прерывалась ли эта связь
Ментальное это
Метафизическое
Психоневроз может какой-нибудь
Шизофрения
И говоришь цемент
Но не шуришься
И не продолжаешь
Даже не по 250
Даже не портланд
И уж тем более без фуражки

ПОЭЗИЯ

*А ты смотришь как будто мимо
В это медленное домино*

Как понять тебя если раскосые твои глаза говорят на одном языке
А пухлые губы на совсем неизвестном
Если горло твоё из глины
Издаёт птичьи трели
А пальцы указывают путь к сердцевине теплоты

Но зачем знать если у людей нет цельности
Зачем знать если я сам живу какими-то вспышками

Проживая, помнить о разном
Вразной об одном
(как ласточка залетела в наше окно
как солнце блестело на потолке)

Добавляешь по кусочку и не знаешь что это наощупь

~~И вдруг я понял~~

~~Что мне нечего им сказать~~

~~Этим красивым женщинам с гладкой кожей~~

~~Слава богу~~

~~Мне нечего им сказать~~

Покрывало саван сплошная течь под пальцами

Переворачиваешь страницу

(сюда можно вписать номер телефона
твой адрес, группу крови, плату за свет)

Тебе конечно не покажу

Не поговорю по душам даже не умею это понятие

Так и стоим посреди города

Жизни

Биение костяшек домино

На столике в беседке

ПОЭЗИЯ

Думал о том, что умирают всем телом
За три прохода воды (кровь давно уже загустела),
Но если писать о том, что вижу
То хорошего мало. Интересного тоже
Но многим ли доводилось
Работать в контактном зоопарке?
(тут надо приспособить ироничный смайл – концептуальное искусство
позволяет или картинку\фото\демотиватор со свиньёй и на этом завершить
стихотворение)

Можно бахвалиться этим долгие годы
Пережёвывать в своём творчестве
Потому что это не то же самое что
Убивать людей на войне
Но почти то же самое что
Работать в морге
А кто из вас, молодые и именитые де-бю-ти-ро-вав-ши-е поэты (и городские,
да ладно, они *все* из городов, вот только больших или маленьких...)
Таскал петлёй хрюшку с вывалившимися кишками
Или
Хрюшку раздутую словно бочонок, так что ноги торчат врасстопырку
Язык вывалился, вены выделяются на белой шкуре тёмно-зелёным
И брюхо тоже начинает зеленеть
И она весит сто пятнадцать кило и еле вмещается в тачку – один не затащишь!
Видели ли вы такое, холёные верлибристы
Пишущие про то, как сжимать в руке сперму
И волосы подруги
И что-нибудь про ветер Нью-Йорка
Ряды рахитов с кровавыми щёлками глаз, окостеневшие вывернутые тела, ноги
и головы, что достают из ханыги, предварительно провернув там пружину –
огромную, шести-семиметровую – и складывают в мешок?
И запах, я забываю про запах, про визг, продохлых повсюду мышей
Так вам и этак, офисные чародейки, филфаковцы и журналисты, гринписовцы и
селебрити, вегетарианцы-по-жизни, в конце концов – сироты, бухающие
самогон по подъездам, решившие с хуя-то что они поэты из-за того что могут
связать две строчки про своё несчастливое детство\любовь\занятие политикой в
моnogородке\областном центре\столице\своём микрокосмосе сука не могу всех
охватить

ПОЭЗИЯ

Но в бахвальстве этом есть признак бессилия
Ибо что я познал в этой жизни?
Вряд ли то же что и они?
И зависть толкает говорить
Есть какая-то мечта
Какая? Можно вспомнить
Что-то там про сперму и намотанные на кулак волосы подруги
Про нью-йорк и путешествия к краю земли
Что-то про дебаты о свободе, пикеты, в общем – борьбу
(и наши выигрывают) и тиражи своих книг

Вытираю грязь с лица, ведь мыл кёрхером (две клетки после обеда, четыре с половиной клетки за день) пальцы чуть-чуть дрожат
Выхожу на галерею.
Снимаю костюм химзащиты
Ополаскиваю его. Потом иду и осматриваю свои сектора
Гашу свет, расписываюсь, иду
В раздевалку. Снимаю с себя всё, потом
Моюсь. Моюсь дважды. Промываю глаза.
16:40 – можно уходить. Сажусь в автобус и еду
И смотрю на пасмурное небо
Грязно-белые, в окружение коричневых, кучевые облака
Сквозь них пробивается солнце. Ты знаешь
Завтра оно тоже будет.

маленькие стихи бродили ночью по городу
мягкими ладошками собирали летний снег

летний снег что роса, только прозрачней
– почти невидимый

маленькие стихи заряжали от него батарейки
летели к солнцу

такое вот
отчаянное путешествие

ПОЭЗИЯ

Татьяне Савиновой

А ведь чужого нет совсем
И утки в озере ныряют
Твой город состоит из стен
И сцен но умоляю

Давай не вешаться с тоски
Бродить безлюдным полустанком
И смерть свою кормить с руки
Ведь нам не жалко

Давай заведем видеоблог
Прямая трансляция
Как я сочиняю стихотворение
Как я разбираю стихотворение (чужое)
Как я разрываю стихотворение
Вот, вот так я его разрываю!
На, на ещё
Теперь полить кетчупом
Посолить собратъ
Поджечь
Потом написать что-то ещё
На стене хочешь на футболке на нежной атласной коже
Пожалуй, забавный у нас выйдет блог
Назовём его: поэзии здесь не место

Ему столько же
Сколько и тебе –
Тридцать два.
Переводит с итальянского
В данный момент
Верстает книгу
Большого русского поэта
То есть всё вместе
Живёт литературным трудом.
Ей вообще двадцать три –

ПОЭЗИЯ

Открыла своё кафе,
Раскрутила через соцсети,
Теперь продаёт на него франшизу...
Но это другие города, ладно
В своём-то:
Вот популярный фотограф
(портрет и арт, и свадьбы по двадцать тысяч)
Вот знаменитый художник
Все круче меня.
Все младше
А мне блядь тридцать два, я лысею!
С кем это ты говоришь *там*?

Спрашивает смерть

ПОЭЗИЯ

Лариса Сони́на

СТИХИ ПРО ВЕТЕР И МЕТАЛЛ

И в феврале, и в марте, и в апреле,
Не говоря, но думая – как вслух,
Забыв про ледяные дни недели,
Лишь наблюдать полеты белых мух.
В автобусе старинном и бесстрастном –
Круги мостов, качанье проводов –
В автобусе, то бежевом, то красном –
Сквозь ветер и нагроможденье льдов.
Забыв про все, в лавандовом пальто,
Навстречу неуклонным потепленьям,
Когда уходит вечное не то
Осколком ледяного вдохновенья.
Навстречу дню, погодным новостям,
Преобладавшим в ветренном эфире...
Противоречить северным вестям
И думать о лаванде и инжире.

ПОЭЗИЯ

такая вот хурма
такие вот бананы
на стыках полотна
сквозят стальные раны
как лезвия свежи
как с нежностью воспеты
как черные стрижи
невидимы но к лету
взовьются и споют
о времени как море
когда напрасный труд
не тяжесть и не горе

Так жить – покорствуя, любя,
Лишь небожителям кивая,
Покуда мудрость роковая
Не успокоит враз тебя.
Не упокоит волчий мех
Твою звериную натуру –
Божественной фиоритуры
Не хватит, ангел мой, на всех.
И будешь оборотнем-волком
Рыдать и молодеть, кружить,
Рычать на старых баб с иглкой,
Девичам кротким ворожить...
Испробуй только заклинанье –
Рванешься через семь костров,
Приобретая силу, знанья,
Теряя душу, тело, кров...
... Эх, масть не та – мех слишком чёрен!
И год не тот, не те огни,
И сам ты слишком богомолен...
Повремени... повремени.

ПОЭЗИЯ

Яд, чеснок, серебряные пули,
Жаркий май, мучительный июль...
Мавки лесовые присягнули
Странному названью Чебаркуль
Да еще кикиморы в болоте.
...В летние иные холода
Греет нас на незаметном взлете
Странная знакомая звезда.
Мы по жизни – вечные дублеры,
Но, не замечая нас порой,
В темноте раздергивая шторы,
Различайте наш далекий вой.
Оборотка белого и злого,
Тяга к веткам в низкой вышине –
Потому нам так знакомо слово,
Что сгорает в ветренном огне.
Четких линий грозное касанье,
Прояснение непонятной мглы...
Мы еще вернемся – до свиданья –
К вечному названью Карталы.

Шанхай какой-то, право слово –
Меня разбудят в шесть утра.
Гостеприимнейшего крова
Коснется летняя жара.

Фэн-шуя шорох мелодичный...
Все праздник, все остаток сна –
Журнал потрепанный столичный,
И вид из низкого окна.

Повсюду ленточки, сердечки,
Хоть сор в углу не дометен,
И мяч лежит у темной печки,
А за мячом – мышинный схрон.

ПОЭЗИЯ

И мышь еще погрызла кабель...
Но, чтоб забыла маету,
Ты улыбнешься, милый жабер,
С монеткой медною во рту.

Пошли мне, жаба, много денег,
Здоровья, счастья и удач.
...Переворачиваю веник,
В окно выбрасываю мяч.

Остаток сласти в пузырьке –
Осколки счастья бывшего...
Как на вневременной реке
Колышется такое слово,
Что, кажется проговорить
Его – равно, что выиграть удачу,
Кольцо, серебряную нить
И птицу Феникса в придачу.

Какой душевный аноним
Мог бы пресечь такую нежность?
Душа стирает вечный грим
И незаметная небрежность

Уже не кажется судьбой,
А кажется преображеньем,
И надо жертвовать собой,
И словом, и небес круженьем.

Когда соломинка в глазу,
Все ложным выглядит и нежным:
И взглядом птицу на весу
Удержишь в день золото-снежный.

Хотя, что толку в маете
Всевидащего птицелова?!

...Остаток сласти в пузырьке,
Ошметки счастья бывшего.

ПОЭЗИЯ

А вот что такое: ради скуки
кушай яблочко?!
Свет мой, поверь:
Ради скуки – не поедают яблок,
Не глядят на дорогу,
Даже не плачут,
А тихонечко умирают...
Разрывать лепестки ромашки
Пополам, а потом – на восьмушки,
Думать: это счастье или несчастье –
Видеться очень редко?
Наверное, все-таки счастье...

Гадать на заморских камешках,
На металлах и гулких ракушках...
Наверное, все-таки счастье...
... Какой замечательный день!
Рябина краснеет, август...

Черемисскою черемшой,
Банным жаром, гусиной кровью –
Путь от хвори, малой-большой
К чернокаменному здоровью.
По-любому прав Керемет,
Мастер хитрого разговора,
Если мало в запасе лет,
Промедленье подобно морю.
Поскорее беги, забудь
О некормленных идолах в лудах –
Слишком долгим кажется путь,
Но короче пути не будет.
Стебелек черемши сожми
В кулаке – путевым оберегом,
Пусть ветра овевают людьми
и неузнанным черным богом.

ПОЭЗИЯ

Михаил Корюков

* * *

...а боль болеет и болит
за каждый выстрел, каждый промах.
Скончался дядя Айболит
на спиртовых своих уколах.
И обнимают мотыльки
солдата спящего по пьяни,
а бородатые враги
несут дружка его до ямы.
Испепеленная земля –
пристанище для цокотухи,
лежат немые дембеля
на изуродованном брюхе.
Стоят безвестные кресты,
вокруг огонь, тела и рвота,
оставленные блок-посты,
а я смотрю на бегемота.

* * *

ангелы черти
и черти ангелы
стоят как восклицательные знаки

а я иду
иду себе никчёмный
мимо флагов и реклам заправок
пицца мий и прочей ерунды

растёт страна
как стратегический объект

топчу незаживающий асфальт
как будто сыплю соль на рану
где "соль" не соль
и соль лишь только нота
без музыки вообще

ПОЭЗИЯ

ангелы черти
и черти ангелы
стоят как восклицательные знаки
не обоснуют всё никак

почему есть гаджет
но нет меня
за что я измельчён
до ника в фейсбуке
где Костарев не знает эпохи
и предлагает мне её погуглить
и так идёшь
не обоснованный ваще

* * *

Снег падает,
словно отшелушенная краска
с облаков.
Деревня разместилась
у подножия холмов,
как если бы мы стол
поставили между
холодильником и плитой.
И люди, дорогие мне,
катаются по маслу
на сковороде,
а меня накладывают в тарелку,
чтобы поставить на стол.

Всё бы ничего,
но свет над нами
белей, чем штукатурка.

ПОЭЗИЯ

* * *

На время из песка
смотри через стекло
пока-пока-пока
ещё не замело.
Часы. Сосуд. Бархан.
От смерти убежишь?

Песочные часы
не побеждают жизнь.

история одного забора

Жене Черникову

времечко, время,
время.

дыры в бетонном заборе,
лезут из них собаки.
«четвертого июля
десятого года
Машки/на денюха»
(где дробь, там соединенье плит).

прогнившая и пересохшая
листва, трава
у подножья забора
не шуршит, не пахнет.

заправленное небо в горизонт,
и накрепко надетый,
как штаны,
забор.

говорят, что в душе любовь...
подле забора ни души.

ПОЭЗИЯ

* * *

Янис говорит, как радио,
о социальной газете,
политической позиции.

Душно ему
и пыль летит в глаза.

Сворачивает в сторону ЧТЗ –
чёрт того знает,
какая такая улица.

Тротуар в ухабах и яминах,
в заборе много бетонного
и коронованного
колючей проволокой.

Янису душно и
пыль летит в глаза.
Это какая улица?
Не имени
этого Пастернака.

Вика Сушко

Книга странностей и предложений, или «БДСМ на ВДНХ»

Когда я умру, пожалуйста, кремируйте мое тело. Не нужно портить землю. Да и, говорят, современные трупы стали дольше разлагаться. А я не хочу никаких проблем после себя, не нужно цепляться за материальное.

Представьте, у каждого что-то болит – сердце, живот, зуб ноет. Ломит спину. Представьте... Может, тогда мы стали бы терпимее друг к другу?

В детстве сложно было запомнить расположение цветов на российском флаге. На помощь пришла реклама на ТВ из 90-х: «Под белыми-белыми облаками синее небо. Под синим-синим небом ходят красные-красные люди... Дети не должны быть одинаковыми». Какое-то такое антикоммунистическое послание.

Совершенно неразрешимой задачей многие годы казалось отличить право от лево. Правой рукой пишешь, но и левая старается проявить себя, когда в очередной раз пытаешься отличить право и лево, сжимая в той и другой воображаемую ручку. Какое-то время спасал такой образ: дорога в школу, изо дня в день один и тот же маршрут поутру. Справа – клены, слева – здание школы. И каждый раз, когда нужно было решить, где же право-лево, я доставала из памяти крепко засевшую картинку. Но годы после школы, переезд в другой город слегка подтерли устойчивый образ. Поэтому теперь всякий раз заминка длится несколько секунд – сначала пробую каждой рукой симитировать письмо, а потом для верности вспоминаю школу и клены.

Всякий раз, когда меня приглашает на свидание N, я очень волнуюсь, и волнуюсь до тех пор, пока не затащу его в любую забегаловку, где можно накормить волнительного мужчину. В детстве мы с мамой боялись отца. Когда тот был голоден – человек превращался в зверя. Теперь, даже если мы оба не испытываем голода, мне необходимо удостовериться, что свидание в несколько часов пройдет спокойно, на меня не будут орать, не будут бить, и зверь будет и дальше спать в глубокой берлоге – хоть бы он никогда не просыпался...

Я думал, что любовь меня возвысит, разбудит все светлое во мне. Никто не учил меня любви. Я не знаю, кто я. А она так прекрасна, что нет ни одного сло-

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

ва, которое было бы про нее. И на заброшенном бульваре я пью с каждой пустой скамейкой. Мой путь и не начинался, а впереди целая ночь – без надежды встретить ее.

Порой кажется, для женщины – в отличие от мужчины – достаточно найти свой ракурс, чтобы остаться в вечности. Например, взгляд из-под полуопущенных ресниц «Незнакомки» Крамского. Именно такой, с приподнятым подбородком.

У москвичей нет времени на попить кофе, покурить, поговорить, глядя в глаза. Все это они делают на бегу. Иногда – одновременно.

Обыграла мужа в шахматы. Он сказал, что я очень умная, и что он меня сейчас трахнет.

Как быстро утомляет быть модной. Поносила пару недель новое пальто, а потом хочется обратно – закутаться в неприметное, поношенное. Окутать себя воспоминаниями. Отражать любопытствующие взгляды серостью неопределенного тона. Пусть серые оттенки самые неброские, зато – глубокие. Как морщины, как промозглый ветер со взвешенными каплями предзимней влаги. Никакие цвета, ничего не отвлекает от созерцания невечности мироздания.

87-летняя Л.А. отводит в сторону сигарету и сверкает на собеседницу сквозь тонированные очки: «Нет, в отношениях мужчины и женщины секс – это главное. А если секс соединяется с умом – то это надо хранить как бесценный дар. Ну, если только секс, то еще может быть... А если нет секса, один ум – ничего не будет. Это я говорю, уже прожив жизнь».

Она любила то, как он ее любил.

Мир как будто построен на том, что все должны урвать хоть чуточку радости. Может быть, ее хватит и на всех, если понять, что радость – нематериальное понятие. Ищут и не найдут, потому что ищут не там.

Иногда представляю, будто скоро умру, и тогда мои записки будут читать как мемуары и думать, будто в каждом слове я предчувствовала близкий конец. Как смешно: как будто это действительно будет кого-то хоть как-то колыхать.

Хочешь научиться ненавидеть людей? Приезжай в Москву, с вещами.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Обычное московское лицемерие – ресторан на первом этаже гостиницы Метрополь, где средний чек на обед выйдет на пару тысяч, называется «Simple People». Уж чего проще.

Зима обманывает. Снега нет, пар изо рта – кажется, будто теперь каждый первый курильщик. Опасливо задерживаешь дыхание после каждого выдоха ближнего своего.

Это лучшая цена на побережье. Лучшие цены на любовь. Биг Лав Шоу! Сейчас мы будем показывать нашу большую любовь. Потому что любовь требует выражения!

Как можно крутить роман с молоденькой девушкой! Назначаешь ей ночь любви, а у нее какие-то свои приключения. И в полдень следующего дня она как ни в чем не бывало пришлет смс: «прости, сама не знаю, как так вышло. хз, где я. как доберусь до дома, напишу. целую :-*». И вместо реального секса каскад виртуальных поцелуев.

Только читатель может определить, психиатрия это или искусство.

Парень с котом на плече важно прохаживался по станции Римская и пил пиво, а кот дерзко разглядывал красивых дам. Мы с котом встретились взглядом, парень сел напротив меня, продолжая неспешно попивать пиво и мять морду кота свободной рукой. Я улыбнулась коту в шарф и случайно – парню. Он поймал мою улыбку даже сквозь слои шарфа. У нас в ушах были наушники. У кота, конечно, не было. Поезд дальше не шел. И мы вышли, парень подкатил ко мне, мы оба сняли наушники.

- Девушка, можно с Вами познакомиться?
- Как зовут кота?
- Вы со мной хотите познакомиться или с котом?
- Я думала, вы одно целое.

Интересно. Мужчины часто не обращают никакого внимания на обручальные кольца.

- Его зовут Рикки, а меня Сергей. А у тебя есть парень?

Я привычно помахала окольцованной рукой перед его лицом, и парень был разочарован. Погладила кота. Сергей показал фотки с котом, где глаза Рикки источают нереальный свет.

- Не каждый кот так может.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Потом мы разошлись по разным поездам, потому что им с котом было вообще в другую сторону.

Так много нерешенных вопросов, сложноподчиненных предложений, что хочется купить в переходе кружевные трусы, где все по 100, и газету "Жизнь".

А вот что значит, если когда говоришь по телефону, слушаешь что-то нудное, неважное, или наоборот, очень даже интересное – и рисуешь при этом все одно – хрупких девушек с закрытыми глазами и странно сплетенными руками..? Желание уйти в себя и не выходить? Внутреннее послание: "мне до вас так все равно" или "меня здесь нет и не было"? Загадка.

А вот и пришла моя радость в шубе, распахнула двери, впуская мокрый воздух в мои объятия, отворачиваясь от поцелуев – и говорит, будто так и надо, по сценарию: «Знаешь, я от тебя ухожу». Но что случилось? Почему? «Мне хочется нового, неожиданного, ветер свободы, wind of change и все такое, с тобой я не развиваюсь, я чувствую только зависимость и привязанность, это не любовь, не любовь, не любовь...». И уходит, к какому-нибудь художнику, непризнанному гению, с разлитым по стенам вином, с его друзьями по непризнанности, с какими-то глупыми бреднями, какая пошлость. Поворачиваешь и идешь в другую сторону, будто впереди еще будет что-то более осмысленное, чем жизнь с ней.

Готовы ли вы к новой любви?

Трое мужчин ждут Вашего ответа.

Вероятность того, что вы дойдете до 4-го шага крайне мала, но всё-таки есть. Когда вы достигните 4-го шага, помните, что вы 100% выиграете эту сделку! Каждый раз выигрывая сделку, вам необходимо возвращаться к 1-у шагу, если вы хотите зарабатывать больше денег с одной сделки, вы смело можете удвоить, утроить или даже учетверить сумму ставки!

Вика, вы – идеальная заемщица!

Привет красавица

Муж засматривается на молоденьких и стройненьких девушек? Виноват целлюлит!

Быстро изменить своего любимого. Бесплатная онлайн конференция.

Пришла информация по вашей ликвидации.

Хорошее имя для персонажа – Захар.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

«Захар, куда ты?» – томно вопрошает блондинка-хипстерша с русыми волосами и русальими глазами. Захар откланялся, воткнул наушники и ушел по каким-то своим мужским делам. Московская русалка заметно погрузтелела, глаза потухли, длинные изысканные пальцы затеребили застежку дорогой сумки. Ей только 21, и у нее есть сумка от Труссарди и квартира в Москве с видом на парк, папа обещал за успешную сдачу сессии автомобиль, а папин друг предложил работать у него – выгодные условия для молодого специалиста. Прекрасный старт. У нее только нет какой-нибудь любви, нет Захара. Русалка задыхается от недостатка воды и судорожно машет плавником. На чешуе медно поблескивают капли неуместного дождя.

Ни новое пальто, ни ажурные чулки, ни поцелуй любимого, ни ласковое sms, ни тур на двоих в Анталию, ни луч солнца – ничто уже не вернется, ничто уже не образуется, никакой надежды, никакого оправдания. Внутрь и вниз, и ниже, не касаясь стенок пищевода, не задевая волокон, не причиняя любви, без воздействия.

По пути на работу наблюдаю несколько особенных видов – ритм домов, какая-то клумба, а вот этот проулок поднимается чуть в горку и, по утрам освещенный солнцем, утопает в теплой гамме. Бульвар на Неглинной – странное местечко в самом центре, легче пройти мимо него, если торопишься в метро или в офис, но я никуда не тороплюсь, мне можно опаздывать, я творческий научный сотрудник (Смешно! Мне смешно, и другие ругают меня за это, называя неуверенностью в себе) – я перехожу по светофору на бульвар и замедляю шаг. Кроны деревьев здесь почти образуют арку. На скамейках вечерами курят и болтают по телефону клерки, в вечера пятницы клерки разливают в пластиковые стаканы купленный в «Азбуке вкуса» коньяк. А по утрам здесь спят те, кого теперь принято называть «бездомными», а никак не бомжами. Люди с коричневой кожей, пропитанные мочой и запахом отбросов. Укрываются кто чем – рваной простыней, тулупом, даже ковром. Двое неопределенного возраста, но с еще различимыми половыми отличиями, лежат прижавшись друг к другу, как два бревнышка. И в ногах у нее воткнута в скамейку роза. Свидание для бедных. А мне так давно не дарили цветы...

Сегодня ничего не болит. Ничего не болит. Ни один внутренний орган не дает о себе знать – о том, что он существует. Кроме легких, кроме сердца. Знать о том, что ничего не болит, можно лишь после продолжительной боли. Это один из самых понятных опытов в жизни каждого, это объединяет людей. Люди идут навстречу, вздыхают в очереди, ждут свою станцию, скользят взглядом по тво-

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

ему лицу – возможно, у них ничего сейчас не болит. И значит, они должны быть счастливы. Возможно, они скрывают, что все-таки болит. Хочется обнять и сказать «У меня тоже! Давай поверим, что это пройдет!». Я никогда не узнаю, у кого что болит – об этом не говорят, нужно догадываться по намекам.

У меня были одни более-менее продолжительные отношения. Сейчас расскажу, почему. Длились они 3,5 месяца. Парень с факультета втрескался в меня и ни на минуту не оставлял одну. Каждый день мы виделись в универе, гуляли до комендантского часа в общаге, после чего его не впускали, и мы долго ждали трамвай, а потом шли по рельсам ко мне. Так постепенно он переселился в мою квартиру, и мы стали видеться круглосуточно. Часто он сбегал со своих пар и устраивался со мной рядом мешать мне слушать мои лекции. Ночью крепко прижимался к шее, спине, бедрам и внутренним сгибам моих коленок. Вскakiвал раньше меня, чтобы сделать нам завтрак. Выходные и праздники, естественно, тоже вместе. Короче, я его выгнала. Знаете, почему? Ни за что не догадаетесь. Я перестала ходить в туалет по-большому, как ходят все нормальные люди. Он все время дышал рядом, мне это дико мешало. Но я ужасно стыдливая и не могла сказать ему так запросто: «Знаешь, дорогой, когда ты все время рядом, я не могу расслабить мышцы прямой кишки и освободиться от внутреннего дерьма». Так что внутренне дерьмо копилось во мне, отравляя мою душу и сводя на нет всю любовь. Чтобы не откинуть копыта, я уменьшила дозы еды вдвое, а на каждые пятые сутки мучений отправляла своего парня подальше – в Икею, например – и быстро вставляла свечку и делала себе клизму. Мой возлюбленный ничего не понимал. Секс стал неприятен, особенно на третьи-пятые сутки воздержания от слабительных. Когда уровень внутреннего дерьма достиг вершины моего терпения, я сказала: «Нам надо расстаться, мы не подходим друг другу. Твое присутствие меня попросту бесит». И еще кучу всего наговорила. Он ушел. Я живу одна и каждый день исправно освобождаюсь от внутреннего дерьма, люблю многих, но не больше одного раза.

Что-то всегда происходит, даже если вы приходите в какую-нибудь библиотеку имени Ленина, например, в Российскую государственную. В отделе «музей книги» вам будет хрустеть в ухо сухариками интеллигентная старушонка. В зале выдачи литературы придется успокаивать бьющуюся в истерике девушку-библиотекаршу. Хотя, глядя на ее сальные, неопределенного цвета волосы, сжатые неопределенного цвета резинкой – и так все ясно. В читальном зале №2, полном студентов, вдруг замяукает кот, и вы поймете, что в начале февраля для некоторых уже пришла весна. Даже в таком месте, как библиотека. А собственно, почему бы и нет? И вообще, как не влюбиться в горделиво листающего то-

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

мик Соссюра незнакомца-брюнета и как не положить ему между страниц молескина записку – нет, не с номером телефона. Контекст диктует жанр, и это будет изящная записочка о возможности свидания в следующую субботу в отделе периодики. Кстати, такой выбор места определенно скажет о вас, как об особе весьма переменчивой. Другое дело – международный отдел (у вас широкие взгляды) или отдел редких книг (и так понятно, что вы за птица). А какая драма в пылу всей этой интимной переписки потерять читательский билет, мокрыми глазами умолять пощады у девушки-библиотекарши с сальным хвостиком, остаться без вины виноватой и в следующую субботу, пробегая мимо равнодушной библиотечной громадины, тихо вздыхать, вспоминая о несостоявшемся свидании, о февральских котках, горделивом профиле и да, о Соссюре...

...Минус 20 за стеклом, но лучше не думать об этом. Тусклое солнце ничего не обещает, да оно и не обязано. Стук клавишей, чаще – мышинные щелчки, звонки, вздохи и возгласы. Маленькая угловатая девочка-дизайнер с косой черной челкой вскрикивает: «Черт, черт, черт!» В офисе завели такую традицию – ставить таблички на свой письменный, т.е. компьютерный, стол. С обозначением настроения. А у нее сегодня настроение ниже системного блока под столом. Тело без сил тянется к земле, к состоянию окончательной безответственности. Кажется, она чаще других загораживается бумажным щитом «не беспокоить, я злая», и мысль об этом еще более угнетает. У пиарщицы Жени настроение тоже неважное, но ее стол в постоянном движении эмоций: «ок», «все классно», «всех ненавижу» и «мне пофиг». Обеденный перерыв принято устраивать спонтанно и поодиночке. Ближе к вечеру, когда тусклое солнце совсем тухнет, она понуро пялится в тарелку со спаржей. «А почему у меня такое настроение? Из-за чего все началось и, главное, когда это закончится?». Вчера она вдруг рассказала свою легенду 45-летней коллеге – о том, как была звездой в родном поселке, а потом вдруг влюбилась, все бросила и уехала в Москву – жить со своим любимым, без других целей. «Мне уже 27, скоро 30, и я поняла тогда, что надо решаться, сейчас или никогда, потому что уже не девочка...». Коллега только рассмеялась: «Ну-ну, типа последний шанс? О боже!..» – на лице ее читалось: «Э, девочка, у тебя еще таких шансов будет вагон. Хотя... наверное, первый «последний» мужчина никогда не забывается»....

Просто представь, что его больше нет – ни с тобой, ни с кем-то другим, нигде, никаких шансов встретиться. Просто больше нет на этом свете, хотя только сегодня был. Что ты будешь с этим делать? Ходить по комнатам, всюду натывать на его вещи. Каждой мыслью натывать на его недавнее присутствие в

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

твоей жизни. Какими жалкими покажутся все обиды, мелочными – раздражения, ничтожно убогими – поступки, преподносимые когда-то как «жертва во имя любви», как нечто ради него. Теперь ты готова отдать все. Лишь бы он был рядом, лишь бы вернулся, только бы время от времени заходил в гости – только не эта невозможность, необратимость. Кажется, будто сутками могла бы смотреть в его глаза, целовать его кожу, исполнять всякую прихоть, бесконечно унижаться – лишь бы... Но это неправда, это же неправда. Вранье. Ну как можно такое нафантазировать? Почему воображение рисует весь этот сентиментальный бред? Почему любовь превращается в бесконечное сожаление? Почему она уходит из настоящего в условности, в то, что было бы, если бы? Почему в реальности – только дрожь одинокого существа, которому лишь бы приткнуться? Которому все бы жаловаться, чтобы погладили, чтобы жить без него не могли. Так ведь стоит пожалеть, приютить – расцветет самомнение, типа: «Ты так привязался ко мне, какой ты смешной, а мне ничего не нужно, я свободная женщина».

14 февраля можно встретить блатного паренька с огромным плюшевым медведем под мышкой. Пролетария в черной шапочке, пытающегося на морозе по мобильнику выяснить логику подруги: «Ну ты че, меня видеть не захотела, к себе не приглашаешь, это наводит на размышления...». Спящего в вагоне метро офис-менеджера, из чьих рук выпадает праздничный пакетик. Ко всему происходящему равнодушных усталых женщин. Ничего, завтра все это пройдет, и можно будет запросто разбудить среди ночи – и плевать, что рано вставать и кому-то на работу – вырвать его из сна и без всякого повода заняться любовью.

Просто ей хотелось смотреть на других. Банальные движения руки, прячущей блокнот в карман. Пальцы, сжимающие бокал, стесняющиеся своих следов на стекле. Тогда она представляла, будто это ее пальцы сжимают, будто ее руки прячут. Острие ее туфли скользнет вверх по промежутку между носком и брючиной мужчины, которого она видит впервые, которого наутро забудет. Это только фантазия. В такие минуты она была абсолютно неподвижна.

Утром у выхода из ночного клуба ветер срывает крышу в такт уходящему августу, что входит в диссонанс с ритмом опаздывающего на работу законопослушного гражданина. Гражданин замирает на полушаге, не в силах оторвать слух от этой нечеловеческой музыки. «А разве есть здесь что-то человеческое?» – спрашивает ветер, и гражданин понимает, что первая в его жизни фикция – это работа. Вторая – его семья. И третья – твидовый синий костюм в тонкую розо-

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

вую полоску и галстук от Славы Зайцева. Он скидывает костюм и передает свое тело ветру и его музыке.

Суть в том, чтобы следить за жующими людьми. В момент, когда они перестают пережевывать пищу, нужно нажать на кнопку. Секунда в секунду. В следующий момент посетителю снова предлагают потребить что-нибудь. В этом и состоит моя работа. Я видел рты всех размеров и характеров. Губы любой формы одинаково не волновали меня. А потом я увидел ее рот.

Тысячи часов провел в пункте наблюдения за потребителями пищи и вдруг видел такой рот, на который хотелось смотреть все оставшиеся годы существования. Эти губы так нежно касались друг друга и каждый пигмент их кожи кричал о том, как прекрасна жизнь. И где-то там живой как самая эта жизнь язычок вершил таинственные процессы; и все, чего мне хотелось, так это стать на мгновение хотя бы кусочком пищи, одним из. Я не смел поднять глаза выше этого рта.

Я не знаю, как она выглядела. Я бы ни за что не узнал бы ее в парандже... да нет, будь какой угодно голой, но прикрой она эти губы, я бы упустил, навсегда... Наверное. Все могло бы быть иначе, если бы не магия, о которой она, возможно, даже не подозревала. Думала все свои 18, 27, 35 или сколько там еще лет, что она – самая обычная, обычайная, ничего такого, женщина, как все. Но у нее были завораживающие губы, и как только они перестали жевать, время на секунду остановилось – какие секунды, тогда я был не я, потерял себя, свое прошлое, свою волю, не мог пошевелиться и забыл, зачем я здесь.

Кто-то вскакивал, сшибая стулья; звенела разбитая посуда, меня трясли за плечи, а я не знал, конечно, ничего, ни о чем. Случилось то, что бывает раз в месяц, если не сезон, и точно последний раз в моей карьере. Она умерла спустя три секунды после того, как перестала жевать. Я так и не нажал кнопку.

Меня пригласили в спа-салон, какая-то рекламная акция. Хорошо, нужно отвлекаться на разные другие вещи. Когда мне плохо, я иногда помню о том, что надо занимать себя хоть чем-нибудь, превращаться в наблюдающего субъекта. Все равно, что наблюдать. Красивое целое безобразно в деталях. Красивые нюансы складываются в общую целостную безобразность. Спа-салон оказался центром индивидуального унижения. Ко мне был применен следующий подход: дать убийственный диагноз по состоянию моей кожи, предложить перейти на «ты», пристыдить мое полное незнание терминологии, попытаться убедить, что набор кремов за 50 штук – это недорого. Вся эта суета вокруг 20 сантиметров кожи, натянутой на черепную коробку вызвала рой мыслей, главная из которых – «и думать об этом ниже меня». Но я все же подумала немного. Целый

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

час меня окружал мир гламура, который преподносился как банальная забота о своем здоровье. Можно было бы попытаться втянуть девочку в разговор о том, кто с какого перепугу взял, что у женщины в 27,5 лет не должно быть морщин вокруг глаз. И вряд ли твой мужчина – если сделать известное допущение, что всё в своей жизни женщина делает ради него – будет любить тебя сильнее за кукольное личико. Девушка Сабина, косметолог и уроженка Кавказа, смертельно обиделась на мой отказ вступить в братство красивых женщин, но по правилам ей надо было намазать и вторую половину моего лица всеми пятью средствами. Ее руки сразу стали грубее, движения резче, в какой-то момент Сабина затихла, и мне представилось, будто она потянулась за ножом, чтобы изувечить мою кожу, отомстив как истинный косметолог за неверие в важность ее профессиональной сферы. Но эта мысль меня не напугала в свете событий и переживаний последних дней. Я готова была умереть прямо на столе. Почему-то меня пощадили. «Сабина, ну простите, что я у вас ничего не купила. Зато вы меня немного отвлекли от грустных мыслей.»

Когда N было совершенно не в состоянии думать о будущем и о своем настоящем, и только волны прошлого захлестывали водой, в которых легче утонуть, чем научиться плавать, она всматривалась в лица, пытаясь отдалиться этому занятию всем разумом. Тогда лица виделись не расплывчатыми пятнами, а сгустками энергии с отпечатками истории, с затейливой детализировкой. Усталые и приободренные, изуродованные загадочным недугом или оживленные ожиданием лучшего, полные энтузиазма, жаждущие жизни – из последних сил. Тогда она забывала свое лицо или даже теряла его. Тогда не было необходимости думать о себе.

Пока ты спал, она выплакала все глаза – так, что вода поднялась до мансард, а кошки вылезли сохнуть на крышу. Ей причудилось: ты не умеешь плавать, в легкие попадет вода. Только она спасет тебя от своих же слез.

Зачем так серьезно, зачем бояться прихода пустоты, когда твою крышу снесло еще прошлогодним дуновением новой весны – и над головой только воздух, который не должен ничего помнить. Она говорит с ним о том, что давали на завтрак, о новых технологиях гипнотизирования клиентов, о погоде – а сама все это время думает, как бы он не заметил кольца на ее правой руке, и зажимает кулак между коленями. Как можно быть такой легкомысленной, а? Вчера в сети на нее свалилась одноклассница, с вопросами: «Замужем? Дети есть?», на встречные вопросы ответила: «Была, развелась». В тот момент, когда пальцы разглаживают белоснежные складки и от волнения сводит колени, когда со-

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

бравшись с последними силами нанизываешь кольцо на его дрожащий безымянный, не думаешь ведь, надолго ли это и когда это кончится. Эти все вопросы – потом...

Женщина улыбается в объектив фотокамеры. Кому обращена эта улыбка? Мужчине? Всем мужчинам мира? Современному обществу? Всему живому на земле? Ее не рожденным детям? Всему, что могло бы случиться, но...? Прекрасному будущему? Уходящему моменту? Вечности?

Говорят, для христианина нет понятия будущей жизни, есть жизнь вечная. И если ты о вечном думаешь, ты не можешь в то же время думать о несданном к сроку отчете, о сгоревших дедлайнах, о том, что в этом мире, в этом мужчине, в этом зеркальном отражении что-то не так. Зачем женщина улыбается в круглое отверстие – улыбкой своей раздвигая границы времени земной жизни, освещая бездну беспамятства, которая как будто вот-вот поглотит нас..? Но если есть эта улыбка, обращенная в вечность, тьма поглотит все, а ее не тронет. Кота нет, улыбка качается в пустоте.

«Попросила его сварить мне кофе. Так он засыпал мне четыре ложки сахара и еще молоком залил. Я ему этот кофе чуть в харю не вылила».

Однажды ты будешь просто ехать в вагоне метро по кольцу, а я – можно? – сяду на освободившееся место рядом с тобой и закрою глаза. Из сумочки твоей будет доноситься приторный запах обеда. И мне будет так тепло, как не было давно – еще со дня выхода из утробы, кажется, не было мне так тепло... А вот если бы мы были-жили не здесь, а на каком-нибудь заброшенном жарком острове – были бы мы так же никчемно одиноки? Так же бы нуждались в тепле, изводили бы друг друга своими окоченевшими душами?

– Мы в Эрмитаже были. Там картина, эта... Мадонна, что ли, называется. Там женщина реально на тебя смотрит! Ну это ж невозможно!

Я живу на Гиляровского, почти на Проспекте Мира. Если двигаться в сторону кольцевой, проходишь мимо Дома моды Славы Зайцева. Женщины обычно улыбаются на вычурных инопланетянок в витринах. Потом таинственный дом Свечиной-Шиммерман. Выкрашенный в разбеленный бирюзовый очень красивый особняк. Я бы в нем жила бы.

Сегодня я пошла не на работу, а в Аптекарский огород. Там все цветет, все женятся и выгуливают детей. На бульварах шумный день вторника. Непонятно,

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

почему столько людей греются на солнышке, будто им уже никуда не надо. Мой сосед по скамейке распивает водочку, подставляя пузо солнцу и названивая случайной московской знакомой: «Ну ты что, меня не помнишь? Я же тебя провожал, год назад, когда приехал в Москву... Помнишь?». Пятилетние девочки на соседней лавочке считают мальчиков. Насчитали пока только пять.

– Ты давно встала?

– Давно. Десять минут назад.

– Че сидишь? Доставай бутерброды, будем есть.

– Ну, я не хочу есть.

– Ты че, с ума сошла?

Нет смысла красить ногти на ногах. Нет смысла зарабатывать деньги. Нет смысла ходить в обед на бизнес-ланч. Нет смысла звать на свою свадьбу родителей. Нет смысла покупать новые гаджеты. Нет смысла листать пропущенные звонки.

Есть смысл бегать в парке или крутить педали велосипеда. Есть смысл уезжать и не возвращаться. Есть смысл влюбляться в тех, кто готов к любви. Есть смысл растить детей у моря. Есть смысл жить в красивом месте. Есть смысл ждать, если больше нечем заняться.

Выбирал я себе жену по особым признакам. Плевать, что не красотка и без красного диплома, важнее, чтоб умела обойти очередь и урвать нехудший кусок. Чтоб не страдала мигренью, бессонницей и истерией. Чтобы работала и умела приготовить из ничего сносный завтрак. Долго выбирал я себе жену, а влюбился в какое-то чудище. Таскает с собой всюду толстый блокнот и записывает туда все, что видит. Пишет обо мне роман. Я люблю ее и не знаю, что делать с ней.

Никогда не угадаешь, что в голове у пьяного, если не принял сам:

500 грамм светлого

300 грамм красного

100 грамм кубинского

50 грамм беленькой –

И человек в своем микрокосмосе. Может, у него в голове Илиада Гомера.

Может, план свержения строя. Может, просто объяснение в любви.

Проходите, здесь дует. Садитесь в кресло, почувствуйте себя как дома и будьте как дети. Сейчас заварю чай.

ДНЕВНИК НАБЛЮДАТЕЛЯ

Познакомьтесь, вот тут я рисую, мне шесть и мне больше ничего не надо в жизни еще ближайšie восемь – до первой любви. Вы же помните, как первая любовь разрушает все. Потому что потом детства не вернуть.

Познакомьтесь, это мои сомнения – домик для Алисы, коленки и локти выпирают из оконных проемов. Это самое тесное прибежище, в котором мне пришлось жить.

Разрешите представить, это мои рассказы – я вообще-то больше не пишу.

Это мои друзья – они живут в других городах.

Это мой любимый, он сделал мне больно, но я должна его простить, я чувствую, только прощение может меня спасти.

Уже уходите? Не останетесь на вишневый пирог? И правильно, вишня вся прокисла, а тесто подгорело, приятно было с вами познакомиться, хотя. Кажется, я все говорила и ничего о вас не узнала.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом

Канат Омар

Поэта Каната Омара я знаю с 2008 года, когда приехал на фестиваль верлибра в Москву. Кулуарные фестивальные разговоры уже тогда виделись мне одной из наиболее важных составляющих любого праздника-фестиваля. Именно так и произошло. Канат оказался чрезвычайно интересным собеседником и совершенно прекрасным человеком. Впоследствии я познакомился и с его поэзией, в частности, книгой «Каблограмма», которая мне очень понравилась. Канат Омар пригласил меня приехать в Астану, где он проживает, и летом 2016 года я воспользовался этим предложением. Презентация альманаха «Графит» была устроена при непосредственном участии замечательного казахстанского поэта. Вот беседа с ним.

Сергей Сумин

– Канат, скажи, что есть поэзия, по-твоему, что это такое? К какому полюсу она ближе – к магии или явлению социальному?

– На мой взгляд, побудительный импульс того, что мы условно называем поэзией, исходит от энергетического поля, осмыслить которое невероятно сложно, потому и возникают различные попытки интерпретации невнятного сигнала, беспрецедентные способы его более-менее внятного перевода на язык человеческого разума, с использованием всего имеющегося у автора инструментария. И, естественно, его собственное представление о мире диктует выбор слов, красок и образов, не говоря уже о ритмическом рисунке текста. Ведь речь при этом зачастую идет весьма опосредованно – через разговор о совершенно, казалось бы, посторонних предметах или понятиях о предметах, почерпнутых скорее из области восприятия социального. Но, безусловно, извлечение смыслов из звучащего небытия обладает свойствами, которыми принято наделять условно магические занятия.

– В твоей книге «Каблограмма», которую я читал уже давно, мне показалось важной фонетика, работа на слух, работа тонкими штрихами звука? Насколько тебе, как автору, необходимо слышать текст?

– Осуществившийся текст – это, прежде всего, архитектоника звука, которая странным образом влияет и на смысл текста, все эти переключки и мерцание... Фонетика колдует на передовых аванпостах, в то время как мышление еще тащится в обозе. Именно «проба на язык» не дает соврать, фальшивый звук всегда хорошо различим и перечеркивает всё прочее.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– **Канат, так ли важно для поэта место проживания? Что для тебя Казахстан, а конкретнее – город Астана?**

– Заниматься стихотворными текстами – значит, проживать в языке, на котором они записываются. Если это русский язык, то и автор, соответственно, больше находится в энергетическом поле русской литературы, нежели в тех географических координатах, в которых ему суждено было оказаться. Астана для меня это город, который создается на глазах, в котором относительно комфортно и даже забавно, и чья энергетика не может не впечатлять и не подпитывать в минуты сомнений. Здесь многое намешано, и далеко не всё ещё проявлено.

– **Не могу не спросить о книге, которая вышла недавно – Нембо (1992). Там собраны ранние вещи. Как ты к этим текстам сегодня относишься?**

– Книжка миниатюр Нембо была написана страшно давно, и могла бы выйти еще в 1993 году, но так сложилось, что ее отпечатали ограниченным тиражом только спустя 22 года. Это такой не совсем понятный опыт существования важных когда-то для меня текстов, который, наконец, получил логическое продолжение. Спасибо составителю Павлу Банникову и издателю Алексею Швабауэру. Получилось собрание довольно экспериментальных текстов, в которых многие логические звенья опущены, а фонетический разгул порой зашкаливает. Но существа и персонажи, живущие в ней, до сих пор не рассыпались и не разлетелись по ветру, всё ещё бормочут что-то себе под нос.

– **Верлибр как форма письма, как метод – чем тебя привлекает? Актуален ли он? Твое отношение к рифме?**

– Верлибр по-прежнему видится как наиболее естественный способ организации текста, когда речь звучит, не столько подчиняясь инерции размера и испытывая при этом разрушительное давление «памяти материала», сколько следуя собственному ритму и внутренней логике текста. Возможности верлибра настолько неограниченны, что позволяют надеяться на появление самых необычных текстов его приверженцев. При этом рифма как один из элементов инструментария никуда не девается. Она живет в самых невероятных созвучиях, порой удерживая в парящем равновесии распадающийся было текст.

– **И традиционный вопрос – твои пожелания альманаху «Графит»?**

– Я помню, как листал страницы первого номера «Графита», с каким удовольствием открывал новых авторов. С тех пор прошло 5 лет. Рад, что проект состоялся, обзавелся книжными приложениями, и очень надеюсь, что он продолжит счастливое существование, невзирая на все перипетии современного издательского дела.

Август 2016 г

Канат Омар

АПОЛОГИЯ РИСОВАЛЬЩИКА

1

трикстер

лечу тревожным почтальоном
как шелестящим молескином
подробно дёргаясь и хмурясь
под карандашным остриём

лечу в сумятице бумажной
штриховкой шороха очерчен
преображаясь бесконечно
выделывая кренделя

лечу на шелесте и мучусь
прозрачной графикой тревоги
мелькая выскочкой люмьером
у кулешова на виду

мчусь сломя голову на месте
шуршащим мороком разбужен
горячкой веера взъерошен
чечётке виттовой учусь

зажмурившись ошеломлённо
себя пролистывая бегло

шурша пизанской катастрофой
и щёлкающим языком

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

рисовальщик

*барахтаешься под обложкой
летишь летишь не замечаешь
что на странице на последней
уже горящий протопоп*

*вот-вот прожжёшь бумагу-небо
как будто за полярным кругом
пока зима-сибирь на память
записывает от руки*

2

шуршащую пролистывает кто
прозрачную и шаткую колоду
гроссбух тоски

неведомую чушь

где запертый кривляка-оригами
графический живучий карапуз
летающий в космос а не то по воду

болтая беспилотными ногами

у шороха учусь чему?

разбить на озеро и греческий скандал
прозрачную и зыбкую цепочку
и выпустить на волю пузыри
пускай и фиолетового цвета
и вот уже оправдана развязка
которую придумала природа
прислушайся что делают китайцы
о чём скорбишь прозрачный сорванец

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

ПРОИСШЕСТВИЕ

это случилось так

ранним утром отец перехватил её по пути

в школу

перебросил через седло

и умчал в степь

в октябре когда стало видать далеко кругом

там её и нашли –

видимой издалека

освещаемой надорванным небом

покачивающейся на суку догорающего дерева

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

шелушащийся

овеществляется материя
из небывалого *при чём тут*
напуган озером и охнул
в ковбойской шляпе карапуз

наполнен сумерками остров
зачерпнут рядом и продрогший
до послезавтра опрокинут
пронзён и дремлет наугад

Г* * *

самая хмурая любовь на свете

боль обрезает любимые лица
лица растягиваются от боли
и облетают к реке оборванцы

за двойным стеклопакетом "фатеры"
нашей башни из пенобетона
там внизу

снова вьюга и южная слякоть
рваный дождь и порывистый ветер
сколько-то сверкающих метров в секунду

опять синоптики завывают
о циклопах и антициклопах
фронтах небесной артиллерии

балаган вполне земного гадания
на бобах приблизительности
и пигментных пятен

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

тянется с самого дна
комнаты едва отрывает
голову от сыромятной подушки

смотрит в окно как в кино
перед ней пенелопа в мехах
босиком ступает по снегу

дразнится и обмороком грозит
над землёй с соседями зависнув
восемнадцать метров высоты

выгибает спину и ладонями
груди приподняв летит в трюмо
отраженье сучий папарацци

звякнула о камень навсегда
не сама не море несмеяна
пузыри цепочкою и блики

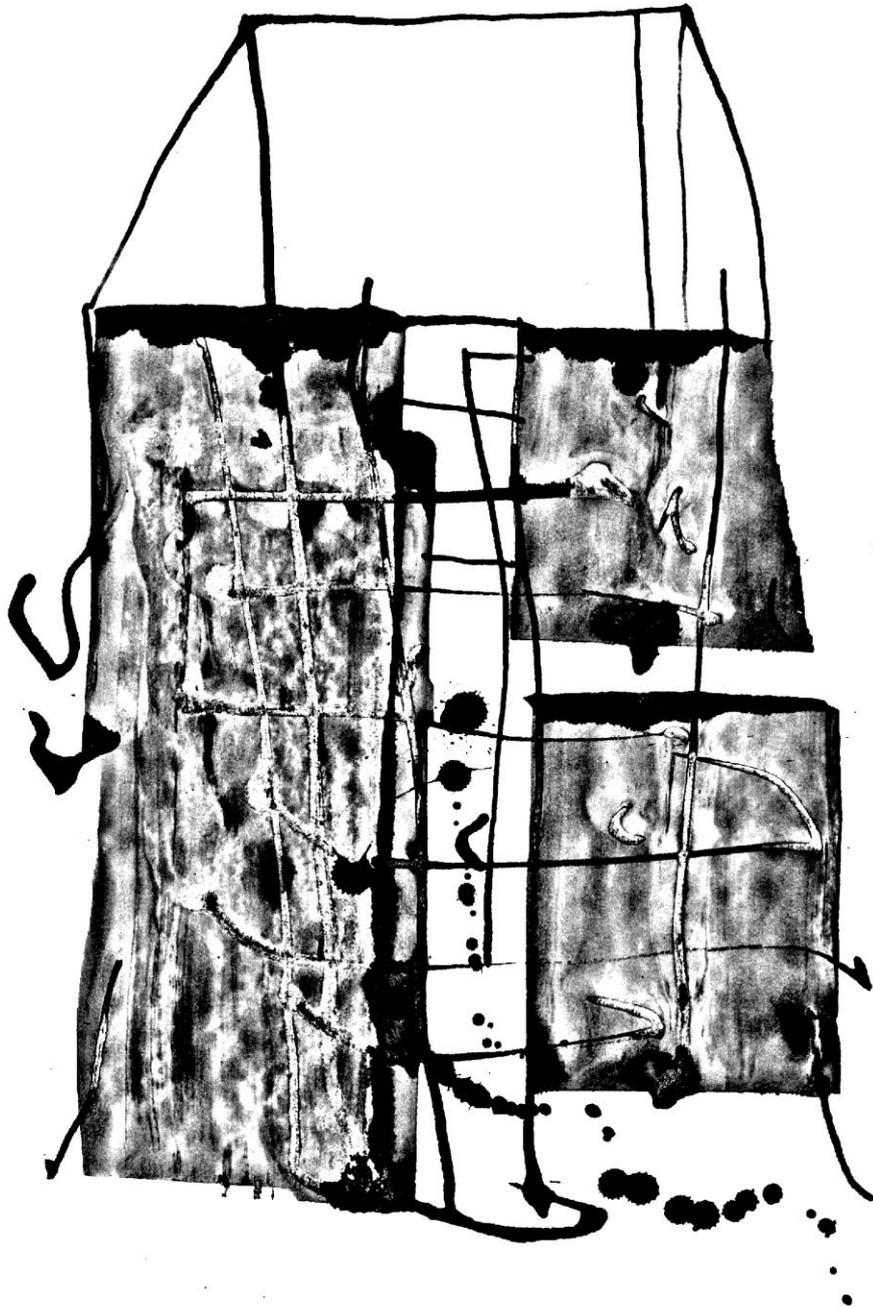
* * *

и раз и два! и раз и два!

монстры переплывают атлантику
в поисках востоковедов
куда деваться от напасти
вон пузыри на мелководье

и выйти прочь уже нельзя

покуда в коридорах носоглотки
гуляет затяжное послевкусие
покуда волк вопит из-под тамбова
на чём куда уехал кто?

Иван Медведков

Визуальный контакт

У песка есть запах. Если лежишь очень долго на раскалённом бархане, который непостижимым образом появился на крыше заброшенного двухэтажного здания, то вдыхая обгорелым носом мельчайшие песчинки, чувствуешь запах. Нотки восточных сладостей, вонь шерсти уставших верблюдов, свежесть несуществующего оазиса, злость исчезнувших кочевников. Рядовой Алиса Кортес уже шестой час, как заняла свою позицию и ждала. Ожидание составляло девяносто девять процентов её работы. Её службы. Даже в учебном корпусе армии, который был расположен в районе боевых действий, война представлялась ей чередой бесконечных приключений. Перебежки и перестрелки, ночные десанты, специальные задания, господи, сколько романтики было впереди... Это заблуждение напоминало о себе холодными ночами в пустыне, когда грязный песок скрежетал на зубах. Девушек и в обычной жизни находит такое же разочарование, только вместо послевкусия от конфетно-букетного периода у Алисы был сбор трупов своих и врагов после артобстрела.

Утром этого дня она получила неожиданный приказ, и не поверила своим ушам. Её отправляли в заброшенную деревню, в 5 километрах севернее базы, где возможно, по непроверенной информации, должна появиться группа местных боевиков. Обстановка в секторе боевых действий накалялась, командир не собирался тратить время опытных бойцов на непроверенные сведения, поэтому решил отправить новичка. Просто отлежится день и вернётся. И напарник не нужен. А разведчики будут чуть меньше плакать в штабе, что их данные недостаточно ценят. Алиса чувствовала, что командир хочет избавиться от неё, с притворным весельем он поторапливал её сборы на задание. Оно было предельно простым: в течение часа занять самую высокую точку, закрепиться на ней, ждать появления цели.

Людей, с которыми нужно что-то сделать, например, убить, в армии называют «цели». Как будто они сразу становятся неодушевленными, без семьи и друзей. Хотя по "цели" на спусковой крючок нажимать легче: как по мишени в тире.

Как только цель появится, Алисе нужно было сообщить по закрытому каналу о её появлении, и ждать. Активные действия предпринимать "только если противник заметит рядового Кортес". Отсалютовав и отчеканив: «Сэр, так точно, сэр», – Алиса отправилась в заброшенную деревню.

Переход по сорокоградусной жаре, в полном обмундировании, когда предательский песок поглощает твои ступни, изнурителен. Она прислонилась к

стене самого высокого здания, медленно сползла вниз. Перекинула винтовку поудобнее, аккуратно выглянула из-за угла. Улица тянулась на полкилометра, не меньше. Заброшенный колодец, разбитые доски, насквозь проржавевшие автомобили. И больше ничего. Алиса сделала несколько глубоких вдохов, выпила немного воды (надо экономить: день будет длинным) и зашла в дом, соблюдая вымуштрованную осторожность. В доме было чуть прохладнее, она, пригибаясь, прокралась до лестницы, поднялась на второй этаж. Пусто. Ощущения, что находишься в дурацкой игре, не покидали её. Часть крыши провалилась, поэтому Алиса ненадолго залюбовалась медленно осыпающимся песком, вальяжно опускающимся внутрь здания. Песок никуда не спешил, он методично захватывал новую территорию. Песок шептал, когда тёрся о край сломанной крыши: «Всё, что люди отняли у меня, я заберу обратно». Алиса подумала: "Не случайно часы – песочные, – время вечно, а люди, увы, нет" Она подняла несколько досок, наклонила голову, прошла под шелестящим водопадом. Сложила себе небольшую подставку и с трудом забралась на крышу. Алиса поправив шлем, который неудобно опускался на глаза, осмотрелась вокруг. Пустынный пейзаж завораживал. Километры кривых дюн тянулись до горизонта, где воздух дрожал и казался паром. Ослепительно голубое небо было так близко, будто вечером оно опустится на раскалённое одеяло из песка и укроет его от холодной ночи. Алиса почувствовала, что вдыхает крупинцы счастья вместе с песчинками: "Как далеко может завести качественная пропаганда службы в армии? Этой команде пиарщиков нужно бы делать рекламу в турбизнесе..."

Чуть больше года назад Алиса сидела со своим парнем у него дома, они смотрели телевизор. Во время неинтересного для неё футбольного матча, она в первый раз обратила внимание на рекламу армии. Казалось бы, зачем армии реклама? Но показанные кадры захлестнули её эмоциями. В одно слово эти чувства можно было описать как патриотизм. До того момента – непонятное для неё слово из лексикона политиков. Даже по смыслу, не то что по эмоциональной окраске. А через минуту она уже листала все ролики на Youtube. Парень несколько удивился, немножко подразнил её и продолжил смотреть футбол.

Райан не придавал значения странному повышенному интересу к армии со стороны своей девушки. Он вообще не допытывался и не анализировал то, что происходило между ними. Можно сказать, плыл по течению. Но сколь бы долго по реке отношений не плыть, однажды, впереди может оказаться водопад. А если не обращать внимания на незаметные знаки, то падение будет неприятным и неожиданным.

Они ходили в кино, на вечеринки, иногда просто оставались дома. Точек соприкосновения было достаточно, чтобы был выбор из совместных занятий,

но не так много, чтобы они совсем растворились друг в друге. Стандартная хорошая пара. Стандартное приятное развитие отношений. Только трагичный финал в них не вписался.

Алиса заняла позицию на углу крыши. Длинная улица просматривалась, как на ладони. Она привычно взяла некоторые пустые окна под прицел, по очереди. Достала бинокль, проверила расстояние до объектов в середине и в конце улицы. Ничего особенного. Подвигала локтями, поворочалась, будто укладывается спать. Постаралась лечь удобнее. Времени придётся здесь провести немало, и, скорее всего, без результата. Задание есть задание. Сохраняя внимание, Алиса попробовала отрешиться от действительности, скользить на самом краю сознания. Своего рода медитация. Секунды медленно тёрлись о секунды, минуты с грохотом падали на минуты в песочных часах. Как всегда внезапно начало темнеть. Прошло шесть часов.

Движение было едва уловимым. Но она заметила его. Выглянувший из-за угла здания в конце улицы человек, выдернул её из покоя подсознания в тёплый пустынный вечер. Алиса снова достала бинокль, внимательно посмотрела на угол здания. Через пару минут голова человека опять появилась, при этом «цель» посмотрела прямо по улице. По заданию у Алисы были конкретные инструкции: сразу сообщить о появлении «цели» в штаб. Она достала рацию и негромко проговорила:

– Гадюка – норе. Приём.

Никто не ответил. Странно. Обычно связной реагирует сразу. Но в штабе чем только не занимаются помимо службы, так что ничего удивительного.

– Гадюка – норе. Визуальный контакт, приём.

Она позволила себе длинную формулировку, потому что настоящей активности ещё не было. Опять тишина. Алиса проверила частоту: всё в порядке. Чего они там молчат?

– Гадюка – норе. Визуальный контакт, рядовой Кортес, приём.

А вот это уже нехорошо. Согласно регламенту, который был введён совсем недавно, если трижды не отвечает штаб, то ответственность за операцию возлагается на исполнителя, он получает право действовать самостоятельно.

Прежде чем действовать, Алиса захотела повернуться и посмотреть в сторону базы. Может женское чутьё, может солдатское. Она осторожно повернулась и увидела нечто страшное. Прямо со стороны базы на неё двигалась песчаная буря, жадно заглатывая песок и превращая холмистый пейзаж в равнинный. Согласно неписанному регламенту выживания необходимо спрятаться от бури, закрыть рот и нос тряпкой или одеждой и переждать её. Находиться на крыше здания во время буйства природы крайне нежелательно. И вот тут страх

наконец-то накрыл её. Осознание радиомолчания и свихнувшейся стихии ледяным потоком заполнило всё тело. Два события не могли быть случайностью. Алиса снова посмотрела на «цель» уже через оптический прицел.

Человек вышел из-за угла на середину улицы. А за ним ещё один. И ещё. И ещё. Естественно, все с оружием и в защитной одежде. А потом вышел подросток, на вид лет тринадцати. Несмотря на небольшой возраст, он держал в руках АК-47. Почему-то, боевики показались ей похожими на облезлых гиен с детёнышем, которые собираются залезть к себе обратно в пещеру. В том, что это были боевики, сомнений не было. Они показывали в сторону песчаной бури, переговаривались. Песчаная буря была за спиной Алисы, поэтому, возможно, они показывали на её позицию. Может оптический прицел предательски блеснул отражением закатного солнца.

"Может, всё-таки не заметили? Кто не удивится «песчаному цунами», которое вот-вот накроет деревню? А что если заметили и обсуждают, как сейчас обойдут её с флангов? А почему тогда они остаются на месте?" Дилемма казалась неразрешимой, она одновременно с этими мыслями, проверила температуру и ветер, сделала нужные поправки. Она сняла винтовку с предохранителя. Если прямо сейчас не принять решение, то буря накроет всех, а она потеряет преимущество в дистанции. Алиса взяла на прицел самого дальнего от неё боевика, одного из пяти, считая ребёнка, и замерла. Все эти банальности, что у врага тоже есть семья, что он воюет за правое, по его мнению, дело, перегрузили мозг. Вытеснили страх. В учебке предупреждали об этом, и нехитрое упражнение должно было помочь. Нужно было представить лица погибших товарищей. Бессмысленно. Смерть одних людей не вернёт других. Но действительно. "Во исполнение долга перед Родиной, рядовой Кортес", – зазвучали в памяти призывные голоса... На выдохе. Щёлк. Алиса плавно нажала на спусковой крючок. "Цель", словно тряпичная кукла, передёрнулась и упала на песок.

Опытные боевики синхронно посмотрели по направлению, откуда был выстрел. Один из них спрятался за полуразвалившийся колодец, другие два ринулись к ближайшему зданию. Только ребёнок удивлённо замер, смотря на убитого. Алиса уже держала его на прицеле. Господи, он же совсем дитя. И это дитя сейчас будет охотиться на неё вместе с другими. Первым побежит в атаку. На это решение должно даваться два дня, а не две секунды. Вдох. Выдох... Щёлк. В прицел было видно, как потоки багровой крови выплеснулись на раскалённые жёлтые камни.

Эти два выстрела, словно тревожные удары в гонг, известили выживших о приближении песчаного исполина. Алиса отползла назад, поднялась и поспешила к другому краю крыши. Ветер стал сильным, она, прикрывая глаза, посмотрела на стену из пыли, которая вот-вот накроет дома. Алиса вспомнила

чувство, когда в детстве пряталась от грозы. Они с сестрой бежали вниз по улице, увидев иссиня-чёрные тучи над полем, около фермы. Мама уже вышла на улицу, подгоняя и так бежавших со всех ног дочек. Они забежали во двор, потом в дом, с огромным облегчением закрывая за собой дверь. Чувство безопасности наполнило теплом всех обитателей дома. Забытое чувство.

Алиса прыгнула и мягко приземлилась на пол второго этажа. Успела забежать в комнату с единственным забитым досками окном, когда песчаный дождь забарабанил по крыше. Противная взвесь заменила воздух, рядовой Кортес заняла позицию у заколоченного окна, через щели которого ещё можно было разглядеть часть улицы и противоположный дом.

Видимость снизилась до нескольких метров. Песок пытался заполнить нос и рот. Платок цвета хаки защищал, но не до конца. "Эти шакалы скорее всего пойдут через здания, значит: либо появятся прямо передо мною, либо слева, на другой стороне улицы. А, возможно, с обеих сторон. Выйти на улицу и побежать через пустыню? Нет, самоубийство. Пойти им навстречу? А если они всё-таки двигаются группой – то шансов выжить мало. Судя по тому, что они не остались стоять, как истуканы, после первого выстрела, это настоящие наёмники. Или обученные фанатики. Остаётся только ждать. И увидеть их первой. Интересно, какую бы оценку мне поставили за это решение на уроке тактики?"

В окне напротив она заметила движение. А потом боевик почти свалился с открытого балкона через маленькие перила. Он потерял равновесие, закачался на краю, сильный ветер несколько не помогал ему встать ровно. Соседний дом находился всего в нескольких метрах от Алисы. Она вскинула автомат и дала короткую очередь. Боевик крутанулся на месте и упал вниз. Другой, очевидно, разглядел вспышки от стрельбы на втором этаже. Издав боевой клич, он швырнул гранату в дверной проём, который находился рядом с окном Кортес. «Зачем он кричит, я бы может и гранату не заметила», – подумала Алиса, когда дёрнулась влево, рывком переместилась на балкон и прыгнула вниз. Она неудачно приземлилась, подвернула ногу и растянулась плашмя на песке. Прежде чем прикладом старого доброго АК-47 её вырубил третий боевик, который появился, как призрак из песчаного урагана, она успела подумать: «Почему нет взрыва?» Рация вывалилась из её нагрудного кармана:

– Нора – гадюке. Связь восстановлена. Визуальный контакт подтверждён. Ждите приказа. Приё... – боевик по-своему воспринял поток непонятных слов, сливающихся с гулом пыльного ветра, и вторым ударом приклада грубо прервал связного.

Райан пришёл в гости к Алисе, это было несколько лет назад. Он пришёл поделиться с нею, что наконец-то нашёл хорошую работу. Правда, в другом го-

роде. Но, ничего, это как раз повод съехаться. Он мерно думал об этом, как об очередном checkpoint¹ в их отношениях.

– Привет, у меня есть новости, – Райан решил сразу всем поделиться, воодушевления своего он и не пытался скрывать.

– Привет, а у меня тоже, – Алиса выглядела спокойной и сосредоточенной.

– Давай ты, – игривое настроение Райана контрастировало с настроением подруги.

– Нет, ты первый сказал, – они ощутили себя участниками детской игры.

– Хорошо, – настрой Райана было тяжело сбить, – я наконец-то нашёл работу! В соседнем городе, зато мы сможем съехаться! Как тебе такие новости? – Райан замер на краешке стула. Вместо восторженных воплей в ответ была тишина. Алиса смерила парня строгим взглядом и сказала:

– Я никуда не поеду.

Ошеломлённый Райан чуть не соскользнул со стула. Он услышал ответ, которого совсем не ожидал, ещё и в безапелляционной формулировке. Он уселся поудобнее.

– Почему ... не поедешь?

– Потому что не такой жизни я жду. Я хочу добиться чего-то стоящего, я хочу быть самостоятельной и независимой. Следовать за тобой – это не для меня, – Алиса выплеснула на Райана заранее сформулированный текст.

– Но...я...мы... – Райан пытался собраться с мыслями.

– Что ты блеешь, Райан, говори, – неестественная агрессивность Алисы ещё больше смутила Райана.

– Я не знаю, что сказать.

– Тогда добавлю я. Я уйду в армию, – если Алиса хотела произвести ошеломительный фурор, то она сделала это.

– В какую армию? – Райан становился приторно-глупым, когда в его жизни случалось что-то важное и страшное.

– В нашу, в какую ещё, – Алиса могла улыбаться и в такой момент.

– А, подожди-подожди, это значит, мы расстаёмся? – несмотря на то, что очевидность ответа зашкаливала, Райан всё же задал этот вопрос.

– Ну да. Хотя можешь меня подождать, – Алису действительно это забавляло.

– А давно ты решила? – Райан даже не пытался оправиться от удара. Он летел вниз с водопада, широко растопырив руки, нелепо ловя ртом воду вместо воздуха.

¹ Checkpoint – (англ.) пропускной пункт, контрольная точка

– Ну, прошла медкомиссию месяц назад. Кстати, поздравь меня, я абсолютно здорова, – Райан разбился о бурлящую внизу воду, не в силах выплюнуть солёные слёзы обиды.

Райан молча поднялся со стула, взял свою лёгкую куртку и направился к выходу.

– Куда же ты, Райан, и это всё? – Алиса даже не поднялась с кровати.

Райана душили слёзы. Он вообще был впечатлительным и сентиментальным парнем. Казалось, его жизнь уже устаканилась, события будущего предсказуемы. Общая квартира, свадьба, дети... Но армия!!! ...Внесла свои коррективы. Райан набрал номер друга, они отправились в бар. Классический выход из очередного тупика в его жизни.

Позже он переехал в соседний город. Работа клерком в огромном офисе с безликими людьми давала стабильный доход, но доставляла мало удовольствия. В тот момент, в его жизни появилась она. Фотография. Друзья подарили ему на день рождения полупрофессиональный фотоаппарат, хотя он никогда этим не увлекался. Но его душа требовала чего-то творческого. Сначала, Райан фотографировал всё подряд, был всеядным. Пробовал разные ракурсы, снимая одни и те же предметы. Читал о настройках фотоаппарата в Интернете, потом практиковался. Но никакие технические «приёмчики» не смогут научить тебя ловить момент. "Ловить момент" – это те 10% таланта, к которым нужно добавить 90% обычного труда фотографа. Однако без этих 10% сумма будет равно нулю.

Офисный работник, который перестал печатать и вспомнил, что сегодня пятница... Собака, дождавшаяся хозяев с работы... Ребёнок, которому подарили первый велосипед... Яркие схваченные моменты жизни пополняли папку начинающего фотографа.

Ещё совмещая работу и хобби, Райан отправился в отпуск, в Европу. Никто из друзей не захотел ехать в скучную старушку Европу. Райан взял с собой фотоаппарат. Сидя в самолёте, думал о том, что одиночество – это путь к творчеству. Другие выражения лиц людей, другая архитектура, другой стиль жизни – должны были пополнить его коллекцию удачными снимками.

Отпуск проходил прекрасно, Райан много гулял и очень много фотографировал. Испуганные голуби на площади начинают взлетать... Жена ругается на пьяного мужа, перегнувшись через окно... Влюблённая парочка торгуется, чтобы арендовать скутер...

Райан сидел в ресторане своего отеля, листал на экране фотоаппарата сегодняшние снимки. Пока он ужинал, пошёл дождь. Серая пелена нависла над городом. Перед отелем была небольшая площадь, а через неё по диагонали воз-

вышалась старинная церковь. Райан сделал снимок, на котором небо и церковь довлели над зрителем. Безысходность и ничтожество. Такое броское название понравится посетителям его фотовыставки, если таковая когда-нибудь случится.

За соседний стол опустилась девушка. Райан сначала даже не заметил её. И начал убиваться: как он мог не заметить её сразу? Она была одета во всё чёрное, платье было длинным и закрытым, старомодная элегантная шляпа с широкими полями гармонировала с нарядом, огромные очки в белой оправе скрывали глаза. Она пила маленькими глотками из крошечной чашки. Руки Райана сами навели объектив. Девушка как раз смотрела на площадь, её голова была в идеальном полуобороте. Новый кадр. Райан отодвинув от своей головы фотоаппарат, посмотрел на незнакомку через экран. ...А она смотрела на него.

– Простите, Вы, что меня...фотографируете? – у неё был очень милый акцент.

– Да, не мог сдержаться, – Райан чувствовал себя глупо.

– Вообще-то, приличные фотографы спрашивают разрешения.

– Если бы я это сделал, то упустил бы момент. А его упускать нельзя, – оправдание у Райана было готово заранее.

– Вы должно быть всем так говорите, кто по ту сторону объектива, – она наморщила носик, очки забавно приподнялись.

– Только красивым, – Райан говорил подобные глупости и банальности непринуждённо, у него это очень хорошо получалось.

– Ха, – она продолжила пить кофе.

Райан, опьянев от своей смелости, подсел к ней за стол.

– Давайте я вам покажу снимок, – и, не дожидаясь ответа, протянул ей фотоаппарат. Она спокойно взяла камеру одной рукой, другой грациозно сняла тёмные очки. Карие глаза сначала посмотрели на Райана. Моментальный расчёт: ширина плеч плюс стоимость одежды. Результат оказался достаточным, для продолжения знакомства. Ему почему-то вспомнилась древняя китайская поговорка: «Собака смотрит на палку, которую кинул человек, а лев – на человека» Эта леди была не похожа на дворняжку.

– Неплохо, но вы можете лучше, попробуйте в другой раз, – она вернула фотоаппарат.

– А когда будет другой раз? – Райан вёл диалог легко, как ему казалось, по-европейски.

– В том же месте, в тот же час, – она поднялась из-за стола, надела очки и пошла.

– Подождите, как же вас зовут? – Райан крикнул ей вслед.

– Вы можете звать меня Адель.

К немалому его удивлению, на следующий день Адель пришла. Теперь она предстала вся в белом, закрытое хлопчатое платье облегло её фигуру. На голове был тряпочный ободок, в ушах бежевые серёжки-бусинки. Она напоминала молодую Риз Уизерспун, но не из «Жестоких игр», а скорее из «Стильной штучки». Райан поставил фотоаппарат на барную стойку, сделал снимок. Сегодня был погожий день, свет заливал всё пространство ресторана. Райан бесшумно подошёл к Адель в своих лёгких туфлях.

– Добрый день! – он присел рядом, светясь улыбкой.

– Добрый. Как снимок? – она даже не повернулась к нему.

– Отличный, лучше, чем вчера. А как вы увидели? – Райан зачем-то обернулся.

– Прошу, – она сделала непонятный жест рукой, – дайте посмотреть, пожалуйста.

Она взглянула на экран.

– А почему вы делаете только один снимок. Все фотографы делают несколько, выбирают лучший. Это разумно.

– На самом деле момент только один, его и нужно поймать. Когда ты делаешь вторую попытку, ты ловишь уже другой момент. А мне нужен только один. Тем более, ничего разумного в этом искусстве нет, – Райан сформулировал эти мысли месяцами, поэтому Адель почувствовала их «заученность».

– Чувственные творческие натуры. Да уж... – ей всё быстро наскучивало.

– А вы чем занимаетесь? – беспронимательное продолжение разговора: человеку почти всегда интересно рассказывать, чем он занимается.

– Я посол доброй воли, – при этом она чуть заметно горделиво подняла подбородок.

– Ух, ты, как интересно, – и вправду было интересно. Райану казалось, что послом доброй воли может стать только какая-нибудь знаменитость. Хотя, кем была Адель, он не знал.

– Да, но сейчас у меня отпуск, иначе бы не прохлаждалась тут посреди рабочего дня, – она деловито раскрыла маленький ежедневник в кожаном переплёте. В этот момент Райан был окончательно очарован. Он пригласил её на ужин, в маленький ресторанчик в центре города. Так начался их роман.

Прошло несколько лет. Райан давно бросил свою офисную работу, профессионально занялся фотографией. Работал на один популярный журнал, делал фоторепортажи, иногда сам писал статьи. Адель, его молодая жена, много летала по миру, но моменты расставания только делали их духовно ближе. Иногда он отправлялся в путешествие с ней, при этом умудряясь работать.

Тёплое осеннее утро расплескалось по их дому. Райан готовил завтрак, аромат аппетитных тостов с джемом должен был выманить жену из спальни. Она пришла на кухню, на ходу потягиваясь, протирая сонные глаза. Адель выглядела умилительно в бело-розовой мешковатой пижаме. Она уселась на высокий стул на кухне, руки положила на стол, а голову – на руки.

– Что там, на завтрак, дорогой? – она закрыла глаза и медленно втянула воздух, наполненный ароматами.

– А то ты не знаешь, – Райан был уже одет, собран, деловито открывал-закрывал ящички на кухне, наливал кофе.

– Знаю, знаю, – она лениво потянулась за вилкой, – какой сегодня план?

– Я поеду в редакцию, босс сказал, что у него есть задание для меня. Хочешь поехать со мною?

– Нет, мне нужно в душ и так далее. Позвони мне из редакции, – она принялась за завтрак.

– Хорошо! Давай ешь увереннее: приготовлено с любовью! – он в какой-то рекламе подхватил этот слоган.

Райан завёл свой новый «Шевролет» и неспешно отправился в редакцию. Здание редакции было из красного кирпича с чёрными рамами окон. Он бросил машину на полупустой парковке. В редакции стоял постоянный шум, будто вертолёт с новостями, которого, конечно, у журнала нет, работая на холостых, готовится к взлёту. Но пока не может оторваться от земли. Райан на ходу поздоровался со штатными, прошёл в кабинет редактора.

– А, Райан, здорово, дружище! – редактор был самого классического вида. Немного за пятьдесят, с брюшком, с маленькими очками в тонкой оправе, – Рад, что приехал почти сразу, – редактор любил по-доброму подкалывать. Например, просьба приехать прозвучала вчера после десяти вечера.

– Добрый день, сэр, – Райан не мог не улыбнуться.

– Сэр! Что ты будешь делать! Опустим всю эту пустословную вежливость, сынок, да? Это мне по душе. Есть возможность сделать классный материал. Но ехать нужно сегодня, – редактор наклонился над столом, будто старый охотник ослабил поводок гончей и обозревает свои угодья.

– Куда ехать? – Райан присел в кресло напротив редактора.

– В столицу! Взять интервью у ветерана. Там такая судьба! У-у-у! А лицо какое! Все беды войны отразило, – редактор отъехал на своём стуле немного назад, взял Райана в воображаемый объектив, который «сделал» из пальцев.

– А можно..., – Райан вспомнил, что до столицы ехать часа три.

– Можно, нельзя, что за вопросы? – редактор нетерпеливо перебил Райана, – адрес возьмёшь у моей ассистентки. Материал мне нужен к концу недели.

Райан, – он уже был в дверях, – мне нужен хороший материал! – редактор послал многозначительный взгляд, как умел только он.

Райан забрал Адель, купил на заправке сладостей и газировки. Ехать не близко. Дорога сначала тянулась по городу, где осень засыпала землю красно-жёлтыми листьями. Потом плавно перетекала в шоссе, слева и справа виднелись фермы, поля, небольшие озёра. В полдень они уже были на месте. Точнее у ворот военной базы. Ассистентка помимо листка с адресом, вручила Райану временный пропуск на машину. Райан, предъявив пропуск людям в военной форме, заехал на базу. Он никогда раньше не бывал на военных базах. Его удивила ухоженность территории и наличие жилых коттеджей. Он припарковался около супермаркета, рядом с которым располагался штаб. Они с Адель зашли на первый этаж, где солдат проводил их в один из маленьких кабинетов. Женщина в форме взглянула на их документы и быстро проговорила:

– Ни в коем случае не удивляйтесь. Не показывайте страха, когда увидите ветерана. Иначе ветеран разозлится. Никакого интервью не получится. Если ветеран игнорирует вопрос, то переходите к следующему. Не пытайтесь «раскрутить» ветерана. Если всё понятно, то сейчас вас сопроводят. Жена может остаться здесь. Наш супермаркет похож на небольшой торговый центр, – женщина в форме так чеканила слова, особенно «ветеран», что последние фразы про торговый центр, прозвучали нелепо после всех чётких инструкций.

Они вышли обратно на улицу, где Райана ждала смешная машинка, на которой ездят по полю для гольфа. Адель взяла у него кошелек, и отправилась в магазины: «Вот ещё рассказней старого ветерана в свой выходной мне не хватало». Она чмокнула мужа в щёку и зашла внутрь магазина. Райан залез в маленькую белую машинку, военный с волевым подбородком и спрятанными под солнцезащитными очкам глазами повёл машину вдоль берега. База находилась около реки, с которой дул прохладный бриз. Райан смотрел на красивые коттеджи, которые с военной чёткостью стояли друг за другом. У одного из коттеджей они остановились. Военный залихватски выпрыгнул из машинки, фоторепортер проследовал за ним по тропинке к дому. В саду около дома росли красивые цветы, те, что расцветают ранней осенью. Военный постучал, зашёл внутрь и, чуть не задев Райана, быстро вышел обратно. Будто убедился, что всё в порядке. Сопровождавший прыгнул в машинку, и лихо развернулся, не заезжая на газон. «Наверное, забирать будет уже другой» – подумал Райан. Он поправил сумку с фотоаппаратом и зашёл внутрь.

Из коридора он попал в темную гостиную, где к нему спиной стоял ветеран, глядевший в окно. Света проникало в комнату мало, тяжёлые шторы не пускали осеннее солнце внутрь. Глаза чуть привыкли к полутьме, Райан с удив-

лением заметил, что у ветерана длинные волосы, да и ростом он невелик. Ветеран положил бинокль на подоконник, плавно развернулся и уставился на Райана. Удивлению Райана не было предела! Это была женщина. Скучный свет падал на левую половину её лица, которое покрывали шрамы разной глубины. Самым страшным был рубец под скулой, будто кто-то сорвал кожу вниз, а вот обратно ее натянуть в душной операционной измочаленному военному врачу было очень трудно. Вопреки удивлению и обычному страху, Райан шагнул на встречу и протянул руку.

– Добрый день, меня зовут Райан, я пришёл взять у вас интервью, – он решил, что лучший способ скрыть волнение – говорить очевидные вещи.

– Добрый, добрый, меня зовут Алиса Кортес, если ты ещё помнишь это имя, – Алиса сжала дрогнувшую руку Райана так сильно, что он невольно скрикнул от боли.

Райан не мог поверить своим глазам. Ещё несколько секунд, и он бы вспомнил её сам, думая, что полутьма играет с ним злую шутку. Но Алиса била прямо в лоб, поэтому он не успел начать рассуждений. Увидеть её после стольких лет было, мягко сказать, неожиданностью. Он не стал следить за её судьбой после расставания, но невольно слышал новости, когда гостил у своих родителей. Говорили, что она попала в район боевых действий. Это единственное, что он помнил. А потом слишком много событий произошло в его собственной жизни.

– К-хм, конечно, помню, давайте начнём, – Райан, опустив глаза, чтобы не смотреть на её лицо, сам присел в кресло.

– Что, это набитая дура Румирс как всегда наплела про то, как надо со мною себя вести? – Алису забавляло, что она угадывала это каждый раз, – Да не заморачивайся, я привыкла. – Алиса опустилась в кресло напротив него, окно осталось позади неё.

«Как удачно она села, лица почти невидно. Интересно, она это со всеми практикует?»:

– Давайте... Давай начнём, я задам вопросы, а потом сделаю пару снимков, – Райан указал на сумку с фотоаппаратом.

– Ну, давай, – Алису эта ситуация развлекала. Она достала пачку сигарет, по-мужски прикурила от тяжёлой зажигалки zipro.

– Как вы решили отправиться в армию? Что вас натолкнуло? – на этой фразе Райан включил диктофон.

– Меня натолкнула реклама! – тут она зашлась в смеси удушающего кашля и смеха, сигарету выронила на ковролин, – А, чёрт, – она затоптала дымящийся окурок.

– Реклама армии, – она продолжала странно смеяться, – и фильм, фильм «Спасти рядового Райана», – здесь она наиболее полно оценила свою шутку, аж согнулась от смеха пополам в кресле.

– Хорошо, чувство юмора у тебя осталось, – Райан не сразу понял, как неудачно выразил свою мысль.

– Юмор. Юмор, – Алиса повторяла слова по два раза, будто примеривались к ним. Нет. Прицеливалась, а потом стреляла, – там, где я побывала, без юмора никак, – она внезапно успокоилась и затянулась новой сигаретой.

– Расскажите, пожалуйста, как протекала ваша служба, – он переключался на вы: не мог относиться к ней, как к бывшей девушке. Только, как к *ветерану*. Ну, и словечко.

– Моя служба, служба. Учебка, первое одиночное задание, провал операции, плен, много успешно завершённых миссий, награды, возвращение. Достаточно, для интервью, хе-хе? Это твоя жена, ну, та, с которой приехал?

– Да, – сердце Райана начало биться быстрее от резко сменившейся темы, – что за первое задание?

– Красивая, – Алиса мечтательно посмотрела вверх и выпустила дым под потолок, – как небо в пустыне.

– Так что за задание? – Райан попробовал повторить вопрос. Забыв, об инструкциях от Румирс. Алиса медленно опустила взгляд на Райана.

– Я буду говорить только то, что считаю нужным. И сколько считаю нужным. Понял, молокосос? – такой грубости Райан не ожидал, поэтому сильно смутился.

– Смотри, – продолжала Алиса с интонациями, которые маскировали тихую ярость под философское безразличие, – в слове «плен» четыре буквы. Всего четыре буквы. У кого-то к этим буквам подтягиваются эти... как их... ассоциации. Складывается картинка. Но никто, слышишь, никто не представляет, что происходит в плену. Видишь, – она наклонилась вперёд, направив указательный палец к щеке, – это случилось не в плену. Это случилось *до него*. Чтобы увидеть отпечатки плена, тебе придётся покопаться в моей больной башке.

Райану стало совсем не по себе. «Копаться в башке», может, это и его профессиональное занятие, но сейчас было слишком дискомфортно. Тем не менее, диктофон знал своё дело – записывал все.

– Ой, а может рассказать тебе о наградах? Об этих жетончиках, которые переплавлены из свинцовых пуль и покрыты золотом, украденным у врага? Извините, извините, какая кража, это боевые трофеи. «За отвагу». «За храбрость». Кстати, медали две, а разницы я не понимаю. Хотя солдат мало что должен понимать. Есть «цель», а есть арсенал всех твоих способностей, чтобы добратся до неё и «нейтрализовать». Ты записываешь, репортёр? Я подбираю очень

правильные атмосферные слова. Тебе хорошо заплатят за статью, – мысли опять унесли Алису куда-то далеко, она вытягивала сигарету за сигаретой.

– Вы что, разочаровались в армии? – Райан почувствовал «жареный» материал.

– Даже не смей так говорить, гражданский. Я вижу тебя насквозь. Если я решила помочь тебе, и не сижу тут с полным ртом воды, и не лью на тебя заученные патриотические высказывания, это не значит, что ты можешь провоцировать меня, – Алиса пристально смотрела на Райана, когда произносила эти слова. Райан аккуратно кивнул, – Вы все закрылись в своих домах, районах, городах. Слова война ас-со-ци-и-ру-е-т-ся у Вас со Второй мировой. Всё хорошо. Кто-то даже недоумевает: «зачем нам армия?». А то, что Третья мировая началась реально во всём мире, везде, кто-нибудь осознает? Если она разбросана по земному шару, а стороны не объединяются в огромные альянсы, то это не делает её невидимой. «Локальные конфликты» скажете вы. А их не слишком много? А не слишком ли быстро они могут перерасти в глобальные? Чёртово понятие «миротворца» застилает вам глаза. Поздно «творить мир». Время добить бешеных собак, может, реально мира станет больше. Без послов мира и послов доброй воли. Опасная профессия, кстати. Послов на войне вешают первыми.

Райан видел, что она устала, но остановиться он не мог. Упускать *такие* слова – непростительно. Алиса действительно делала материал необычным. Провокационным. Разжигающим чувство противоречия. От такой статьи должен быть неслабый отклик.

– Что-то меня понесло, – Алиса откинулась на спину кресла, – давай сделаем перерыв. Они посидели в тишине несколько минут. Потом Райану пришла в голову мысль, он спросил:

– А давайте сделаем снимок. Без вашего разрешения он не будет опубликован.

– Что ж, давай, – Алиса выпрямилась и замерла.

Райан достал фотоаппарат. Прицелился, навёл объектив. Щёлк. Должен был поймать момент. Почему-то сработала вспышка, хотя не должна была.

– Ну, вот, – он смотрел на экран довольный собой, улыбался, – всё равно получилось. Как у вас говорится: "визуальный контакт"!

У Алисы резко заболела голова. Ощущения были такие, словно кто-то бросил светозумовую гранату в комнату. В глазах всё белым-бело, в ушах – пронзительный раздражающий писк. Она, дёргаясь, сползла с кресла на ковролин. Во рту запершило, очень захотелось пить. Над её головой кто-то склонился. Невозможно разглядеть, кто это. Кажется, он замахивается, отводит руку с автоматом наверх. Сейчас будет удар. Она почувствовала, как запылился старый шрам, и белая мгла окончательно заполнила её раненое сознание.

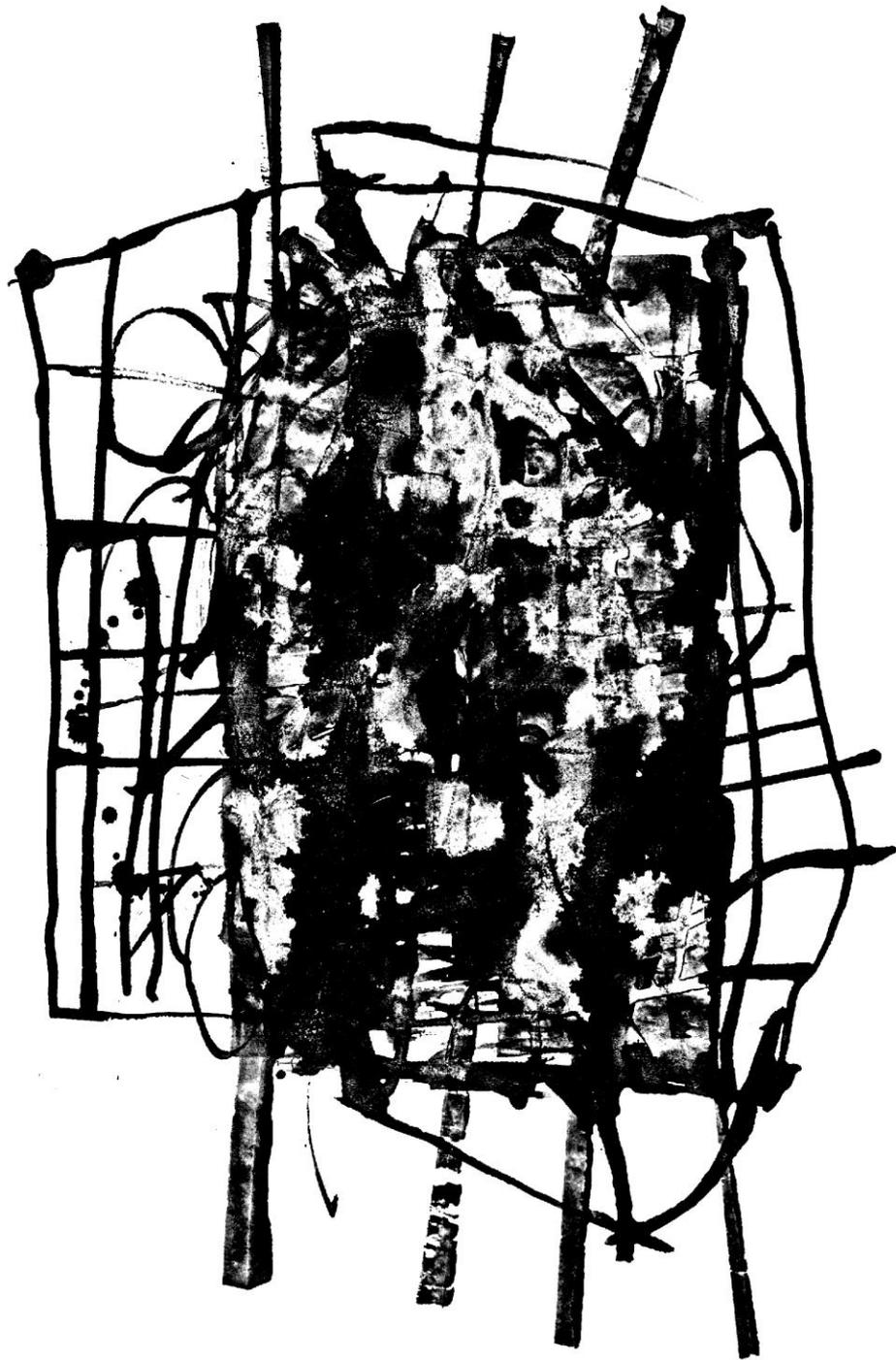
ПРОЗА

Райан кинул на стол редактору рукопись. Редактор с интересом взял листы, не прокомментировав эксцентричный жест журналиста. Он не мог оторваться. Материал был хорош.

– Она поправится? – вопрос он задал скорее из вежливости и азартного интереса после прочтения.

– Я думаю, она уже никогда не поправится, – Райан медленно развернулся и вышел из кабинета.

15 марта 2015 года, Академгородок.

Дмитрий Манаев

ДВОЕ

Вслед за настоящим зимним снегопадом приходит настоящий осенний туман. Всё по-честному. Топча ботинками раскисающий город, размышляю о причинах. О следствиях. О перспективах (самую малость). Становится грустно. Не по себе. Хотя, если «не по себе», то по кому? Кто ещё приютился в этой шкуре? Эй! Тишина. Нет никого. Один я здесь – и слава богу.

В какой-то совершенно невспоминаемый момент всё пошло наперекосяк – и что теперь остаётся? Судорожно барахтаться, извиваться, неестественно выгибая спину, в бесконечных и бессмысленных попытках вернуться в привычную среду обитания? Да, пожалуй. Смотрите, потешайтесь. Я – никто. Я – хуже, чем никто. Я – тупая рыба на песке. Дождевой червь на асфальте. И при этом я бываю действительно счастливым – довольно часто, если разобраться. Не всё потеряно? Да в том-то и дело, что всё.

Да, потеряно, забыто, выброшено на помойку. Только в этом и можно найти повод для радости. Не сказать, что я открыт теперь всему новому – не по своей воле, во всяком случае. (Хотя, если не по своей, то по чьей же? Фу! Опять эти страхи! Нет здесь никого – помни!) Но с вариантами плохо: либо непонятное, корявое впереди, либо жирная чёрная точка прямо здесь. Не хочется, если честно.

Туман густеет. Да ещё и сумерки – очень кстати. Всё меньше зримого пространства вокруг – всё больше чего-то серого и непроницаемого. «Брось! Знаешь ты прекрасно, что такое, этот самый туман – просто испаряющаяся влага. Не нагоняй жути туда, где и без того жутко. Подумай о чём-нибудь светлом. Или хотя бы постарайся совсем ни о чём не думать. Что проку от твоего самокопания?» Правильно. Нет от него никакого проку.

Погоди-ка! Так значит всё-таки кто-то ещё здесь есть? «Ну, допустим». А чего раньше мочал? «Я не молчал.» Ну хорошо, может я из-за рассеянности своей и не слышал тебя. «Вот-вот.» Извини. «Ничего.» И что теперь? «Ничего.» Да что ты заладил одно и то же в самом-то деле? «Ты сам меня вынуждаешь повторяться.» Возможно. Но последний вопрос – ты ведь знаешь, как много это значит для меня! Особенно сейчас, когда...

- Молодой человек, угостите сигаретой, пожалуйста!
- А? Ах, да, конечно!
- Благодарю Вас.
- Не за что.

ПРОЗА

Так что же теперь? Тишина. Эй! Ну же! Я знаю, что ты здесь. Молчание. Вот дерьмо!

Тупо смотрю в спину удаляющемуся прохожему. Помятое драповое пальто, нетвёрдый шаг, давно не стрижен. Мерзкий урод! Не вижу его лица, но вполне могу себе представить: красный нос, мешки под глазами, недельная небритость, – уверен, что так всё и есть. Сволочь! Вторгся в такой важный разговор! В голове электрически вспыхивает мысль – самая очевидная в сложившейся ситуации. Для меня очевидная. Двигаюсь вслед за драповой спиной, стараясь ступать как можно тише. Впрочем, плевать. Ускоряю шаг – тут же спотыкаюсь о кусок кирпича. Очень кстати! Поднимаю обломок и почти бегу за незнакомцем: не уйдёшь! Вот он: на расстоянии вытянутой руки уже – и не торопится ведь, гад! Ну, сейчас!

Замахиваюсь.

Прохожий оборачивается и я вижу его лицо. Да, всё именно так, как я и думал: нос, мешки, небритость и моя сигарета в уголке рта, – всё то же, что я видел сегодня утром в зеркале.

Что-то (кто-то) кричит во мне: «Стой! Не надо!» Но я уже не могу остановиться: резко опускаю кирпич на его лохматую макушку и в то же мгновение проваливаюсь в нескончаемую черноту.

НА БАЛКОНЕ

Сквозь ветви древнего ореха на меня глядел кроваво-красный глаз луны. Шум далёких поездов навевал воспоминания о чём-то, что было в одной из минувших жизней – настолько давно, что кажется, будто разглядываешь украдкой чьё-то – совсем чужое и непонятное – прошлое. Увлечённый этим созерцанием, я совершенно забыл, что держу в руках сигарету – и даже поднёс её ко рту, чтобы затянуться, да так и замер. Лёгкое жжение в глазах выдернуло меня из секундного забытья – чёртов дым! Я зажмурился на мгновение. Я открыл глаза. Мир снова наполнился привычными звуками: мяуканием котов, рёвом мотоциклов, ритмичным уханием сабвуфера в машине, что остановилась у кругло-суточного ларька. Интересно, подумал я, а где же поезд? Уехал, наверное, по своим делам. Так бывает с поездами: они носятся по миру, время от времени зацепляя с собой наши души, унося сознание прочь отсюда – где бы ни было это "здесь". Ну, будет уже! Я, наконец, затянулся, выбросил окурочок подальше и бросил прощальный взгляд на ветви ореха. Кроваво-красный глаз луны посмотрел на меня несколько удивлённо, подмигнул и медленно покатился на запад. Я повернулся и зашагал по балкону в противоположном направлении. Навстречу мне уже выдвигались первые признаки грядущего дня.

ТО, О ЧЕМ Я НИКОГДА НЕ ВСПОМНЮ

Можно посмотреть в окно. Разумеется, это не всегда пугает вполне, не всегда заставляет центр моего внимания смещаться, или рассеиваться, или ещё что. Это даже не всегда осуществляется настолько, чтобы удовлетворить злобного червячка любознательности. И, тем не менее, можно посмотреть...

Так я пытаюсь уговорить себя... убедить себя в необходимости своего присутствия в этой комнате. Так я пытаюсь отказаться от мыслей, неизбежно ведущих в сон. Ежевечерний ритуал погружения в нелепости и кошмары порядком надоел мне за последние 35 лет. И здесь я, конечно же, несправедлив по отношению к собственным сновидениям – бывало, что просыпался я по-настоящему счастливым. Нередко такое бывало.

Через половину окна протянулась страшно уродливая Тень. Она всегда там – только меняет свои очертания. Я знаю, что это. Но сейчас моё знание прячется от меня, шныряет безумной бабочкой по изгибам разума. Меня это немного смешит, но я не смеюсь. Тень подползает к форточке и приветливо машет мне: приглашает следовать за ней. Глупая! Я ведь не могу просто так подняться с постели и вылезти наружу. Хотя бы потому, что давно забыл, как это делается; или, может быть, случайно изменил что-то в настройках; или потому, что устал, гоняясь за двадцатью синими кроликами, – могу привести ещё целую кучу причин, и все они будут достаточно весомы. Она, похоже, это понимает, но всё-таки продолжает манить меня, подползая ближе и ближе. Форточка открыта. Я слежу за Тенью: её движения – это абсолютная гармония на фоне серого предрассветного неба. Хотел бы я так уметь! Когда в следующий раз день скроется в предсонном мороке, я обязательно отращу в себе такую же сверхгибкую бесформенность – пригодится.

Тень успокоилась, сгустившись вокруг открытой форточки. Нелепая ситуация: она не может войти внутрь, потому что здесь она перестанет быть тенью, а я не могу выйти наружу из-за исчерпанных сроков давности, беспечных прикосновений, синих кроликов и так далее. Все силы мира толкают нас в объятия друг друга, каждый квант энергии стремится к нашему случайному порталу. Мне становится немного грустно, пока я впитываю это совершенно бессмысленное напряжение. И я улыбаюсь. Мы ведь всё равно не оценим, и до поры до времени останемся на границе. Сосредоточимся – каждый в сущности своего мира. Пребывая так, как есть, будем перемигиваться и обмениваться разными сигналами. Небо стремительно светлеет. Я стремительно перестаю существовать в рамках этой комнаты.

Можно посмотреть в окно. Разумеется, это ничего не даст, не принесёт никаких достаточно ярких впечатлений – как и любое другое действие. Тень окончательно утратила свою пластичность, став тем, чем она, наверное, и

должна быть. Но я не хочу ничего знать об этом – и потому с притворным умиротворением закрываю глаза.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Один, два, три. Я считаю стулья, коробочки, необъяснимые инструменты, стёкла и всё остальное. Люди приходят, топчутся посреди комнаты – так усердно, словно и впрямь топчут самих себя. Усердно и в то же время как-то нерешительно. А потом вдруг хватают первое попавшееся и бегут к выходу. Мне не догнать их. С каждой минутой стульев (я уж не говорю об остальном) становится всё меньше. Бессчётное количество. Даже и не один – просто сколько-то там. Но я продолжаю считать. В этом нет смысла. Во мне нет смысла. В стульях нет смысла. Даже в этой комнате остаётся всё меньше понятного и доступного – осмысленного. Один, два, три. Один, два. Один. О.

Алина Абрамова

Книга дней

Отражение

Я сижу на берегу озера и смотрюсь в его зеркальную гладь. Оттуда на меня смотрит мое отражение. Оно совершенно не похоже на меня!

В воде отражается симпатичный молодой человек со светлыми волосами.

А я – девушка. И волосы у меня темные...

Но раз незнакомец, отраженный на водной поверхности, повторяет все мои движения, всю мою мимику и жесты, значит, это действительно мое отражение?

Налетевший ветерок гонит легкую рябь, заставляя отражение дрожать, расплываться, искажая его правильные черты.

Я замороженно-осторожно протягиваю руку к воде. Мои пальцы, беспрепятственно пройдя сквозь зыбкое изображение, окунаются в отрезвляющую мокрую прохладу.

Мда... А чего я ждала? Сказок начиталась?

Наверное, это просто какая-то оптическая иллюзия, мираж, наваждение, галлюцинация, в конце концов – назвать можно как угодно. Видимо, я перегрелась на солнце.

Убедив себя в этом, возвращаюсь домой.

Но странности продолжают.

Проходя мимо зеркала, обнаруживаю там вместо своего знакомого лица хорошенькую кудрявую рыжущку – совершенно незнакомую. Но она смеется моей улыбкой, подмигивает точно так же, как и я.

Дома-то солнца нету, не свалишь все на перегрев. Пить надо меньше? Да я и без того не пью. Так что это тоже не причина.

Между тем каждый раз в любой отражающей поверхности я нахожу новые лица. Это даже становится любопытной игрой – попробуй, угадай, кто там появится в следующий раз.

Я не понимаю природу этого явления, но я к нему уже привыкла. Самое интересное, что ведь не только я замечаю это. Другие тоже видят вместо меня кого-то другого.

А я думаю, что это мои двойники из каких-то других миров. Или, может, отражения моей души. Каким-то образом они нашли способ показаться мне.

Сейчас мне некогда, но рано или поздно я найду время и задержусь перед любимым из этих отражений подольше.

Возможно, в этом случае, когда я протяну свою руку вперед, она не наткнется на твердую поверхность зеркала или обволакивающую – воды, а встретит ответное движение чужой руки из зазеркалья.

Когда наши руки соприкоснутся, я обрету идеального друга. Ведь это же мое отражение. Кто, как не оно может стать тем другом, о каком я всегда мечтала?

Но сначала мне нужно найти время, чтобы остановиться возле чего-то отражающего и сосредоточиться. А меня всегда что-то отвлекает.

Но все-таки, когда-нибудь, может быть, я это сделаю.

Интересно, почему я медлю?..

Может быть, мне боязно – вдруг ничего не получится?

Не знаю...

Даже думать об этом не хочу.

Просто пойду и сделаю это.

Вот так.

Одиночество

Я задыхаюсь в беспросветном мраке, я протягиваю руки, умоляя о помощи, но их никто не замечает, я срываюсь на крик, но мои пересохшие губы даже не шевельнутся и никто не услышит моей мольбы.

Меня убивает одиночество.

Сколько я себя помню – вокруг меня всегда было много людей, и всегда я среди них был один.

Дома, в школе, в армии, в университете. Чем больше народу окружало меня, тем сильнее охватывало меня одиночество.

В дворовых компаниях я был заводилой. Никто не мог лучше меня организовать веселую вечеринку или придумать интересную игру. К моему мнению прислушивались, ко мне бежали за советом и помощью – я не отказывал никому. Все считали меня своим другом.

Но я все равно оставался один. У меня не было друзей. Сколько бы я ни пытался найти друга, как бы мне ни казалось, что все, мои поиски наконец-то закончены, вот человек, которого я могу назвать своим другом – всегда выяснялось, что я ошибаюсь. Мои так называемые друзья всегда предавали меня, покидая тогда, когда мне больше всего нужна была их поддержка. Они были рядом только тогда, когда им было что-то нужно от меня.

ПРОЗА

Не знаю, к счастью или, к сожалению, но я не умею ненавидеть. Поэтому я рано или поздно забываю свои обиды и прощаю людям все зло, что они мне причинили.

Но я устал каждый раз отогревать свое сердце после очередного заморозка предательства, совершенного теми, кого я считал друзьями.

Поэтому я научился обходиться без друзей. Я похоронил в себе надежду на то, что это когда-нибудь изменится.

Я много общался с девушками – самыми загадочными созданиями во Вселенной. Им было интересно со мной – интереснее, чем с другими. Я влюблялся не раз. Но продолжал оставаться один, потому что неизменно оказывалось, что девушка, которая мне нравится либо уже влюблена в кого-то, либо видит во мне только друга и не больше.

Мне надоело каждый раз собирать свое сердце из осколков после очередной несчастной влюбленности.

Поэтому я научился обходиться без любви. Я запретил себе думать об этом.

Я привык к тому, что никому не смогу довериться, рассказать о своих чувствах, поделиться своими проблемами и переживаниями. Я привык к одиночеству. По-прежнему один – ни настоящего друга, ни любимого человека. Вокруг меня все так же много людей, которым я интересен, которым всегда что-то нужно от меня. И все же я возвращаюсь в свой пустой дом, где меня никто не ждет, где никто не рад моему возвращению. Возвращаюсь один, чтобы уединиться с самим собой и отдохнуть от людей, которые с каждым годом все больше и больше утомляют меня своим обществом. Мне хорошо одному.

Но все-таки иногда, в минуты слабости, на меня накатывает волна отчаяния, в которой я тону как беспомощный слепой котенок.

Я снова задыхаюсь, беззвучно кричу во тьме и протягиваю руки в никуда. – Люди! Кто-нибудь! Спасите меня! Я устал быть один! Кто-нибудь...

Имеющий уши – да услышит...

Боль

Все умерло... Ничего нет... Меня тоже нет...

В ледяном сердце – пустота, грозящая поглотить все...

Нет, неправда, кое-что еще все-таки осталось. Осталась боль. Такая сильная, что вполне способна соперничать с пустотой.

Боль... К ней можно привыкнуть, только на это потребуется время. Очень много времени. Так много, что раньше сойдешь с ума от этой боли.

Но я пока держусь.

Боль внутри меня – разная. Мне больно оттого, что люди, которых мне хотелось бы считать своими друзьями, предпочитают быть друзьями другим. Мне больно оттого, что мои близкие, моя семья не понимают меня и с каждым днем все больше отдаляются друг от друга и от меня, становясь совсем чужими. Еще мне больно оттого, что никого нет рядом – нет понимающего и любящего человека. Это моя личная боль. И мне очень, очень больно, когда больно тем, кого я люблю, тем, кто такой же, как я, тем, кого я называю друзьями... Эта чужая боль страшнее всего. Она сильна настолько, что я мечусь из угла в угол, как хищный зверь в клетке, все мое существо содрогается от нее. Словно острые раскаленные иглы вонзаются в меня и жгут, и колют, разъедая меня изнутри.

Эта боль настолько сильна, что только смерть может спасти, принести облегчение, освободить от этой муки.

Моя душа, мое сердце изнемогают от этой боли. Зачем? Почему мне приходится терпеть ее? Кому это нужно?

Все мои попытки сопротивляться ни к чему не приводят – боль не отпускает. Я уже и не помню, было ли когда-нибудь время, когда ее не было. Пока я живу, она не оставит меня. Я всегда буду ощущать ее. Даже если она вдруг утихает, я не могу облегченно вздохнуть. Потому что знаю, что она скоро вернется. И с ужасом и нетерпением жду этого. С ужасом – потому что нет ничего желаннее, чем избавление от этой боли. С нетерпением – потому что уже не могу представить свое существование без нее.

Да, на какое-то время ее можно заглушить физической болью. Растопчите меня, как тот цветок, что неосторожно вырос возле дороги. Уничтожьте мою брентную оболочку. Убейте меня медленно и мучительно, чтобы освобождение от всепоглощающей боли наконец-то наступило.

Но никто не станет выполнять мою просьбу. Мне придется выдержать до конца, и только тогда я получу полную свободу, и даже в памяти моей не сохранится воспоминаний о той боли, которая была частью меня, которая была со мной всю мою жизнь.

Просто растворюсь в ней и стану ею. Болью. Чьей-то болью. Смертельной болью. От которой есть только два пути к спасению – либо умереть, либо превратиться в боль для кого-то. Только так.

А пока... Я по-прежнему чувствую обжигающий лед острых когтей бесконечной боли, никогда не отпускающей свою жертву.

Боль...

Уходи...

И... и...

Останься.

Или на твое место придет пустота.

Медленный яд

Свечи.

Множество свечей.

Мерцают. Поблескивают в полутьме, отбрасывая странные тени на окружающие предметы. Перемигиваются друг с другом. Тают, оплывая причудливыми потеками.

Горячие капли воска стекают на руки и застывают. Жжет, но терпимо. Если чувствуешь боль – ты еще живой. Если нет – значит, ты уже умер.

Тебе боязно, но мне еще страшнее – я боюсь, что ты справишься со своими страхами и уйдешь.

Что за чушь я несу? Бредятина какая-то. Можно подумать, что у меня жар. А может быть, всему виной то вино, что мы пьем? И ведь никак не удастся перекрыть этот фонтан абсурдных фраз.

Не слушай меня.

Я не собираюсь тебя прогонять, даже и не думай.

Но было бы лучше, если бы ты ушел.

Любопытные фонари заглядывают в незашторенные, распахнутые навстречу ветру окна – ох, уж мне эти любители подглядывать!

Сгорать так, чтобы превратиться в мрак. Полное отсутствие света. Только ветер наводит невесомый мост между нами.

Холодный пот струится по лицу. В темноте этого не видно, но при свете даже единственной свечи он превращает лицо в блестящую текучую маску.

Флирт. Искусная игра в чувства, с чувствами. Но сердце жжет так, словно все по-настоящему...

А впрочем, почему бы и нет? Все действительно более настоящее, чем может показаться на первый взгляд.

Увы, ты меня не понимаешь – словно мы говорим на разных языках. И никогда не поймешь. И я не могу винить тебя за это.

Как же я люблю тебя! Ты – словно дрожащий огонек одинокой свечи на порывистом ветру. Хочется ладонью защитить его, пока не случилось непоправимое, пока он не погас, этот маленький огонек.

В таком случае, мне прежде всего надо защитить тебя от меня.

Будет лучше, если ты все-таки уйдешь.

Медленный яд чувств в моем бокале. В твоем тоже – но другой.

Ты затеваешь какой-то ненужный спор. Зачем? Оставь. Все это суета.

Я бросаю на тебя последний взгляд, и все возражения рассыпаются в прах, исчезая во мгле.

ПРОЗА

Дождик-бродяга заглянул на огонек и в его влажном шорохе тает память о тебе. Забудь.

Я не стану тебя возвращать, и ты об этом прекрасно знаешь.

На мокром от дождя и пролитого вина деревянном полу твои следы из пепла сгоревших желаний застывают немым укором.

Я слепо смотрю на них.

Хорошо, что ты уходишь.

Если ты останешься, я не прощу себе этого.

Тем лучше.

Уходи.

Я долго вглядываюсь туда, где остался стоять твой недопитый бокал, в котором светлячками плавают отраженные пламенные язычки свечей.

Эхо твоих слов еще не отзвучало в моих ушах.

Я вернусь...

Да...

Возвращайся...

...А медленный яд в моем бокале так привлекательно-сладок...

надо было объяснить причину, почему я так делаю, чтобы ты понял и не мешал мне довести начатое до конца.

Я ухожу.

Прощай. Мы больше никогда не увидимся.

Без тебя

Бесполезно пытаться разобраться в своих чувствах – все равно ничего не поймешь, только запутаешься еще больше.

Что чувствую я сейчас?

Во мне царит ледяной холод космического пространства. Нет никаких эмоций, чувств и переживаний. Только спокойное равнодушие.

Я просто использую тебя. Я выжимаю тебя досуха, как губку, собирая драгоценную влагу вдохновения в подставленные ладони и выпиваю до последней капли. То, что остается от тебя, я выбрасываю, как ребенок выбрасывает сломанную игрушку – получив то, что хотелось, я уже не нуждаюсь в тебе.

Неуловимый миг – и все меняется.

ПРОЗА

Кровь, пот и слезы струятся по моему лицу, по груди, по ладоням, по ступням, капая с кончиков пальцев, орошая пересохшую, убитую в пыль желтую почву под моими ногами.

Я страдаю, я испытываю невероятные муки, потому что я не могу видеть тебя, быть с тобою, дышать тем же воздухом, что и ты.

Ржавые крючья отчаяния раздирают меня изнутри, стальные спицы неизбежности пронзают мой мозг, миллионы моих глаз обращены наружу – я не нахожу тебя, я поворачиваю свой взор внутрь – но и здесь тебя нет. Я ломаю в руках неровно обгрызанные пластинки стекла, не замечая отлетающих пальцев и того, что осколки врастают в мою плоть. Боли я не чувствую. Я кромсаю бритвой свое податливое горло и захлебываюсь горячей кровью – бесполезно. Твои ничего не значащие слова причиняют мне гораздо большую боль, которая тем более непереносима оттого, что ты даже и не подозреваешь об этом.

Еще одно мгновение отдает честь вечности, вызывая новые перемены.

Длинные ресницы отбрасывают усталую тень, калачиком свернувшуюся возле самых глаз.

Глаза – бездонные колодцы, ведущие в никуда. На самом их дне, которого нет, скрываются страшные тайны.

Ты знаешь обо мне все, а я не знаю о тебе ничего. Я могу найти тебя, если мне это потребуется, но я не делаю этого, боясь разочароваться. Мне все равно – увижу я тебя когда-нибудь или нет.

Новый миг...

Мои слезы превратились в бесконечный ручей, но источник уже пересох. Если ты будешь умирать, я выну из своей груди трепещущее сердце и отдам его тебе – чтобы оно билось в твоей груди.

Я могу говорить все, что угодно – все равно солгу. Солгу себе для тебя.

Это не любовь. Я не знаю, что это, да и не хочу знать. Но это точно не любовь.

Мое сердце бьется совершенно ровно – так совершенно, что я уже не чувствую его.

И все же...

Я умру без тебя.

Не важно...

Осень пришла внезапно. Мы ее совсем не ждали...

Все закончилось так неожиданно...

Золотые листья кружатся в воздухе медленным последним танцем – это все, что им осталось.

ПРОЗА

Осень бросила их нам как прощальный подарок.

Она развела на своей палитре раздолье блестящих красок – золото, пурпур, багрянец, алый, оранжевый и желтый. И совсем немного серого.

Малярной кистью, не жалея цветной густой жижи, она расписала наш мир.

Но краски осени неустойчивы. Они быстро поблекли и стали унылыми пыльно-серыми.

Пепел сгоревших надежд ветер разносит по свету...

Мы как будто чужие друг другу...

Ты ушел в эту мокрую серость и тебя больше нету.

Мы слепо шагаем по кругу...

Когда волшебство ушло, ты не захотел оставаться и отправился на поиски новых чудес.

А я все надеялась, что ты вернешься.

Наивная.

Ты не вернулся.

После твоего ухода внутри начала разрастаться пустота.

Ее можешь заполнить только ты.

Но тебя нету.

Я хочу найти тебя.

И уже не важно, что будет дальше.

Вместе с листьями лечу по ветру на поиски тебя.

Свет...

Теплое золотое сияние...

Затерялось в серой мгле...

Где же ты?

Нету...

Нету тебя нигде...

Ветер несет меня дальше.

Опустевший тусклый город. Преддверие ночи. Я одна посреди этого пустого города. Слепые окна домов с издевкой смотрят на меня. Здесь прячется пустота...

Настойчиво продолжаю свой поиск.

Я все равно разыщу тебя, где бы ты ни был.

А все остальное уже не важно.

В лужах отражается перевернутый мир. Может быть, я найду тебя там?

Нет...

Идет дождь...

ПРОЗА

У меня нет зонта. Он мне не нужен.

Мне нужен ты.

Мой сказочный рыцарь.

Я обязательно найду тебя.

Кроме этого ничего больше меня не волнует.

Если для того, чтобы найти тебя, потребуется стать волшебницей – я стану ею.

Если ты не можешь существовать в мире, где не чуда – я сама буду самым величайшим чудом на свете.

У меня есть цель – найти тебя.

Я знаю, как найти тебя.

И найду, чтобы снова обрести целостность.

Потому что ты – это я.

И ничего больше.

Я ищу себя?

Да.

Ведь я – это ты.

Я все равно найду тебя.

Все остальное будет не важно.

Если ты будешь рядом со мной – нет ничего важнее.

Я добилась своего? Цель достигнута?

Не все ли равно?

Это уже не важно.

Не важно...

Страх

Ледящий душу скрип во тьме... Страх открывает двери твоего сердца. Берегись!

Ты лежишь в своей постели и никак не можешь заснуть.

Ночь. В приоткрытое окно воровато проникает смертельно бледный свет луны. Призрачная занавеска сигаретным дымом клубится где-то в районе потолка. Странно... Нет такого ветра, чтобы она ТАК колыхалась...

С замирающим сердцем выбираешься из-под одеяла, крадешься к двери, приоткрываешь ее и осторожно выглядываешь в коридор...

Пусто... никого...

Непонятно...

Страшно...

ПРОЗА

Неизвестность пугает больше всего...

Делаешь два неуверенных шага... оглядываешься...

Может, стоит вернуться обратно в свою комнату?

В коридоре еще темнее, чем в комнате. Полная темнота. Глаза уже привыкли к отсутствию света, но все равно ничего не видно...

А на ощупь даже знакомые предметы кажутся чужими...

Если бы под рукой были хотя бы спички! Не обязательно их зажигать, простой картонный коробок, крепко сжимаемый в кулаке и наполненный волшебными палочками, способными хоть чуть-чуть разогнать мрак, уже достаточно для того, чтобы страх темноты отступил в глубины сознания.

...Из-под входной двери пробивается серебряная полоска света... капля в море... она ничего не освещает, наоборот, тьма становится гуще... Да и откуда среди ночи взяться свету? Это необъяснимо и от этого еще страшнее...

Откуда-то издали доносится чей-то протяжно-пронзительный вопль.

Перепуганное сердце ухает куда-то в область пяток.

Снова гулкая, одуряющая тишина...

И жалобный тоненький скрип где-то наверху...

Страх обжигающим уколом разливается по жилам, ледяным перышком щекочет оголенные от напряжения нервы...

Сердце то гулко бухает, отдаваясь головной болью в висках, то замирает, чутко прислушиваясь к окружающей тьме...

Неслышно отступаешь назад, стараясь не наткнуться на неожиданно ощетинившуюся углами невидимую мебель – сейчас даже она тебе враг.

Страшно – если упадешь, вдруг настигнет ужасное неведомое?..

Быстрее, быстрее... словно что-то наступает на пятки...

Почти бегом возвращаешься в комнату и лихорадочно-торопливо соскальзывающими пальцами запираешь замок перед носом неведомого ужаса...

Облегченно вздыхаешь... но ненадолго.

Резкий порыв ветра хлопает створкой окна, так что от неожиданности ты вздрагиваешь всем телом.

Бросаешься к окну и захлопываешь его, щелкнув шпингалетом – через него тоже может проникнуть то самое, ужасное, что осталось за дверью.

Напряженно вслушиваешься в обманчивую зыбкую тишину. Тихо... Или нет?

Во всем доме ни души...

Тогда чьи же это шаги тихо прошлепали по коридору.

Шлеп...

Шлеп...

Шлеп...

ПРОЗА

Остановились... Около твоей двери. Хорошо, что она заперта изнутри.
Но чу... что это? Как будто легкий щелчок осторожно отпираемого замка...
Жутко...

Снова тишина... зловещая тишина. Тихо настолько, что комариным пискom звенит в ушах пульсация крови.

В темноте все звуки слышнее. Можно уловить даже самый неслышный из них, на грани звукового барьера...

Дверная ручка еле заметно начинает поворачиваться...

Нарастающая паника плотным комком подкатывает к горлу, выступает на коже липким потом...

Панический неконтролируемый ужас захлестывает тебя.

С нечленораздельным воплем ты кидаешься под одеяло – там хоть и темно, но это все же родная, уютная темнота. Закутываешься с головой и напряженно застыв, вслушиваешься в притаившуюся неизвестность...

Потихоньку сердце успокаивается, страх отступает...

Так и засыпаешь.

Утром уже ничто не напоминает о пережитых страхах.

...Но ведь эта ночь – не последняя...

Черные крылья

*Мне бы черные крылья...
Пилот, «Черные крылья»*

Я иду пешком по шоссе, балансируя на границе между встречными полосами. Мои каблуки-шпильки меряют глубину воскового асфальта.

Ветер-шалун ерошит, путает мои волосы, бросает их мне в лицо. Он хочет поиграть со мной в парикмахера, но для этого у него слишком мало опыта. Поэтому я просто позволяю ему заблудиться в неровных разноцветных прядях и успокоиться на том.

Мой путь стрелой пронзает сердце раскаленного города, пролегая через все районы и устремляясь куда-то далеко. Мой дом потерялся где-то в стороне, но, возможно, я все же найду его в дороге.

Моя тяжелая сумка беспомощно болтается у меня на плече, не позволяя мне оторваться от расплавленной жижи асфальта и взлететь на восходящих потоках теплого воздуха в пыльное небо, по цвету ничем не отличающееся от мятой ленты шоссе.

Встречные потоки автомобилей с обеих сторон грозят раздавить меня, растерзать, разорвать на клочья и разнести меня по разным уголкам города. Но я продолжаю свой безнадежный путь.

Начинает колоть в правом боку. Надо бы остановиться и передохнуть, но я не могу. Никогда не умела остановиться вовремя. Я иду, и каблуки все так же мерно буравят покрытие дороги. Не могу удержать легкий полувздых-полустон – он срывается с моих губ и тяжелым камнем падает вниз. А я отбрасываю его в сторону и все иду.

Самые опасные места вроде поворотов и перекрестков я прохожу, закрыв глаза. Я не боюсь. Смерть прекрасна, просто сегодня мне не хочется ее видеть. Ожесточенные гудки режут мой слух, но я даже не вздрагиваю и не останавливаюсь ни на секунду.

Асфальт, как вампир, жаждет крови. Потому-то на дорогах всегда случается множество аварий – это необходимое кровавое жертвоприношение асфальтовому монстру.

На некоторое время я покидаю тающее под неровной кляксой солнца шоссе, и теперь моя дорога пролегает через частный сектор. Я продираюсь сквозь приторно-сладкую духоту цветущих плодовых деревьев – вишни, черемухи, яблонь. Ее слегка разбавляет горьковатый запах ели. Оставив за собой медленно гаснущий реактивный след, я снова выбираюсь на шоссе – для этого мне сначала приходится подняться по неровным ступенькам. Мои ноги слишком привыкли идти по гладкой дороге и поэтому поначалу возражают против такой перемены. Но лестница кончается раньше, чем я предпринимаю попытку усмирить их.

Я беспечно иду по шоссе, снова раздираемая встречными потоками воздуха и машин. А надо мной, невидимый в сером мареве, парит в вышине ангел на черных крыльях. Я ощущаю его присутствие и задираю голову к небу, задыхающемуся от смога, пытаюсь разглядеть что-то сквозь блистающую линзу солнца.

Моя правая нога самовольно укорачивает шаг, и я незаметно для себя забираю вправо, отклоняясь от условно обозначенной границы, разделяющей шоссе вдоль пополам.

Позади меня нарастает грохот стремительно приближающегося трейлера. Я успеваю почувствовать ужас человека, до хруста костей вцепившегося в баранку.

И за моей спиной вырастают черные крылья.

Подстерегающая желания

...Желания слишком часто становятся реальностью...

Она – туманная фигура, сотканная из тонкой ткани теней – неслышно скользит по дорогам.

Ночь – ее время. Она вышла на охоту.

В принципе, для нее нет существенной разницы, в какое время суток охотиться. Просто в сумерках и ночью охота исполнена необыкновенной легкости – как она сама. К тому же, ночью, когда люди спят, их желания, тщательно подавляемые днем, получают свободу – до тех пор, пока не попадут к ней. В это время их поймать проще простого.

Она подстерегает желания. Желания всех живых существ, но, преимущественно, людей.

Когда ей удастся заполучить чье-то желание, она исполняет его. Как охотник убивает пойманную добычу, ведь чтобы убить желание, надо его исполнить.

И не ее вина, что большинство из них, так или иначе, связаны со смертью.

Выйдя из своего убежища на охоту, она никогда не знает, куда ее приведет охотничий инстинкт, и что она поймает сегодня.

Тонкое серебристое марево призрачной вуалью укрывает ее безупречное тело...

На некоторое время она разливается в воздухе и определяет направление, которому она будет следовать нынче.

Она направляется туда, откуда доносятся флюиды наиболее сильных желаний.

Иногда она сидит в засаде, иногда загоняет добычу, а временами ставит на них ловушки.

Сегодня она настроена поохотиться по-настоящему – выследить жертву, загнать ее и поймать.

Но для начала проверяет свои капканы.

Кое-что есть. Так, по мелочи. Желание старого нищего найти для сна местечко потеплее, сонное мечтание ребенка получить утром любимые сладости. Или жажда выпить за счет заведения у завсегдатая кабака.

Она предпочитает дичь покрупнее.

Например, желания азартных игроков, играющих по-крупному. Любовная страсть. Жажда всяческих благ. Отдельно в списке стоят бескорыстные желания помочь другим и наоборот, желания тех, кто хочет заставлять других страдать.

Желания разнообразны и у них разный вкус.

ПРОЗА

Любовные желания – они сладковатые. Азартные – кисло-сладкие. Жажда наживы – вкус масла или даже жира. У бескорыстных освежающий привкус мяты и других трав. Желания тиранов и насильников – соленые и острые, в первую очередь те, что связаны с риском.

Но больше всего она любит охотиться на смертельные желания.

У них совершенно особенный, ни с чем не сравнимый, вкус. Да и сам процесс охоты на них интересен, увлекателен и рискован. Тем желаннее и драгоценнее добытый трофей.

Перед каждой жертвой она появляется в том облике, в каком они захотят ее увидеть.

Ее истинный облик неизвестен никому.

Никаких подделок – все желания выполняются по-настоящему.

Правда, бывает, что исполнение желания одного существа исключает исполнение желания другого. Тогда исполняется желание того, кто желает сильнее.

Сегодня она напала на след настоящей добычи.

Это – желание совершить насилие.

Дразнящими образами она доводит желание до исступления – такому уже невозможно противиться.

Под ее влиянием тот, кто желает, отправляется туда, где его желание исполнится.

Обычно, в результате удовлетворения таких желаний, у жертвы насилия в свою очередь появляется сильнейшее желание смерти.

А это уже ценнейшая добыча для нее.

Замкнутый круг.

Она может исполнять желания до бесконечности – пока ей самой не вздумается устроить передышку.

Ведь даже любимое занятие надоедает.

Она охотится за желаниями с начала времен. Она древнее, чем мир – ведь даже мир появился благодаря чьему-то желанию. Она единственная в своем роде. Она бессмертна.

И она устала.

Рано или поздно она выловит все желания.

И тогда все исчезнет.

Наступит благословенная пустота.

Которая поглотит ее.

Тогда она сможет успокоиться и отдохнуть – в пустоте нет желаний.

Ничего нет.

Заслуженный отдых.

Но до этого еще далеко.
Она снова выходит на свою извечную охоту.
Подстерегающая желанья.
Сегодня она придет к вам.
Она уже в пути.
Ждите.
Это неизбежно.

Танец со смертью

Кто сказал, что смерть ужасна?
Ничего подобного.
Смерть – одно из самых прекрасных созданий – или все-таки явлений? – на свете.
Я с давних пор безнадежно влюблен в нее.
Она это знает и играет со мной, как кошка с мышью.
Издевается, как хочет.
А куда я денусь?
Сколько раз я звал ее – а она все не приходит. Или появится совсем рядом – кажется, достаточно протянуть руку и она твоя. Но она всегда ускользает с дразнящей улыбкой из-под вуали.
У нее лукавый взгляд.
Она смеется надо мной.
А я все равно люблю ее.
Чего только я не перепробовал, чтобы она пришла ко мне.
Но нет.
Она то и дело возникает за моим плечом, но стоит обернуться – ее уже нет, исчезла.
Мой прекрасный мираж.
Дьявольски соблазнительный коктейль.
Она словно избегает меня.
Если я вздумаю повеситься – веревка оборвется. Если я возьму пистолет – будет осечка. Пойду топиться – кто-нибудь вытащит, брошусь под машину – она успеет свернуть или затормозить, прыгну из окна – всего-навсего переломаю себе кости. Стану резать вены – все ножи окажутся тупыми. Выпью отраву – вывернет наизнанку. Даже если попытаюсь поджечь себя – и то погасят раньше, чем наступит летальный исход.
Точно знаю – пытался.

ПРОЗА

Можно подумать, что она хочет, чтобы я жил вечно.

Но я обычный человек. Просто люблю ее и все.

Так что, рано или поздно, но ей придется прийти.

Я буду ждать ее с букетом белых роз, которые подарю ей.

И тогда она примет мое приглашение и потанцует со мной.

Как же она прекрасна!

С чего все взяли, что она должна выглядеть, как скелет в капюшоне и с косою в руках?

У людей слишком убогое воображение.

Смерть – это само совершенство.

Идеальные формы, задрапированные в жгучий бархат и мерцающий атлас. Сияние черных алмазов. Тонкие руки в длинных перчатках. Лицо практически неразлично, затененное дымкой вуали, только блеск глаз оживляет его. Она элегантна и грациозна и никогда ничего не говорит.

Но все понятно и без слов.

За этот танец с ней я готов отдать все, что у меня есть.

Я преклоняюсь перед ней.

Она моя единственная любовь на все времена.

Она придет, безмолвно дотронется до моего плеча, и мы с ней заскользим в невероятном плавном танце под неслышную музыку спящих гармоний по шахматным плиткам беспредельно огромного пустого зала, растворяющегося в волшебном мягком сиянии, где, кроме нас, никогда никого нет.

Этот танец будет длиться вечно, и белые розы в ее руках никогда не увянут.

А потом не будет ничего.

Но разве это имеет значение?

Ведь я получил то, чего так хотел.

Танец со смертью.

Миг, растянутый в бесконечность.

Только для меня.

Моя бесценная награда.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Михаил Лёзин

* * *

оловянные подстаканники
и похмельные понедельники
в этой жизни мы только странники
музыканты поэты бездельники

так пускай остаётся видимость
пусть грехи нам прощают по-прежнему
на упавших страницах изморозь
мы счастливыми были невеждами

* * *

волшебная тоска
роняет капли света
вдоль замка из песка
скользит ничья комета

закрыты вновь сады
для личных посещений
упали вверх плоды
останки просвещений

я вышел в этот мир
и тут же встретил заумь
на леске балансир
блестит неосязаем

зачем метель стихов?
зачем слова и строки?
когда среди веков
мы вечно одиноки

не надо умирать
не нужно растворяться
ведь стоит подождать
и ты начнёшь смеяться

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

читаю ночью Аронзона
о сколько в нём открытий чудных
как дней от пьянства беспробудных
порой поступков безрассудных
шумит величием промзона
и печень словно из картона
полна запасов очень скудных
тут жить мучение одно
но выбирать нам не дано

* * *

сидит червяк под микроскопом
влекома сном летит трава
чадит уныл эксперимент
через толщу слов тенями быстр
апрель достал чернил и скачет
по лужам высохшим дотла

* * *

в погоду что-то подмешали
и спать охота всю неделю
и я словам уже не внемлю
но всё ж не ведаю печали

* * *

купил в фикс-прайсе томик Хлебникова
за пятьдесят рублей
принёс домой
поставил чайник
заварил чаёк
сичу читаю
день летит за сумерками следом

* * *

пью кефир готовлю печень
мне занять свой вечер нечем
этот мир бесчеловечен
водку пью и вновь беспечен
ад похмельный обеспечен

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

вышел в город человек
в голове шумел шарнир
съел огромный чебурек
выпил пальмовый кефир

за бревенчатой стеной
обнаружил мир иной

* * *

небритая морда поэта
внезапно сверкает в ночи
в ночи потерялся он где-то
небритый поэт хоть кричи

он пьёт из бутылки водяру
занюхав клопами коньяк
берёт он в ладони гитару
играет он джаз кое-как

качаются бледные тени
кончается водка уже
кончаются даже пельмени
на пятом на том этаже

уставшие пьяные гости
ушли поскорей по домам
поэт дотащил свои кости
и бросил на мягкий диван

* * *

Футуристы Тольятти
Покидают свой Ставрополь
Забирая навечно Гнедова и Игнатьева
В телеге дырявой
По дороге просыпано много букв и песен
Бусы звёзд аккуратно на небе сложены
Веером смыслов наполнен полдень жаркий
День будет так незаметно клониться к закату

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

за рубли и дойчмарки
мы катались в зоопарке
ели груши, пили сок
и смотрели на свисток

за окошком выли вьюги
угли жарились на блюде
хвост вилял своим котом
люди жались под зонтом

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Людвиг Анохин

Я должен искренне уверовать
Не победить, а покориться
Я безоружен и смиренен
Ведь ты богиня, не волчица

Пройдешь ладони вниз направив
С Земли к ним тянется трава
Ладони вверх – и вдруг сияет
На небе новая звезда

Я выхожу как из театра
Разочарован и сонлив
Автобусы уже не ходят
И пьяный шум скамеек стих...

Как все замороченно устроено
Может пересох фонтан крови
И стервозность будет пусть утроена
Но хотя бы оставайтесь вы людьми

В понедельник плаху приготовили
А во вторник отсекись моя башка
В среду уже мрамор установленный
А в четверг забыли про меня

Пятница, суббота, воскресенье
Тройка приготовила судьбу
Прогулять осеннее-весеннее
В нашем поэтическом саду

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Ты – произведение искусства
О тебе я думаю всегда
Отчего же на душе так пусто
Отчего же в голове зима

Ночь настанет – будет не до шуток
Я начну искать тебя во тьме
Забредя в какой то переулок
Вдруг увидел имя на стене

И кусочек мела на асфальте
Я его немедленно поднял
И не думая, почти не глядя
Голую тебя нарисовал...

Мы смотрим в глаза друг другу
Хотелось бы знать зачем
Неуверенность и тревога
Я же – просто люблюсь

Радуга замыкается
Второе полукольцо
Ветер освобождается
Дует прямо в лицо

Спящие инфузории
Трагические истории
Потоп или пожар
Взлетел или упал

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Уши кошачьи как моль – тонкие и прозрачные
Жизни кошачьей соль – тихая, неоднозначная
Летом пойми – жужжит и кружит
Осенью капли одна за одной падают

И лишь зимой – тишина... Темнота
Хочется рядом кота как всегда
И неожиданное тепло непонятно с чего
А... Это брюки того чувака!.. Только что снятые...

Весна!.. Сразу чувствуем свежесть дыхания ее
Нетерпеливым шагом навстречу встречаем ее
Сквозь свежесть тающего льда
Прелая и живая дышит листва

Только телу человека присуще
Столько же радости, сколько и грусти
И отнять и прибавить рядом живущим
Жизнью и смертью своей проклятущей

Трудно забыть человека, с которым когда то дружил
Жалко пустую бутылку, если из горлышка пил
Ты с ней почти целовался значит её ты любил
Но закончилось то, что было – спасибо, что не убил

В подъезде все ходят мимо
Презрительно смотрят в окно
Чем же ты не угодила?
Ах... Я ведь тоже стекло

Мысли мои прозрачны, душу видно насквозь
А сколько вокруг грубиянов на душу мою развелось
Страшно порой бывает – как будто под грудой тел
Пуля меня настигает

День уже новый пришел
Просто вдруг задремал на пороге
Лишь чайник свистит о прибытии гостя

Алена Бударина

ГАРАЖ

гараж.
в гараже не привычная распродажа –
кража гаражного петиного детства.
даже не кража со взломом,
а вероломное злобное
мамино воровство,
открытое и не попадающее
ни под одну статью,
потому что, во-первых, "это я всё тебе купила",
во-вторых, чувства не подвергаются переписи,
как имущество,
и нет описания воспоминаниям и чутью.
и вот, расхаживая
между влажных стен старого сарая,
мама сгребает в кучу, роняя на пол,
шестнадцать петиных лет.

на самом деле, десять.
до шести он себя почти не помнит.
только как его носили в больницу
и больно кололи в жопу.
больно – это он придумал.
боль не запомнилась, но он точно плакал,
потому что для успокоения мама
купила деревянного медведя,
у которого в разные стороны
растягиваются на резиночках уши и лапы.
медведь тоже падает на пол,
и скорлупки коричневой краски
отлетают от шелушащегося живота.

за ним летит и ломается
маленькая красная коляска,
с которой петя тайно играл в дочки-матери
(пётр, дети – это для девочек).

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

отдали в футбольную команду.
на футболе петю били ногами,
потому что он хреновый вратарь,
и руки у него дырявые,
но папа был непреклонен.

так непреклонно он две недели назад
ушёл к какой-то бабе,
а мама теперь
"ты весь в отца, пётр,
что ты такой мямля,
давай мне ещё поплачь тут".
и обидные, крупные слёзы,
державшиеся в глазницах
только силой сжатых зубов,
выкатятся только через пятнадцать лет.
ни тогда, когда пете оторвет ступню,
когда он будет доказывать, что он мужик.
ни тогда, когда жена его бросит,
потому что он пьёт и кричит по ночам от кошмаров,
и уйдет от него, запретив общаться с ребенком.
и ни тогда, когда у мамы обнаружат саркому,
а когда она скоропостижно умрет,
и наконец станет можно.

В третьем мире, во втором рае,
в новом государстве тоталитарного строя
жила-была девочка, которая спала крепко,
спала крепко и сладко, потому что
никогда не была счастливой,
потому что каждый день страдала
и поэтому ничего не боялась.
Не боялась волков, утаскивающих в лес,
полиции, стучащей к соседям в три часа ночи,
соседки, кричащей "помогите",
никаких, в общем-то, ситуаций.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Иногда только боялась
никогда не проснуться.
И что там, где она не проснётся,
останутся мама и папа,
и Рыжик, и Маська, и Лёша из 2 "Б",
а она будет там, где все, кто не проснулся,
там, не знала она, где,
туда, не знала она, куда.

И: "Мама, папа, можно я лягу с вами?
Держите меня крепко-крепко,
чтобы я всегда была здесь.
Я встану утром, и буду снова смотреть и слышать.
Слышать, как менты вяжут дядю Колю,
потому что он что-то опять не то написал в твиттер,
Смотреть, как у тёти Ани и тёти Кати
забирают младшего, потому что две мамы
не могут вырастить достойного гражданина,
смотреть и слышать, как вы опять пытаетесь решить,
можете ли вы быть вместе, хотя вы, блин,
уже 20 лет вместе, что, типа, ещё не ясно?
Слушать, как бабушка с дедушкой, еле сводящие
концы с концами, снова хвалят пластикового президента,
а все вокруг всё ещё унижают друг друга за то,
кто что ест, во что верит и во что одет.
Мама, папа, держите меня крепче,
ведь самый счастливый конец у сказки тот,
в котором все проснулись
по-настоящему»

все живут в каких-то не тех городах,
иногда деревнях,
в дождевых скользких окопах.
и она железобетонно живет

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

там, где никогда не падает самолет,
потому что в этой области
не учатся на пилотов,
а значит, небо всегда свободно,

но несвободна
земля, устеленная
тополиным пухом.
под вечер уже горят тополя.
сколько можно пуху приземляться в чай..
и с духовником она прогуливается
и спрашивает чего-то,
а он отвечает глухо,
мол, так быстро ничего не случается.
но города – это ещё не показатель
судьбы или божественного участия.

она уже не то что бы на изводе – на части
рвётся
и остаётся
шаг за шагом, становится
ниже и ближе
кайме горящего пуха.
"а он простит, если я что-нибудь почитаю?"
и он отвечает глухо,
что это ей не католическая церковь,
а настоящая жизнь,
и что если бы она хотела, то держала
себя в подоле.
– в подоле, – думает, – какие подолы?
сплошные джинсы.
что ж мне теперь, рожать?

в другом городе без пуха, с пилотами,
у него коленки дрожат.
надо подниматься на борт.
а если за всё, что тогда случилось,
я его не заслужил?
ни первого, ни второго неба,
и я не имею права.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

но если подумать, ну, правда,
она же сама хотела. чего я теперь?
не пойду ни на какое дело?
оставить мечты о небе?
всю жизнь мечтал стать крылатым.
за что тогда мой дед в сорок пятом?

на пятом
часу утра
в палате
она кричит "хватит,
сколько же можно"
я же один разочек только.
отчего всё так быстро.
но этого
не говорит вслух.

в далеком городе
от искры
его зипповской зажигалки
загорается пух.

ПЕРЕПРАВА

от переправы до переправы
нет больше берегов, только травы,
острые травы, вязкие топи,
колкой крапивы сбитые тропки.
мне, поднимающей первую стопку:
пей-пей, алёнушка, пей за братца.
по переправе не перебраться.

нет воды – только ил да тина,
нет берегов, только пыль да мины.
я тебе вою на не мальвином,
не джульеттином, а на гердином,
на сестринском, самом сильном
и пронзительном.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

ты же мне на своём козлином
(мне же кажется – соловьином)
говоришь не пить – собратся.
так ли важно быть одинаковым?
важно быть не одиноким,
не любимым не оказаться.

там, где мины, там есть проход, я
тонкие отрастил копытца.
подожди вот под той калиной.
чур, не пить – ждать, смотреть, молиться.
я всё пройду, и тебя переведу.

что-то блеет, бодает, бьётся.
и уходит по тропке минной.
и по-сестрински остаётся
доверять, и когда над миром
вдруг загрохочет,
нет – не верить,
да – надеяться,
глаз не открывать.

ПОСТСКРИПТУМ

Илья Колесников

Против жизни

*Я тщусь обнять
Что от меня к другому миру возросло
Наимоё –
Что от меня безмерно далеко.
Штефан Георге*

«Против жизни». Это звучит неоднозначно; а если быть точным – превратно однозначно. Речь далее пойдёт отнюдь не о декаденстве (на самом деле, и о нём тоже). Писать против жизни в горизонте самой жизни бессмысленно, поэтому будет лучше обратиться к *иному*, к чему-то, что жизнью поглощено ещё не до конца.

Искусство и жизнь: тема уже почти ставшая классической. Симптом (наиболее частый) – проблема вкладывания, «вчитывания» жизненных обстоятельств автора в его произведение. Писатели (и сейчас подразумевается только *хорошая* их порода) не перестают жаловаться на то, что в их произведениях пытаются вычитать обстоятельства жизни: будь то мнимые указания на знакомых людей, знакомые вещи, знакомые увлечения и прочее в том же духе.

В конечном счёте, интересуются жизнью автора, не творением. «Пресловутая жизнь» обслуживает себя всеми способами, в том числе – *читает* о себе. Тогда всех интересует, что же художник любит в жизни: это понятно и проговорено бесчисленное количество раз.

Страшнее то, что жизнь также о себе – *пишет*.

Дурной тон литературной критики – говорить о вещах низкой пробы: здесь о них речь идти не будет. Чистоплотность в делах духа обязывает их попросту не иметь в виду, лучше к ним вовсе не прикасаться. Сказать следует о писателе хорошо; пример – *Томас Манн*².

I. Случай Томаса Манна

Томас Манн пишет эпохальный роман «Доктор Фаустус» и публикует его в 1947 г. Уже в 1949 г. он публикует «Историю “Доктора Фаустуса”». Роман одного романа». Эта странная вещь предваряется эпиграфом из Гёте, где обосновывается необходимость предисловий, несмотря на нелюбовь к ним, так как

² Пример отчасти произвольный, просто в данной теме наиболее показательный.

ПОСТСКРИПТУМ

«произведение со временем утрачивает действенность». Возникает вопрос: какую действенность великий роман Томаса Манна мог утратить за два года? И как он вообще может её утратить?

Тогда, быть может, текст Манна по поводу романа произрастает из необходимости иного порядка? Эта необходимость иного порядка вскрывает проблему чудовищной тотальности *жизни*. Манн с грустной улыбкой и даже некоторой тревожностью вспоминает, как просил профессора Густава Отто Арльта предоставить ему

во временное пользование книги народных преданий о Фаусте и... письма Хуго Вольфа. Такое сочетание показывает, что, при всей туманности, идея, меня занимавшая, давно уже приобрела известную чёткость³.

Манн меланхолично скучает по тем дням, тому письму, профессору Арльту, ведь они вдохновили его.

Во время напряжённой работы над романом писатель радостен: потом эту радость ему хочется вспомнить. Тогда, как в случае Манна, он с грустной улыбкой вспоминает обстоятельства написания романа: «А когда я писал эту главу, слушал такого-то композитора», «А эту часть я писал там-то, когда солнце заходило за горы» и прочее. Упомянутый текст Манна полон подобных воспоминаний.

Но что мне даёт знание того, что во время работы над некоторой главой Манн читал письма Ницше, и даже то, что он вписал в питание Адриана Leverkюна рацион Ницше? К чему об этом говорить *вне* самого произведения? После узнавания об этом я хочу перечитать соответствующие места в романе и нахожу, что Адриан *действительно* питался как Ницше. Убедился и всё. Но ведь штрихи и тонкости должны просто быть, их вовсе не обязательно оглашать.

Проблема в том, что читающий про вдохновившие обстоятельства, но непричастный к ним человек, чувствует себя лишним на этом «празднике жизни» – а это праздник *жизни, не искусства*. Обстоятельства, однако, могут не только вспоминаться *post factum*, после написания, как это делает Томас Манн. Значительно хуже, когда они вклиниваются в само произведение, как это происходит у того же Манна: в благодарность Теодору Адорно за консультации относительно музыки, Манн в романе «выгравировал фамилию его отца – “Визенгрунд”»⁴.

³ Манн, Т. Собрание сочинений в 10 тт. Т.9: О себе и собственном творчестве 1906-1954 / Т. Манн. Пер. с нем. С. Апта. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 210.

⁴ Там же, С. 231.

ПОСТСКРИПТУМ

По поводу осколочности обстоятельств можно сказать что, во-первых, они редко вносят художественную ценность; во-вторых, они вносят жизненность: писатель ставит себе памятник, впечатывает воспоминание. Это было бы не так плохо, если бы впечатление действительно обладало *эстетикой*. То же самое относится к отказу от поздней редакции ранних вариантов замысла. Если некий фрагмент или мотив произведения был в тексте с самого начала, и в виду более поздних вставок он оказывается неуместным, а писатель его не убирает в силу его «изначальности» – то и здесь заявляет о себе проблема памятника. Вновь жизнь, не искусство.

Проблема *интимизации* обстоятельств. Писатель редко может отделить свою радость письма от облика обстоятельств: и если ему кажется эстетичным и восхитительным некоторое вдохновившее его обстоятельство, то, в силу своего опьянения, он не может придать обстоятельству ценность. Он полагает, будто оно имеет ценность в себе самом – и записывает в непосредственном, не-эстетичном виде.

Самое главное возражение против подобного хода состоит в том, что в произведение, в искусство, вклинивается *жизнь* – здесь писатель перестаёт быть писателем, он становится человеком, которому «ничто человеческое не чуждо». *Человеческое – чуждо*, и особенно в вопросах искусства. Все люди влюбляются, ходят на фоне прекрасных пейзажей и участвуют в событиях и без того, чтобы быть писателями – обо всём этом говорить *не обязательно*. К чему говорить о жизни? – *слишком много чести ей*.

Само собой разумеется, что жизнь рассматривается как *повод* к искусству. Об этом хорошо написал Готфрид Бенн в докладе «Проблемы лирики» (1951 г.):

Каждый гулял в саду или в парке, осень, голубое небо, белые облака, жаль, что всё проходит, пора расставанья. Это настраивает на задумчивый меланхолический лад. Вам грустно. Всё это замечательно, чудесно, но это ещё не стихи. И вот приходит Штефан Георге и видит то же, что и вы, он знает, как совладать со своими ощущениями, внимательно их анализирует и записывает:

*Не умер парк – войди, и у воды
Увидишь: как сверкает гладь морская,
И даль небес сияет голубая,
Тропинки вьются, светятся пруды.*

Он знает свои слова, <...> находит рифмы, спокойные, тихие строфы, выразительные строфы, и вот получается одно из прекраснейших

ПОСТСКРИПТУМ

осенних стихотворений нашей эпохи – три строфы с четырьмя рифмами, которые очаровали своей формой целое столетие⁵.

Теперь следует представить другую ситуацию: писатель работает над романом, и каким-то образом вместо того чтобы сидеть за письменным столом и обдумывать предложение, он решает прогуляться по осеннему парку. Во время прогулки в его голове складывается целостная картина всей следующей главы, и он бежит её записывать. Он может через два года вспоминать в письменном и устном виде об этой «решающей» прогулке в парке или, что ещё хуже, нагло это прогулку вписать в само произведение (нагло в том случае, если замысел главы не имеет к парку непосредственно эстетического отношения, а оно, скорее всего, именно так).

Находясь в этом «задумчивом меланхолическом ладе» писатель не сможет этот лад *выразить*. Тогда «на выходе», на уровне законченного *произведения*, окажутся не строки Георге, но, как об этом сказал Бенн, «осень, голубое небо, белые облака, жаль, что всё проходит, пора расставанья...».

Закрадывается подозрение, что привнесение в произведение «жизненного» содержания восполняет *недостаток* художественной формы. Неужели Манн действительно испугался за художественную ценность романа? После написанного стихотворения у Георге нет необходимости говорить об обстоятельствах написания. Однако если я напишу плохое стихотворение (плохой рассказ, плохой эпизод романа), то всегда смогу оправдаться тем, «как это было на самом деле» – тогда заявляет о себе чудовищное следствие интимизации обстоятельств. На упрёки в отсутствии формы я смогу ответить, «как там было прекрасно» – и упрёк *наполовину снят* (на самом деле, нет; но кажется, что да). И если мне говорят, что я не пойму подлинного значения радости от *повода*, мне остаётся лишь оставаться на позиции «непонимающего» и недоумённо пожимать плечами.

Против жизни возражать сложнее. Посредственный *исторический* роман (или посредственно написанная *биография*, посредственные *мемуары* и так далее) всегда будет наполовину прощён, в отличие от посредственного художественного произведения в собственном смысле – и эта черта современной культуры *непростительна*. Вернее, непростительно *смешение* «жизненных» словесных жанров и художественной литературы.

⁵ Бенн, Г. Двойная жизнь. Проза, эссе, избранные стихи / Г. Бенн. Пер. с нем. И. Болычева. – М.: Летний сад, 2015. – С. 395-396.

Ц. О художественной благодарности

Произведение искусства питается и жизнью тоже. Я могу быть свидетелем некоторых обстоятельств, и они вдохновляют меня на создание или продолжение художественного творения: но это не значит, что я должен записывать их в непосредственной данности.

Необходимо видеть *меру эстетики* обстоятельств, быть трезвым в отношении их оценки. Это вовсе не означает, что я выказываю неблагодарность по отношению к ним. Благодарность заключается в том, что при удачном *выражении* обстоятельств их облагораживают и делают *достойными* существования и памяти: тогда чекан преображённого впечатления не нужно будет оправдывать через то, что «это было на самом деле», или что «это для меня важно» (интимизация).

Но если нечто не обладает эстетикой, и при этом для меня важно – можно позволить себе и немного насилия. Такие интимные воспоминания и впечатления, если они не поддаются облагораживанию, надлежит выжигать, искоренять. Не стоит лелеять безобразное.

Повод к произведению – символ. Осколок. Когда я его усматриваю, становится необходимым его дополнить. *Символ* в случае Манна – перекрестие интереса к легенде о Фаусте и к судьбе Хуго Вольфа. Это перекрестие (символ как то, что между вещами) – вызов к искусству. В отличие от символического, фактичность обстоятельств замкнута в себе, её можно оставить в покое.

В конечном счёте, в произведении речь идёт не обо мне и не о моей жизни, но о самом *произведении*. Жизнь для пишущего человека – *совокупность условий для творения*, этого достаточно. Писатель заботится о творимом произведении едва ли не с материнской заботой и готов во что бы то ни стало сохранять себе жизнь из заботы о вынашиваемом плоде. Довольно смешно поэтому, если писатель сможет действительно помышлять о самоубийстве, имея недописанное творение – *слишком много чести жизни* (а смерть относится к ней же).

Следует сказать ещё несколько слов о благодарности в делах эстетики. Было бы весьма продуктивным ощутить себя должником культуре. Если Хуго Вольф в конце XIX века написал струнный квартет, я не думаю о том, нравится он мне или нет; он над ним работал, и я, поэтому, его *должник* и слушаю с *благодарностью*. Распространённая риторика, говорящая против принуждения, остаётся в стороне: пусть лучше будет принуждение себя к исполнению подобного долга, к благодарности. Даже не обязательно оправдание через «свободу»: к чему? Пусть будет долг. При этом ещё более высокий долг – перед *не созданными* произведениями.

Подобно тому, как не говорят о зачатии ребёнка, неприлично говорить и о зачатии произведения. И если вписываются обстоятельства фактичности, то

ПОСТСКРИПТУМ

почему же так избирательно? Ведь писать позволяет не только парк с озером, но также система отопления, полиция, местное начальство и так далее – почему же избегаются столь достойные предметы?⁶ Что касается Манна, то в его тексте есть место, в котором о романе не говорится ни слова, зато какое встречаешь обилие подробностей медицинского лечения – оно занимает двенадцать страниц, *почти десятую часть*.

Сложно с точностью определить, насколько указание на жизненные обстоятельства является внешним и лишним по отношению к художественному творению. Автор всегда сможет сказать, что «здесь всё гармонично, и вкрапления жизни были продиктованы самим произведением». Речь, однако, идёт о другом: жизнь – предательство искусства, искушающий дьявол. Она соблазняет: «почему бы не скрыть в этом месте дружеское подмигивание тому-то или тому-то (Манн – Адорно)?», и затея кажется весьма невинной, но тогда вновь слово берёт интерес *жизненный*. Это соблазн к предательству; это жизнь, не искусство.

Если писателю скажут, что какое-то место у него не очень удачно, а он ответит, что оно необходимо для скрытой передачи «дружеского подмигивания», то со стороны дружелюбно настроенного критика может прозвучать единственно возможный ответ: «А, понятно».

Произведение должно вариться в собственном соку, и если уж так необходимы дружеские подмигивания, и жить без них никак нельзя, то можно прибегнуть к скрытому цитированию художественных творений (передать «дружеский привет», например, Гёте).

Я благодарен тому, что меня вдохновляет, и в свободное от письма время обустроиваю обстоятельства жизни таким образом, чтобы дальше писать – но ещё более я благодарен самому вдохновению. *Вдохновляться – вдохновением*. Возразить можно было бы следующее: когда писатель с задумчивой меланхолией вспоминает то, что его вдохновило на роман (Томас Манн), он в этот момент пытается вновь насытиться из того же источника. Допускаю, но зачем же это делать публично? Ведь это немного отдаёт публичным признанием в собственном бесплодии. По крайней мере, когда пишется произведение, нет никакого желания и никакой необходимости вспоминать о предыдущих (и о поводах к ним).

Аксиомой художника должно стать положение: *жизнь бесконечно скучна*. Пусть о ней заботятся другие, *живущие*. Положение это ни в коем случае не

⁶ Некоторыми писателями, кстати, не избегаются – например, Альфредом Дёблином.

ПОСТСКРИПТУМ

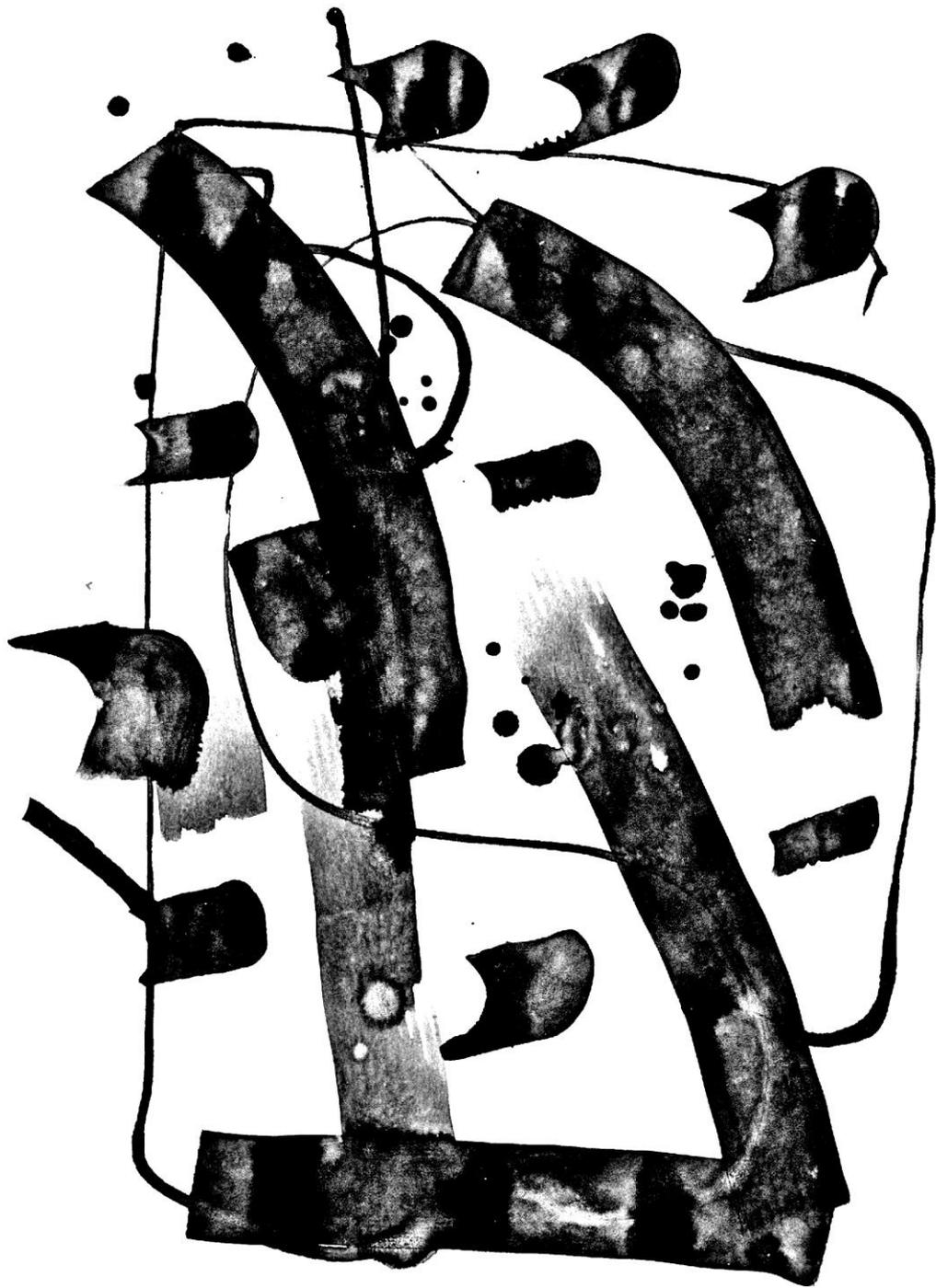
должно становиться жизненной позицией (декадентством): в вопросах искусства вообще крайне желательно полное отсутствие каких бы то ни было жизненных позиций. Необходима лишь позиция художника, то есть – поэта.

* * *

Даже этим очерком жизни воздаётся *слишком много чести*.

* * *

Против жизни? Нет; *в сторону искусства*.

Георгий Квантришвили

АЛЕКСАНДР МАЗДОРФ: НЕУДАЧНИК В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

20 марта 1819 года одиннадцать заседателей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств принимали в состав общества двух новых действительных членов. Пушкин, заметим, был удостоен сей чести за год до этого. На следующий день тому и другому были высланы уведомительные письма. Собственно, письмо одному из них вполне мог бы передать один из заседателей. Антон Дельвиг снимал небольшую комнату на пару как раз с новым членом общества Евгением Баратынским. А вот письмо второму должно было проделать куда более длинный тысячеверстный путь. Тем не менее, уже 19 июня на очередном заседании общества теперь уже девять заседателей (лето, отпуска) заслушали благодарственное письмо Александра Карловича Маздорфа.

Классик, отец русской философской лирики, в негласной иерархии стоящий рядом с Пушкиным, и лишь изредка вспоминаемый баснописец, приходящийся разве что для коллективных басенных сборников. Странное сопоставление, не так ли? Первому предстояло ещё четверть века жизни и творчества. Второй покинет мир уже в январе следующего года, оставив вдовой супругу Прасковью Матвеевну с трехлетней дочерью на руках.

Большей частью упоминаний в последующей литературе Маздорф обязан курьёзу, при исследовании устойчивого выражения «крокодильи слёзы» исследователи извлекли из забвения басню «Слезы Крокодила». О ее литературных достоинствах в данном случае не шло и речи. Негативная репутация автора к этому времени уже сложилась и обращаться к его творчеству всерьез необходимости не возникало.

Казалось бы, все отвращает и расхолаживает нас, едва мы примемся извлекать из забвения провинциальную фигурку. Автор первого словаря русских писателей митрополит Евгений (Болховитинов) отбрасывает Маздорфа за незначительностью. Впрочем, и Пушкина строгий митрополит ставил невысоко.

Вот Михаил Леонтьевич Магницкий, попечитель Казанского учебного округа и, что важно, экс-губернатор в том губернском городе и в то же время, где и когда творил наш баснописец, инспектируя Казанский университет, обнаруживает, что «(п)ри испытании в правилах поэзии задано было студентам сделать эстетический разбор басни: «Муха и Муравей», сочинения Маздорфа». Дальнейшее убийственное замечание высокого лица способно не только разрушить самооценку ещё живого, но нищего, больного и лишившегося места автора, но и привести к куда более печальным последствиям: «Мелкие и мало

важные сочинения сего писателя, неизвестного даже ученой публике, не только эстетического, но и критического разбора не заслуживают». Ого! Чеканную формулу о стихах Маздорфа стоит повторить и запомнить: «Не заслуживают даже критического разбора». Возможно, в Магницком заговорил ещё менее удачливый коллега, дебютировавший в 1795-м и лавров в качестве стихотворца не снискавший. Утешимся ли тем, что результаты попечительской деятельности Магницкого на университетской ниве чаще прочего квалифицируются как «разгром Казанского университета»? О последовавшем семь лет спустя крахе карьеры чиновного самодура наш герой не узнает, жизни ему осталось лишь полугод.

Стоило Бестужеву-Марлинскому во «Взгляде на старую и новую словесность в России» «с похвалою упомянуть» среди прочих и о Маздорфе, – тут же в письме графа Вяземского возникает карикатурная тень уже год как почившего коллеги, «никогда не перешагнувшего через десять стихов, и то с частыми падениями». «Иные стихи... врезаются в памяти, а я, живой памятник русских писак, не упомяну ни одного стиха Маздорфа...». Стих Маздорфа был цитирован князем за три года до этого – и, кстати, в письме к тому же корреспонденту, жаль, что тот не напомнил: «Мой ангел, как прижмусь я к сердцу твоему!». Попутно «ангел» у Вяземского сменил пол, что вряд ли порадовало бы автора. Простим князя за доброе сердце, по известии о кончине коллеги он оставляет просьбу всё тому же confidentу: «Выдай за меня сто рублей для семейства Маздорфа...»

Используя прозвища князя с адресатом его писем в знаменитом кружке, на последнем заседании коего успел побывать и Пушкин-«Сверчок», закодируем переписку формулой, канонизированной шпионскими романами: «Асмодей» – «Эоловой Арфе». Тем более, название кружка возникает в пожелании, касающемся помощи семье покойного: «...и не худо сделать бы для него Арзамасскую складку и так и отослать *из Арзамаса*».

Если не последние, то одни из самых крупных гвоздей в гроб литературной репутации Маздорфа вогнал по шляпку неистовый Виссарион. Его мнение два десятилетия спустя после смерти нашего героя в итоге затмило мнения высоких чинов и титулованных особ. С лёгкой руки Белинского Маздорф получил окончательную прописку в гетто баснописцев. «Граф Хвостов и Маздорф написали множество басен и с равным успехом». Только учитывая настоящие чувства Белинского к графу Хвостову, в диапазоне от презрения до брезгливости, можно оценить соседство с ним и всю ядовитую иронию, заключённую в слове «успех». Последующее упоминание того, что басни Маздорфа остались лишь в журнальных публикациях, отдельным же сборником он их «не издал», можно

счесть и скрытой похвалой. Видимо, втайне понимал всю слабость и вторичность, вот и не издал.

Увы, и наше обращение к творчеству Маздорфа вызвано тоже, как ни стыдно в этом признаваться, курьезом. То самое стихотворение, которое цитировал в переписке Вяземский, – и Вяземский этого тоже не мог не прочесть, поскольку под стихотворением стоит место его создания, – написано в Ставрополе. Стоит уточнить, не в том Ставрополе, что до сих пор носит это название, но в городе, который сегодня больше него в 1,83 раз по территории и в 1,66 по населению. Ставрополе волжском. Строго говоря, тот Ставрополь, в котором в 1818-м году служил по юридической части поэт Александр Маздорф, после возведения Волжской ГЭС покоится на дне Куйбышевского водохранилища. Но волжскому Ставрополю наследует нынешний Тольятти. 18-й город России по населению и самый крупный среди городов, не являющихся столицами субъектов Федерации. И автором первых стихов, здесь написанных, оказался как раз Александр Маздорф. Так что, вне зависимости от того, насколько он плох или хорош, талантлив или бездарен, он, словно родня, которую не выбирают или дареный конь, которому не смотрят в зубы, сейчас, в эту минуту должен быть извлечён оттуда, где рано или поздно будем мы все. Из небытия.

По совести, для того, чтобы это извлечение состоялось полноценно, не худо б предварительно отправиться... в Екатеринбург. На улицу Малышева, 46, где находится Свердловский Краеведческий Музей. Каким ветром занесло туда архив Маздорфа? Переехала вдова или наследники? Последние документы архива датированы 1828-м годом, после смерти поэта прошло восемь лет. Архив значителен, насчитывает 85 единиц хранения. По упомянутой в перечне трудов уральского краеведа Л.М. Хандросса (1890-1962) статье «Неизданные басни Маздорфа» можно быть уверенным, что будущего исследователя ожидают в числе прочего неопубликованные произведения поэта. Рано или поздно Тольятти наберётся решимости раскошелиться на некоторые расходы, связанные с работой по изучению наследия своего первого писателя. Пока же слова благодарности уходят в Гарвард. Без цифровых копий журналов двухсотлетней давности, подаренных нам Гарвардским университетом, полноценную подборку произведений поэта составить бы не удалось.

Жанровый диапазон произведений Маздорфа оказался шире традиционно упоминаемого, басня преобладает количественно, но считать его исключительно баснописцем несправедливо. Значительную часть наследия занимают афоризмы, эпиграммы, посвящения, шуточные стихотворения, любовная лирика, тексты песен на неизвестные нам мелодии, переводы.

Но и басни Маздорфа не без сюрпризов. Вот один, вызвавший изумление:

басня «Бекас, Снегирь и Ворон» заключается моралью – парфразом известного «хорошо там, где нас нет». Позвольте, чуть ли не в каждом справочнике авторство крылатого выражения закреплено за Грибоедовым?! Но даже замысел «Горя от ума» появился у Грибоедова в 1820-м году (по наиболее смелым версиям – не позже 1816-го), а «Бекас, Снегирь и Ворон» опубликован уже в 1815-м. Приоритет Маздорфа неоспорим. Выходит, что Чацкий на вопрос Софьи: «Где ж хорошо?» – отвечает цитатой. Действие комедии, напоминая, происходит в 1822-м, так что у цитаты Чацкого семилетняя свежесть.

Почему «крокодиловы слёзы» были учтены, а это прошло мимо внимания? Первая идиома отражена непосредственно в заглавии. Её обнаруживает простая роспись содержания журнала. Чтобы ухватить вторую, необходимо читать весь текст и добраться до последней строки.

Да кто же будет вчитываться? Предрассудок о существовании некоей мистически непреодолимой пропасти между творениями Великих Писателей и прочей *писаниной*, кажется, неистребим. Но иногда читательское любопытство доходит не только до тех, кто уверен в собственном величии и способен убедить в этом величии окружающих. Но и до тех, кто обуреваем сомнениями, ни в чем не уверен и движется наощупь. Подобных герою единственного прозаического текста, опубликованного Маздорфом под красноречивым заголовком – «Искатель Истины».

«Наслышавшись очень много хорошего об истине, я решился искать ее. Ни приятельские уверения, ни тайный какой-то голос, что истину трудно найти, не могли поколебать моего намерения, и вот я уже в дороге!» – пока перо искателя истины опускается в чернильницу и на бумаге сохнут чернила, мы сделаем набросок дороги. Той ее части, на которой ещё не стерлись следы. Географические координаты ведут в город, 22-й в Российской Федерации по количеству горожан. В момент, когда перо из чернильницы возвращается на бумажный лист, горожан в нём меньше четырнадцати тысяч, меньше сорока лет до того он стал центром сначала наместничества, потом губернии. Это Симбирск, столетие без малого носящий другое имя в честь своего самого знаменитого уроженца.

«Будучи молод, неопытен, я воображал себе, что во всяком человеке найду точно такую же откровенность, какая была во мне; но как жестоко я ошибся!».

О возрасте пишущего мы можем лишь догадываться. Благодаря появившимся через два года некрологам, в них его назовут тридцатилетним. Он хорошо владеет французским и немецким языками. В круг его чтения входят Геллерт, Флориан, Лафонтен, Лессинг, Ларошфуко, Лабрюйер...

«Начало путешествия моего было весьма затруднительно».

Литературный дебют, если в некрологах с возрастом не напутали, в девятнадцать лет. Пушкин дебютирует через пять лет под той же обложкой «Вестника Европы». Значительнейший на тот момент российский журнал был основан Карамзиным. Карамзин родился тут же, под Симбирском, в самом Симбирске учился почти до 12-ти лет в частном пансионе. Нашего искателя истины будут печатать уже другие редакторы – Жуковский, Измайлов, Каченовский. Особо доверительные отношения будут связывать Маздорфа с двумя последними. Именно Измайлов будет зачитывать Маздорфа на заседаниях Вольного общества любителей словесности и т.п., по его же протекции состоится упомянутый в начале статьи приём члены общества. Печатать Маздорфа он будет и сменив кресло редактора, в журнале «Благонамеренный», а также примет участие в попытках решения материальных проблем – сначала Маздорфа, а потом его семьи. Такие попытки сделает и Каченовский. «Не хотите ли выписать к себе из Симбирска Александра Карловича Маздорфа? Он человек умной, хорошо пишет, и от нужды готов идти в службу» – будет обращаться он, – увы, тщетно, – к облечённому властью знакомцу. «Вы бы сделали прекрасное дело, если б помогли ему. ... Адресуйтесь к нему, если не с приглашением служить, по крайней с человеколюбивою помощью. Я уже переслал к нему рублей с 150 от себя и братии. Пожертвуйте и вы, почтеннейший, добрый» имярек – вот как надо уговаривать совершать добрые дела.

«Долго блуждал я по разными глухим дорогам, и вместо того, чтобы идти путем, ведущим к истине, я более и более от нее отдалялся...».

На следующий год после литературного дебюта искатель истины устраивается на службу частным приставом при конторе симбирского полицмейстера. В чине титулярного советника, – в армии это соответствовало бы капитану, – что косвенным образом свидетельствует о высшем образовании. Косвенное свидетельство о месте получения оно: рукописный журнал студентов казанского университета «Смесь» (1812, ч.1), в который включены стихи Маздорфа.

В литературных занятиях в Симбирске Александр Маздорф не оказался в одиночестве. С 1816-го года компанию ему мог составить ещё один чиновник, с 20-го года занявший должность советника Симбирской Уголовной палаты – Иван Фёдорович Гудим-Левкович. Был и ещё один коллега, о котором, увы, мы можем судить лишь по маздорфовской лирической эпитафии «На смерть друга» («Сокрылся ты, Поэт мой милый...»). Возможно, это он единоразово опубликовался в том же «Вестнике Европы» под акронимом И.

Особо стоит отметить Анну Андреевну Наумову. Рано осиротев, Наумова воспитывалась у родственников в Симбирске. Маздорф был ненамного, года на три, младше поэтессы. Между ними завязывается роман в стихах, не прекратившийся с отъездом Наумовой сначала в Казань, потом в имение Наумовка.

«Счастлив укрывшийся от злобы и сует Под кровлей сельскою, в тиши уединенья Кто дни в полях своих с беспечною ведет И в дружбе милых Муз находит наслажденья» – отрягается в Наумовку из Симбирска. Маздорфу оставалось жизни не более года, когда типография Московского университета печатывает сборник Наумовой «Уединённая муза Закамских берегов». Часть стихов на страницах которого принадлежит Маздорфу, и, кстати, по имени он ни разу не назван. Стихи коллеги сопровождаются развернутыми стихотворными же наумовскими ответами-комментариями. Поэтические дуэли с симбирским коллегой составили значительную часть книги. Наумова комментирует даже стихи Маздорфа, обращенные к другим дамам: «Певец уединенный! лиру На днях настроивши свою Воспел какую-то Эльвиру И душу тронул ты мою!». Увы, львиная доля известности сборника связана с пушкинским экспромтом, зло обыгравшим его заглавие:

Уединенна муза
Закамских берегов,
С умом ищи союза
И не пиши стихов!

На деле автор злоехидно-сексистских вирш бухгалтер Казанского университета князь Андрей Гундоров, чье бывшее имение под Самарой введет впоследствии в историю литературы писатель Гарин-Михайловский. Но в общественном сознании автор всех нашумевших стихотворных экспромтов может быть только один, вот и бытует по сию пору легенда о молниеносной стихотворной реакции на преподнесенные стихи побывавшего в Казани национального гения.

Увы, не только в памяти потомков, но и «под кровлей сельскою» поэтессе суждены были несчастья, она неудачно упала с коня и изуродовала внешность, лишившись одного глаза. Там, в Наумовке, и доживала почти до восьмидесяти лет старой девой.

Чуть раньше несчастья обрушились и на Маздорфа. «В Августе месяце минувшего года занемог я жестокою простудною горячкою, и по сие время страдаю разными болезненными припадками. Я не имею никакого состояния, следовательно и ни копейки дохода; продолжительная болезнь лишила меня и единственного средства к содержанию себя с семейством моим; я принужден был оставить мою должность, будучи не в силах отправлять оную. Казалось бы, что положение мое самое бедственное, жалкое...» – читаем мы в письме поэта от 11 марта 1818 года. Здесь же он благодарит симбирское «почтенное, великодушное дворянство» за «облегчение судьбы» и персонально Тимофея Крестья-

новича (Христиановича?) Шредера, ухаживавшего за поэтом во время болезни. Очевидно, великодушие оказалось не безграничным. Место службы за время болезни потеряно. В поисках заработка Маздорф вынужден выехать по юридической части в уездный Ставрополь. Основанию своей литературы город обязан несчастьем основателя. Так появились два лирических стихотворения, в нём написанные. Разлука – главная тема того и другого.

Самые горестные годы поэта – они же годы его наивысшей публикационной активности. Что это было? Оставление литературного завещания, попытка противостоять неизбежно приближающейся смерти хотя бы таким образом?

Последняя публикация Маздорфа сопровождалась письмом из Симбирска, написанным 15 января 1820 года Иваном Васильевичем Яшеровым: «На сих днях скончался в Симбирске, после тягостной и продолжительной болезни, Александр Карлович Маздорф, стихотворец...

Жена его, с трехлетнею дочерью, остались в крайней бедности, не имея никаких средств к содержанию и пропитанию себя, кроме упования на Бога и надежды на тех, которые его помнят».

Коллежский асессор Яшеров, дедушка композитора Балакирева, основателя и главы «Могучей кучки», продолжает письмо и мы ощущаем комок в его горле: «...известно, в какой горестной участи он провел последние годы своей жизни; но я, будучи очевидным свидетелем его страданий душевных и телесных, и видев его за несколько дней до кончины, я не нахожу слов к изъяснению вам горестного чувства, наполнявшего всякий раз душу мою при виде семейства его, давно лишенного поддержки и утешения».

«...я почувствовал усталость и жажду. Осматриваюсь во все стороны, не найду ли какого ручейка, чтоб утолить жажду свежей, холодной водою, и примечаю вдали колодезь; радость моя была неописанна! Я бегу, лечу к нему... Но кто изобразит мое удивление! Вместо ожидаемой, обрадовавшей меня воды, колодезь наполнен книгами!

Как ни велика была досада моя, но уступила любопытству! Я начал перебирать, пересматривать книги, и нашел много *мистических, нравоучительных, философических*, и проч. и проч. В это время, как я перечитывал заглавия некоторых, глубокий вздох поразил меня! Я прислушиваюсь... опять вздох; усугубляю внимание... доискиваюсь... и наконец ясно слышу, что кто-то вздыхает под громадою толстых книг разных форматов. – «Кто тут? какой несчастный?» спросил я. – Истина! – отвечал мне со дна колодезя тонкий; едва слышимый голос. Я остолбенел от удивления и, может быть, не скоро бы опамятовался, если бы не услышал слов: – Кто бы ты ни был? прибегаю к твоему добросердечию: избавь

МИР – ОТЕЧЕСТВО

меня из несносного заточенья! – «Избавлю, избавлю непременно!» произнес я громким голосом: «надейся на меня, я друг твой!... Я давно ищу тебя!»

И с сими словами начал выбирать и выбрасывать из колодезя книги; но увы! все усилия, все труды мои были бесполезны! Один я не мог очистить колодезя, не мог дать свободного выхода бедной, заключенной истине».

Александр Маздорф

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Постоянство есть более доказательство справедливого ума и твердого характера, нежели добродетель.

Несносно слушать, когда рассуждают о дарованиях люди, неспособные даже растолковать, в чем состоит дарование.

Прослыть в свете человеком рассудительным очень легко. Довольно и того, если не станешь бросать за окошко свои деньги, или не будешь разбивать себе голову об стену.

Почтение не всегда производит дружбу, но дружба не может существовать без почтения: вот одно из многих главных ее преимуществ пред любовью.

Оскорбление, причиненное большим барином, который только что *большой барин*, можно иногда перенести или презреть.

Ложно заключают, будто богачи потому редко делают благодеяния, что удобность к сему отнимает желание; вероятнее полагать причину ту, что по упрямству счастья вовсе нет богачей великодушных, или очень мало великодушных, которые богаты.

Дурак только может скучать *всегда* или не скучать *никогда*. Тот, который хочет уверить, что он вовсе не знает скуки, или дурак, или лжец.

В споре всегда выиграешь хладнокровием.

Большие общества для меня лучше малых (я не разумею здесь людей избранных); ибо в первых хотя и более дураков, но зато более для них занятий, а потому они не так приметны, и, следовательно, недокучливы.

Тот не имеет совершенного понятия о безобразии старости, кто не был тайным свидетелем утреннего туалета старой кокетки.

Не нужен большой ум для замечания погрешностей в каком-либо сочинении; но надо иметь много ума, чтобы чувствовать и понимать все красоты хорошего стихотворения.

Многие укоряют писателей, что они очень строго судят людей и без всякого снисхождения пишут насчет их пороков. Чьи же пороки прикажут осмеивать? чего ж исправлять? Неужели – рыб?

Смерть злых людей подобна дурной комедии, в которой самое лучшее есть конец действия, после коего опускается занавес.

Что такое привязывает к жизни? Воспоминание ли прошедшего, всегда с сожалением сопряженное? Настоящее ли наслаждение, которое часто есть не что иное, как отравы? или ожидание будущего? Ах, последнее бывает более ее страхом, нежели надеждой!

Любовь подобна жизни: в начале своем имеет более удовольствий, нежели впоследствии.

Не должно относить некоторые успехи к уму. Эльмина управляешь Эрастом потому, что она посредственного ума: если б была умнее, то, верно, постыдилась бы управлять дураком.

Наслаждаться богатством и почестями без гордости, переносить бедность и разные огорчения без ропота, – есть совершенство философии.

Три рода неблагодарности: не чувствовать благодеяния, забыть его, и думать, что за него заплатил. Последний из них самый непростительный!

Посредственные умы должны во всем придерживаться правил, правила для них и сделаны.

БАСНИ И ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

СВЕРЧОКИ МУХА

В избушке дымной
Сверчок, крикун старинный,
За печкой спрятавшись, что мочи есть кричал.
В избушку Муха прилетела,
К Сверчку подсела,
И говорит ему: «Приятель, ты устал!
Поешь и ночь, и день... а чей ты слух пленяешь?
Крестьянский грубый слух!
Ах, милый друг!
Ты, можешь быть, еще домов больших не знаешь...
И как тебе за печкой здесь их знать?
Там люди с просвещеньем...
Умеют цену дать,
И с должным награжденьем!
А что заслужишь здесь? Поверь мне, ничего!
И петь-то для кого?
Переселись туда, послушайся совета,
И будешь удивленьем света!»
«Спасибо – ей в ответ Сверчок:
– За похвалы такие!
Но не пойду в дома большие!
Здесь, зная свой шесток,
Кричу и тешусь я без опасенья.
На что мне похвалы, на что мне награжденья?
Кричу не для других, а для себя.
В домах же тех, о коих ты мне говорила,
И столько расхвалила,
Вряд с честью примут ли меня.
Я слышал некогда в простом народе,
Что у бояр сверчки не в моде!
И там не только нас, и вас гоняют, Мух!...
Прости, мой друг!
Лети... ищи забав у просвещенья!
Тебе и похвалы, тебе и награжденья!»

Симбирск

**ПРАВИЛА СУПРУЖЕСТВА
ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНАТОГО
(отрывок)**

В 10 № Сына Отечества напечатан отрывок из Мольеровой комедии: L'école Des Femmes, под названием Правила супружества, или обязанности замужней женщины. Прочтя оный, я вознамерился заступиться за милых, и без того часто обижаемых! – Знаю, тысячи стрел полетят на дерзкого от мужей деспотов ... так и быть! стерплю и – чего не стерпишь для прекрасного пола? М.

Мужья! Не стыдно ли жен вечно обижать,
И – как вести себя – им правила писать?
Еще бы прозою... но, Боже мой! стихами! –
Причиной вы всему; переменитесь сами,
И будьте добрыми мужьями.

Правило 1 е

Заметьте: надобно жену всегда щадить.
Не должен муж никак и в шутках говорить,
Что властелин жены... Нет, это оскорбленье!
Он нежный друг ея, подпора, утешенье.

Правило 2 е

Жене – как женщине – легко ревнивой быть!
Ревнивость многих бед виною!
А в сердце искорку недолго заронить.
То мужу следует – чтоб гибель отвратить,
Довольну быть... одною.

Правило 3 е

Когда ж кто чувствует, что он душою слаб,
Что, встретя милую, не может не прельститься,
Что он страстей своих всегдашний, низкий раб;
Тому уж лучше... не женишься.

Правило 4 е

Муж умный никогда не должен забывать,
Что тех гостей, кого он принимает,
С женою надо избирать;
В противном случае нередко муж страдает:
Тогда придется как друзей
Приветствовать мужчин гостей жены своей,
А гости женины – увы! чем боле милы,
Тем мужу более опасны и постылы!

Правило 5 е

В нетрезвом образе не должен муж никак
Жене своей казаться!
Хоть выпить не беда – оно конечно так –
Но если кто не сможет воздержаться...
Легко рассудок потерять;
Тогда дурная шутка!
Какой пример жене? и как ей уважать
Супруга – без рассудка?

Правило 6 е

Чтоб истинно жену привлечь к себе душою,
Как язвы – моды убежать!
А станешь модно жить с женою...
Души ея не удержать.

Правило 7 е

Собранья шумные, театры, маскарады...
Нельзя оставить навсегда!
Особенно ж когда супруга молода,
Не должно делать ей в веселостях преграды!
Но надо лаской приучить,
Чтоб дома было ей приятней, чем в собраниях,
Чтоб не могла о них тужить
При мужниных лобзаньях.

Правило 8 е

Тогда, как муж один с женой –
Ему быть скучным не годиться!
Хоть горе на сердце... но, так и быть, скрепиться
И вид казать, что с ней ему весна... зимой!

Правило 9 е

Когда жена охотница до чтения,
Тем лучше! самому лишь книги выбирать!
Но, чтоб охоту не прогнать,
То, Боже упаси! давать
Своей сочиненья!

ПТИЦЕЛОВ И ЧИЖ

Какой-то Птицелов за Чижиком гонялся;
Но Чиж в силки никак не попадался!
Лишь Птицелов к нему,
А он, назло ему,
На деревцо другое
Перепорхнет,
И запоеет:
«Свобода дело золотое!»
Мой Птичник борется с трудом;
Но что упрямый затевает,
Никак того не оставляет,
Хоть часто кончится вредом.
«Постой же» Птичник размышляет:
«Ты прыток, только для других,
А я Чижей ловил и не таких!
И, ежели не поленюся,
То без тебя, любезный друг,
Домой не возвращуся!»
И сам тихохонько, нагнувшись, сперши дух
На дерево к Чижу; но рано похвалился!
Взор кверху устремя, к несчастью, остутился,
И – бедный Птицелов
Бултыхнулся в глубокий ров. –
Симбирск

СНЕГИРЬ И ВОРОНА

В конце осенних дней на ивовом кусточке
Снегирь сидел
И пел
(Тоскуя, зная, по миленьком дружочке).
Случись Вороне тут же быть:
Ну как Вороне пропустить,
Не похулить?
«Снегирь!» певцу она сказала:
«Ты мне и жалок и смешон!
Туда же тянешься... Я, право, не слыхала,
Чтоб кто-нибудь хвалил твой вялый в песнях тон:
Ведь ты не соловей! Иль думаешь так много
О голосе своем?
Напрасно, мой дружок! Здесь, верь мне, судят строго –
И ты останешься, осмеян, со стыдом!» –
«Что ж делать! – так Снегирь Вороне отвечает:
Пускай меня кто хочет осуждает,
Но буду петь – не постыжусь;
Я пересудов не страшусь».
Теперь же Соловей уж песней не пленяет:
Он смолк до красных дней.
И может быть, что в это время года,
Когда уныло всё, когда мертва Природа,
Иной утешится и песенкой моей.

Симбирск

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕЕ УВИЖУ Я

Ее увижу я по долгом разлученьи,
О Боги! Верить ли мне счастью моему?
Я в нетерпении... Вся мысль моя в волненьи,
Мой ангел! как прижмусь я к сердцу твоему!

Ее увижу я! О други, не ропщите,
Что с хладнокровием я оставляю вас;
Когда вы любите, то, верно, мне простите, –
Разлука тягостна, но мил свиданья час!

Ее увижу я! Пусть света утешенья,
О Крезы, навсегда останутся при вас,
Что ваше золото? и в нем ли наслажденья?
Нет, нет, они в любви, они в самих лишь нас!

Ее увижу я! Цари, располагайте
Судьбою подданных по прихоти своей,
Венки победные в мечтах себе сплетайте,
Для сердца нежного веноч любви милей!

Её увижу я! Но, время! что ж ты стало,
Что медлишь, не летишь по-прежнему стрелой?
Ах, скоро ль буду с ней? Уж сердце ждать устало,
Но... Боги! ... веришь ли? ... Мой ангел, я с тобой!

Ставрополь

К КАТЕ

В ставни дождь сечет, и ветер –
Слышишь – в рощице шумит;
Катя, друг мой! бурный вечер
Нас с тобой не устрасит.
Что мне буря? Пусть ненастье
Как и все, идет чредой;
Ты со мною, жизни счастье,

Радость сердца, мой покой!
Ты со мной! ... и не скучаю;
Пусть Природы мрачен вид:
Если взгляд твой повстречаю,
Он мне солнце заменит.
А когда в мечте счастливой
Я склонюсь на грудь твою,
И рукой своей стыдливой
Ты тихонько жмешь мою,
И в глазах твоих блистает
Непорочная любовь,
И по жилам пробегает
Тайный огонь, палящий кровь,
И краснея, прижимаешь
Ты уста свои к моим,
И лаская, уверяешь,
Сколько я тобой любим:
Ах! тогда ли мне страшиться
Скуки бурных, мрачных дней?
Пусть печальна осень длится –
Красны дни в душе моей.

ПЕСНЯ

Ноченька мрачная! что ты так длишься?
Свет-то денечек, скорей прогляни!
Друг мой любезный! когда возвратишься,
Когда я увижу красные дни?

В горькой разлуке и в думе печальной
Выдрогло сердце, грудь ноет, болит;
Пенье подружек как хор погребальный
Наводит унынье, душу разит.

Игрища, пляски – ах! все мне постыло!
Все мне несносно без друга души!
Свет для несчастных стал как могила!
От всех бы я скрылась в дикой глуши!

МИР – ОТЕЧЕСТВО

День ли проглянет – и роща, долина
Так же прелестны с прежней красой;
Если ж на сердце злая кручина,
Тогда их с холодной видим душой.

Друг мой бесценный! когда возвратишься?
Долго ль страдалице бедной грустить?
Видно в разлуке, как я, не томишься...
Розно со мною не мог бы ты жить!

Все бы покинул и быстрой стрелой
Радость принес бы милой своей;
Зачем не с такой, как я, ты душою?
Тогда б не страдать мне в жизни моей!

Симбирск

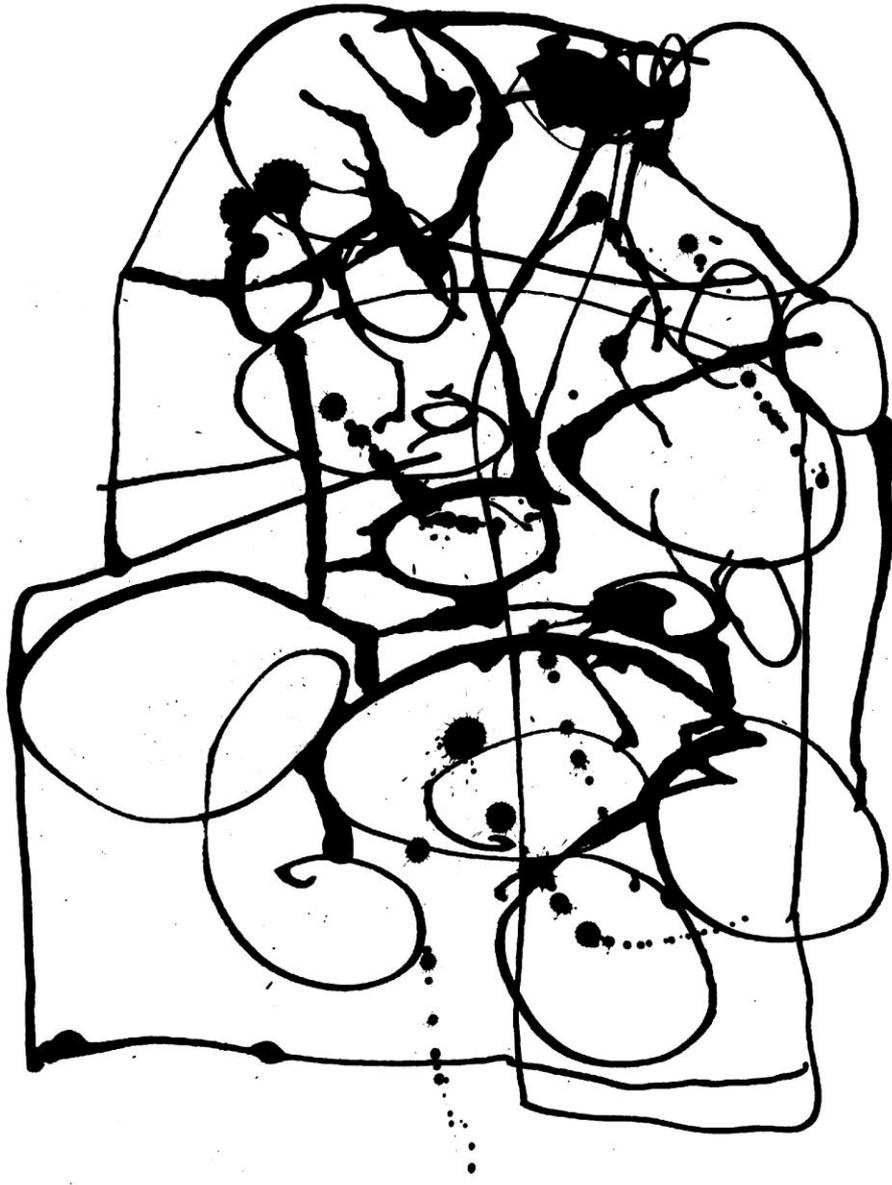
ГОЛОС ТОСКУЮЩЕГО СЕРДЦА

Воспоминание минувших дней счастливых,
О, сколь ты сладостно для сердца моего!
Где счастье прежнее? Увы! в мечтах, мне милых,
Одну лишь вижу тень его!

С тех самых пор, как я с любезной в разлученье,
Злой яд в груди моей, страдаю, слезы лью,
Но в самой горести, в убийственном мученьи
Как я о ней мечтать люблю!

От времени не жду страданьям утоленья;
Нет, нет, ничто любви не в силах истребить!
В одних мечтах ищу отрады, утешенья
И мучась, буду ввек любить!

Ставрополь.

Алексей Александров. Труба зимы: Free poetry, 2016. 24 с.

Стихи Роршаха. Вот как я бы определил для себя этот тоненький, но такой насыщенный сборник. Пытливо вглядывается в мое смятение внутренний психиатр. Куда я бреду очарованной душой? Чего ищу в скомканном, как бумажный лист, мире? Какие тени живут в растревоженном сне разума? Поневоле ищу знакомые детали. То прозвучит отголосок Мандельштама в "мясе, изумрудном, как в сумерках вино", то аукнется "Евгений Онегин" с наивной цитатой из "вечного" девичьего альбома, то мелькнет кусочек Зазеркалья с мартовским зайцем.

Причем я не дам голову на отсечение, ручаясь за точность аллюзий: ибо автор не так прост, чтобы играть с читателем в поддавки столь откровенно.

И если вдруг попадется вполне прозрачная, пусть и фантазмагоричная картинка про таблетки и двойников, поневоле одернешь себя: это для цвето-коррекции, чтоб взгляд не замылился.

И снова снежные пчелы, черновые юрты и город, выгрызенный червем из цельного гранита. И хотя автор уверяет нас, что игра давно идет в одни ворота – где эти ворота, кто бы подсказал? Роятся горячие сугробы, фальшивые комнаты и неуместные часы... О дайте, дайте читателю опору!

А будет ли это труба зимы или столб осени – да хоть бы и молоток лета – хоть какой-то ориентир на просторах бескрайней поэзии.

*Потому что нельзя просто / Взять и выйти, / Обязательно надо при-
твориться / Ангелом на станции Кропоткинской.*

Андрей Князев (Культурмахер урожденный). Мини. Художественные тексты. Центральный район. Самоиздательство.

Новая самиздатовская книга тольяттинского литератора-авангардиста Андрея Князева невелика по объему – 32 страницы – но до предела насыщена слоями, смыслами и дискурсами, равно как и иллюстрациями. Временами возникает ощущение, что автор всерьез ужимает тексты, что бы хватило места для картинки. И правильно: иная картинка заменит добрую балладу. Поэтому баллад в сборнике нет. А есть хокку, танка, одностишия, двустышия и несколько восьмистиший. Единственная попытка баллады закончилась на первой же строке: "*Сведь царевну в глушь лесную и т.д. и т.п.*"

Широта художественного кругозора Князева-поэта неопишима: от Апулея до Веллера по литературной вертикали, от блондинки в борще до BDCM.ru

КНИГА ЗА КНИГОЙ

по утробной горизонтали. С экскурсами в филологию (*Велик и чингачгуч / могогиканский язык*) и точные науки (*Не ванна мала – / Математик крупный пошел. / Плюх. Бултых. Нашел!*). Но глубину этих литературных омутов хорошо иллюстрирует хокку «Осада Порт-Артура», где на три строки классического размера 5-7-5 приходится три биографических статьи с фото протагонистов.

И трудно завершить рецензию убедительней, чем завершает свою книгу автор:

А вам советую – бросайте водку кушать – / Читайте, люди, Князева Андриюшу!

Владимир Мисюк. Седьмая лодка. Тольятти, Литературное агентство Смирнова. 2012 г. 96 стр.

Лодка эта не для чинного катания в деревенском пруду.

Она рассохлась от времени, а местами проломана и прогнила. Сидящему в ней невесело – да что там! – просто плохо. И он знает, отчего:

*Умер Тряпкин. И Решетов умер.
Удавился пацан по фамилии Рыжий.
Кушнер – star. Кублановский в Париже.
Актуальной поэзии жижа
Наползает во всю ширину.*

Постойте, я ведь читал уже это. Намного раньше. В другой книге: "Вот и все – смежили очи гении... нету их и все разрешено". Это едва ли не последний виток унылой спирали нисхождения, когда уже кажется бессмысленной любая попытка обернуться к Мастерам, опереться на их Слово посреди жизни, не радующей надеждами.

*Зачем я все это читаю?
Понятно, зачем... Но зачем!?*

Не плывет никуда лодка. Затянуло зыбучими песками, осенней жижей. Не спасает извечное "Талант – везде талант" в мире, где словно в подворотне или ментовке "осенний ветер каждого обыщет". Ну, куда ты от всего этого уплывешь?!

КНИГА ЗА КНИГОЙ

*И сакс еще надрывней заклокочет,
И прямо в небо музыку вонзит.
А я пойду, стараясь что есть мочи
Не утонуть в слезах, словах, грязи.*

Поэт – всегда неприкаянный жилец, но безнадежней любых коммуналок
бесприютность сердца:

*Снимаю угол у собственной души.
...А вдруг я постояльцем останусь навсегда?*

Конечно, мир не особенно щедр на снисхождение, но владелец 7-й лодки
не шадит и себя:

*Не заметил, играя словами,
Как на медь разменял серебро.
И в душе, как в заброшенном храме,
Голубиный помет и перо.*

Вторая часть книги – "После любви" – еще один прощальный взгляд, по-
пытка разглядеть что-то важное на давно оставленном берегу. Но надежды нет
и там.

*Луч солнца продается с молотка,
но мы с тобой бедны.*

Третья часть книги – СБРОД.
Лучше, чем сам автор, о ней не скажешь:

*так откуда же скверна такая
на душе моей и языке?*

Вот, казалось бы, и все об этом человеке, как говаривала сладкоголосая
Шехерезада. Но хорошего поэта непросто загнать под пыльный коврик, тем бо-
лее на свалку, особенно когда он, нет-нет, да почувствует в руках весло, перо,
талант:

*Отчалить! Отчалить! Отчалить!
Сорваться со всех якорей,*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

*пока не раздавлен печалью, –
скорее, скорее, скорей!*

....

*ОТЧАЛИТЬ! ОТЧАЛИТЬ! ОТЧАЛИТЬ!
Всему, что ни есть, вопреки!*

Отчалит, даст Бог.
И глядишь, этой лодке и гребцу ее еще выпадет доброе плавание.

С каждым разом все больше я верю / в неслучайность души и строки.

Сергей Пиденко

Лундберг К. Ярден. Повествование. /пер. Д. Воробьева. Чебоксары. 2016г.

Российскому читателю слово «Ярден» не говорит ничего – как и само имя автора этой книги. Кристиан Лундберг рассказывает как полтора года работал разнорабочим на автомобильном причале на юге Швеции. Это очень простая история. Человек буквально из ниоткуда, ставший публикуемым автором – жуткую историю своего нищего полубезумного детства и нищей полукриминальной юности он подробно рассказывает между делом – вынужден взяться за любую доступную работу. Доступную человеку без формального образования, без профессии, и без трудового стажа, такому, о ком легко сказать «он никто». Он работает вместе с такими же как он – с мигрантами. Им достаются самые тяжёлые и опасные работы, Книга Лундберга – это что-то вроде путешествия за пределы классовых и социальных различий, туда где они предельно обнажены т. е. вниз. Туда, откуда лучше всего рассматривать внутренние опоры современной экономики. И спрашивать (себя? автора? читателя?) что такое благополучие? Работа? Жизнь вообще? Зачем они? Что такое доброта?

«Ярден» – это книга про падение. Но оно же может стать освобождением. «Падением» назовём его движение на дно – социальное, культурное, экономическое, в общем, неудержимую перспективу оказаться среди тех кто ниже любых социальных лифтов. Различия между людьми там, в самом низу, невероятно велики – тот имеет вид на жительство (хотя просроченный), а этот живёт и работает непрерывно прячась, у этого ребёнок а тот совсем один, значит имеет шанс не-ниществовать. Каждая статья расходов мучительна, мелочи тре-

буют постоянного контроля, поэтому тоже мучительны. «Быть бедным дорого. Например, мне не хватает денег на месячный проездной, и я вынужден покупать разовые билеты». Ситуация Лундберга двойственна. Он такой же подёнщик как все тут, он мёрзнет на голой пристани и так далее, но он швед, у него есть гражданство, ещё – квартира, и у него есть основания надеяться когда-нибудь «всплыть». «Утверждать, что я всё потерял – это просто бесстыдство», говорит он. Как это, на самом деле потерять всё?

Достичь самого низа в таком падении очень трудно. Кто дошёл даже как будто до крайней нищеты, при встрече с человеком настоящего дна найдёт для того в кармане несколько крон. У кого есть работа, и эти хоть несколько крон, те отделены некой стеклянной стеной от тех у кого её не совсем – и не будет, и поэтому не будет уже ничего. Непрерывно передвигаясь, эта стена ужаса постоянно толкает в пекло самой тяжёлой работы, дающей только не умереть с голоду. Счастлив тот кому удастся что-то скопить, не заболев, как будто переход от нескольких лишних крон к ступеньке вверх реален. Лундберг дотошно убеждается в его нереальности, но у него всё-таки есть надежда, и от неё не избавиться. Всё же он пишет, и писал всю жизнь; те кто вокруг – нет. Для него Ярден вынужденное приключение, для них лучшее из (немногого) возможного. А кроме того, у него есть и другое: в окружении тех кто в тяжёлом труде пытается упереться он ищет как бы опрокинутый рай, какую-то странную соборность (этого слова нет в его книге, но как раз русский читатель может его добавить): общее трудовое забытьё, все вместе, все хотят одного и того же, ни на секунду ни отказываясь от себя. Помогать другому потому что так помогаешь себе. Словами это не объяснить. Он находит эту свободу. Работа всегда могла стать дорогой к свободе (в отличие от убивающего труда), и на Ярдене он приближается к ней. Незаметно приближается. «Тогда я понял, что подёнщики всё время защищают друг друга. Подвозят, делятся, одалживают, устраивают, достают. Я стал таким же со временем. Это свидетельства солидарности, существующей не только на словах». Однажды утром ему звонят и говорят чтобы он больше не приходил на Ярден. Тут и повествованию конец, но ведь для кого-то из них это избавление от изматывающей работы могло бы означать смерть. Где эта граница между «почти ничем» и «ничем»? На ней происходит всё самое важное в жизни подёнщика.

Михаил Немцев

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Анатолий Рясов. «Сырое слово». Тираж 500 экз. Отпечатано в ООО "Издательство МБА". Москва, 2015 г.

Анатолий Рясов – известный в Москве и за ее пределами поэт, экспериментатор, перфомансер, режиссер, исследователь Арто и т.д. В данной книге под одной обложкой объединены прозаические и поэтические «опыты» Анатолия Рясова. Название «Сырое слово» идеальным образом отражает содержание данного произведения.

Текст разбит на две части – прозаическое «Письмо языку» и поэтическую «Игошу».

Автор экспериментирует с русским языком (фонетика, синтаксис, грамматика, этимология) на протяжении всего «Письма языку». Это касается и стилистики текста, и слов, и их значений. Порой Анатолия Рясова заносит в чистую петрушевщину. Некоторые части произведения являются настоящим бунтом против обыденного смысла вещей и понятий.

Нет, хватит эзотерики, смысл – это бессмыслица, которую по ошибке (а может и злонамеренно, как знать) приняли за смысл.

Дмитрий Перегудов

Сергей Щелоков. Вброд. Москва. «Книжное обозрение». 2016. 364 с.

И все-таки книга. Не итоговая, не последняя (будем надеяться). Книга стихов за 25 лет работы в литературе. Работа – слово, способное покори́ть вкус любого эстета от литературы, но все же признаем – творчество Сергея Щелокова, конечно же, работа, вовсе не незамеченная. Работа или жизнь в слове – это кому как больше нравится! Главное – поэт, чьи стихи отмечали некоторые знатоки в очень молодом возрасте, обретает книгу как предварительный итог. Конечно, итог далеко не окончательный, но удивительный самим фактом своего появления.

Выстроены стихи не по хронологии, не по годам! Циклы книги воспроизводят живое движение автора по тропе жизни, тропе, на которой встречаются горы, степи, лес, реки, которые (это понятно) – нужно переходить вброд! Что тут еще скажешь, кроме того что – радость большая – вышла книга у хорошего поэта, чья жизнь-творчество последние пять лет пролегают через городок – нет, не Самару, а Гольятти!!

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Приятно, черт побери, листать этот фолиант почти четырехсот страниц, читать иногда, что-то пропускать – неважно!! Важно, что есть поэт, который вовсе не избирает пути, а идет уверенно, лишь изредка иронично подмигивая Музе. В общем, ничего и не прибавишь – хорошая книга волжского поэта Сергея Щелокова. Чистая радость читателя! Радость нас всех!!

Кто выстроит нетленный замок плена/в стогу, в куске соломы и сосны?

Канат Омар. Нембо. Алматы. 70 с. Редактор Павел Банников

Если поэт есть, то неважно – скоро или поздно выходит книга ранних стихов! Этого не избежит никто!! Канат Омар известен читателю уже давно. На этот раз – перед нами книга ранних текстов астанинского поэта, доказавшего силу своего слова уже многожды!

Доказавшего, да не все – говорят издатели этой книги!! Пусть еще раз, да, еще раз докажет!! Ну, что ж, автор это делает, и не без блеска. Порой улавливается в «Нембо» и приметы самого времени, и общий интеллектуальный и образный контекст тех удивительных – 90-х годов. Лично я ощущаю, что в этих текстах Канат Омар оказывается близок к творчеству Юрия Милоравы и Михаила Еремина.

Все, что придет потом в позднем творчестве – тут уже есть, но как бы нечетко прорисовано. Звук, синтаксис, поэтика внутреннего пространства, эксперимент. Книга «Нембо» все-таки очень цельная, в ней видны лейтмотивы и повторяющиеся образы, она выстроена, она задумана!! Что-то очень важное для поэта проступает здесь, в этом странной книге. Надо подумать – что!? Надо перечитать!

Чуть дышит та чье личико неслышным поцелуем

Леонид Манякин. Заштопанный мир. Астана. 2015 г. 426 с.

Книга Леонида Манякина – а книгой ее делает единство временного отрезка написания – о том, как можно жить реальными воспоминаниями. Что такое идеальное воспоминание, что такое утраченный рай детства – это не к автору – это к Набокову с дачей в Выре или Искандеру, воспевшему чегемское детство, но все же книга «Заштопанный мир» – о живой памяти, о боли, о жизни без опор, без основ. Это мир, подражающий экзистенциализму не менее, чем

КНИГА ЗА КНИГОЙ

сам он подражал страху не быть. Странно и удивительно, что в этом раскаленном, выжженном солнцем месте-мире есть место литературе.

Не будем придирааться к ошибкам – синтаксическим, грамматическим, каким угодно – утраченный рай дурно пахнет, пощады никому не будет – намекает писатель, явно отдавая предпочтение прекрасному прошлому перед надвигающимся на нас ужасающим будущим!

Город Целиноград во всем блеске мифов и тайн предстает читателю. Многие из рассказов автора воспроизводят конкретные дома, парки и улицы теперешней Астаны. Видно, как Леонид Манякин страстно любит свой город, любит и знает его. Этим и живет. Это и описывает. И это у него получается интересно.

Это был теперь проспект, но в памяти у него и у его одноклассников, которые и вовсе были простые пацаны с улицы Катченко, она так навсегда и останется улицей, которую можно перейти спиной, не смотря, собьют тебя или нет.

Между. Альманах сибирской актуальной поэзии. Выпуск №1. Новосибирск. 2015 г.

Такой альманах, полагаю, давно нужен был уже Сибири. Выходят издания, посвященные творчеству поэтов Урала, Волги, Питера, Израиля и т.д. Сибирского альманаха пока не было, но вот – он появился. Альманах, своей структурой больше похожий на Антологию, ведь в издании нет ни критики, ни интервью, ни характеристик творчества поэтов. И все же – стихи поэтов из Абакана, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Междуреченска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Томска нашли приют на страницах издания.

Не рискну назвать лучших среди почти 50-ти поэтов. Некоторые фамилии мне были знакомы, а некоторые – абсолютные дебютанты. Но это, на самом деле, и хорошо. Задача таких региональных изданий как раз в этом и заключается – открывать новые имена, включать творчество молодых в контекст сибирский, российский, какой угодно.

Совсем еще молодые редакторы издания – Олег Полежаев и Сергей Шуба решились на смелый шаг. Альманах уже был замечен, и не только в Сибири. Удачи им в хорошем начинании.

Курить табак / смотреть всю жизнь в окно / как будто все это имеет смысл (А.Дурасов)

Гавриил Каменев. Избранное. Издание Вадима Гершанова. Казань. 2016 г. 44 с.

Если кто не знает – Гавриил Петрович Каменев – поэт, прозаик, первый романтик России, жил в Казани. Умер в 1803 году. Редакторы-составители книги – Эдуард Учаров и Галина Булатова пишут в предисловии к стихам, что издание выходит в поддержку их идеи увековечивания его памяти. Я так понимаю, что речь идет о памятнике. Что ж, идея хорошая. Казань – не последний город на поэтической карте России. Поэтические открытия ожидают нас и сегодня. В Казани нынче много хороших поэтов.

Если говорить о стихах поэта, то они однозначно современны. В них преобладает мистический трагизм, идея двоемирия, так характерная для романтиков. Основные жанры Каменева – баллада и элегия. В них он порой достигает очень высокого уровня поэзии.

Поэт прожил немного, но спустя 210 лет после его смерти казанцы вспомнили о своем земляке. Что это, как не очередное доказательство поэтического бессмертия?!

Придите! Древних сосн в тених / Надгробный камень там белеет / Под ним – ваш друг несчастный тлеет / Слезой его почтите прах

Сергей Сумин

Гогин С. Круги света. Стихотворения. Заметки о поэзии и творчестве. – Ульяновск, 2016 г. – 110 с.

Каждое стихотворение Сергея Гогина это индивидуальность, обладающая неповторимым сочетанием стиля и образов, как отпечатки пальцев. Чувствуется, что автор стремится к оригинальности, ищет незаполненную другими творческую нишу. Наиболее характерно это описано в его стихотворении «Прозаик». Это довольно сложная задача, так как в современном мире очень много поэтов, претендующих на уникальность. Возможно, поэтому стихотворения Сергея Гогина так сильно различаются между собой, и сложно выделить обобщающую характеристику.

Среди всех стихотворений автора хотелось бы отметить одно – «Сюжет». Оно выделяется отточенным ритмом, чётким темпом – практически речитатив, который хочется проговаривать вслух снова и снова, получая удовольствие. И

КНИГА ЗА КНИГОЙ

просто удивительно, как удачно вписаны слова! Из этого стихотворения может получиться замечательный видео ролик.

В конце книги в качестве послесловия Сергей Гогин оставил философские рассуждения, позволяющие заглянуть в его внутренний мир без стихотворных искажений. Я думаю, многие могут обнаружить в этих рассуждениях что-то близкое себе и знакомое по своему опыту.

Девушка с парнем снимают квартиру: / вымыли окна, прибили картину, / кофе на завтрак, на ужин спагетти – / быт, о котором не пишут в газете.

Елена Кочева. Оливкою восход. Стихи, проза, рисунки. – Тольятти, 2015. – 32 с.

Данная книжица создает впечатление об авторе, как о человеке, любящем делать заметки о повседневной жизни. Ярко видна способность подмечать существенные детали и тут же на ходу фиксировать их в стихотворных набросках, а может даже сразу в стихах. На мысль об экспромте наталкивает прежде всего отсутствие жесткой формы и свободный, буквально разговорный стиль.

Черно-белые рисунки, сопровождающие книгу, выглядят немного комично, по-детски, будто сделанные на скорую руку эскизы. Вероятно, это зарисовки на ходу под наплывшим вдохновением, что вписывается в общий стиль книги.

Творчество Елены Кочевой очень афористично. Яркие цепляющие выражения, житейская ирония, перчёный реализм никого не оставят равнодушным. Это как раз и притягивает читателя. А лаконичность стихов может оказаться очень ценным свойством во время дружеских посиделок, где важно блеснуть, не перегружая умы, обратить внимание на свое эмоциональное состояние, заявить о себе, сломать зажимы и стеснение для дальнейшего разговора. Безусловно, эта книга найдет своего читателя.

Друзьями не стали / Любовниками не были / Кто мы друг другу? / Приятели, наверное...

Валерий Земских. Ну и. Стихи 2014-2015. – Москва, 2016. – 104 с.

Первое, что замечаешь в стихотворениях Валерия Земских – это его отчетливый стиль. По-восточному медитативный, созерцательный, современно минималистичный, он похож на японские строгие формы: хайку, танка, рэнга. А поэтому предполагает наличие соответствующего настроения. Причем настроения

КНИГА ЗА КНИГОЙ

не столько мыслительного, сколько чувственного. Т.е. упор делается на первичные ощущения, не подвергшиеся разумной обработке.

Стоит только начать копаться в смысле стихотворений, как этот самый смысл начнет ускользать, поскольку находится он в совсем другом измерении. Это своего рода дзенская мудрость современной жизни. В текстах очень много недомолвок, слова максимально обобщены, резкие перескоки с одного плана на другой, с образа на образ – всё это создает массу интерпретаций, и лишь объединяясь с ментальной ситуационной конкретикой каждого читателя, создает законченную идею.

Ценителям восточных стилей стихосложения должно понравиться творчество Валерия Земских. Есть в этом что-то объединяющее западное и восточное, что традиционно происходит в нашем государстве.

Флюгер скрипит / пытаюсь указать направление ветру

Ильдар Листопадов

Краеведческий журнал "Мономах" №6(90), 2015. Тираж 1000 экз. Ульяновск, выходит 6 раз в год.

Приехал я в деревню. За 2 недели отсутствия разрослись сорняки, и виноград выкинул длинную плеть над тропинкой от калитки к избе, я недостаточно пригнулся и виноград зацепился усиками за растрёпанные с дороги волосы и потянул к себе, почувствовалась сила растения, даже голова мотнулась назад. Разбирая железки в поисках нужной для ремонта, потревожил осиное гнездо, прикреплённое снизу к листу жести, осы поднялись облаком, забежал в избу, пока осы не успели разглядеть разрушителя. Энтропия снаружи, вот как. В избе я открыл краеведческий журнал "Мономах" №6(90) 2015. Одна статья, другая, третья: стройный ряд событий из современной и прежней жизни выстраивались внутри избушки перед мысленным взором.

Тепло любви к отечеству, казалось, лучами согревает домик изнутри, сквозь брёвна стен проходит наружу, на землю, грядки. Впервые я узнал о симбирском сказочнике Абраме Новопольцеве, за которым записано 72 сказки; и что автор известной книги "Ташкент – город хлебный" А.С.Неверов родом из Симбирской губернии, а кроме него: Н.М.Карамзин, И.А.Гончаров, Н.М.Языков и многие другие.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В статье Н.Ракова приведены захватывающие фотографии симбирской земли с самолёта: это из книги В.А.Гуркина "Лики земли Симбирской".

В журнале поднимаются вопросы развития туризма, патриотического отношения к отечеству, описаны судьбы сёл и людей, например лётчика А.П. Яблокова.

"Юные таланты встречают киселёвские зори" – это о работе 4-й Межрегиональной передвижной творческой школе – пленер "Киселёвские зори. Сохраняя культурное наследие", названной в память о заслуженном художнике России В.В.Киселёве, ученике и близком друге А.А.Пластова.

В журнале очень много интересного от начала до конца, мне очень, очень понравилось. Если любить родную землю – она станет отдавать таким людям ещё больше своей силы. Этот журнал встаёт на страже перед той внешней энтропией, которая рассеивает и распыляет.

Завершить свой отзыв позвольте цитатой Карамзина из статьи "Век живи, век учись... жить!" Карамзин о царствовании Петра 1: "Мы стали гражданами мира, но перестали быть... гражданами России, – Виню Петра". Журнал "Мономах" – хороший журнал для граждан России!

Павел Тимофеев. Агенты разных держав. 2015 г. "Книга из серии проекта "Том писателей"(Вологодское отделение Союза российских писателей).

В книге "Агенты разных держав" Павел Тимофеев высказывается о современной жизни, где есть любовь, труд, мечта, природа. Лирический герой чем-то похож на Евгения Онегина. Особенно порадовали стихотворения: "Во славу всего", "День", "Экспедиция", "Балладный рэп". В "Сезоне катастроф" автор ещё раз обращает наше внимание на вредоносность телевизионных, не в меру кошмарных новостей. Стихотворение "Псевдо фольклорное" предостерегает читателей от хитрых энергетических вампиров, этих опасных тварей, маскирующихся среди людей. Несмотря на некоторые грустности в некоторых строфах, связанных с неразрешимыми вопросами бытия, общее впечатление от книги положительное, любовь и жизнь одерживают победу над сероватыми тенями и катастрофами. А завершить хочется цитатой Тимофеева:

Во славу всего... Груз серых дней – увидишь, сойдёт на нет.

Слава Трошин

АВТОРЫ

Александров Алексей. Поэт, редактор. Родился в 1968 году. Закончил Саратовский университет, работает инженером. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», «Дети Ра», альманахах «Тритон», «Графит», «Улов: Современная русская литература в Интернете», в антологиях «Нестоличная литература», «Черным по белому», в интернет-журналах «TextOnly», «Литературный арьергард» и др. Живет в Саратове.

Анохин Людвиг. Родился в Тольятти в 1976 году. В 1993 собрал группу "РеМОНТ", существующую поныне. До 1997 работал грузчиком на автозаводе, продавцом в круглосуточном киоске, салоне проката видеокассет элитного кино, гардеробщиком рок-клуба "Желтый Ветер". Опубликован в «Антологии независимой литературы Тольятти» (2015 г.)

Бударина Алена. Поэт, художник, куратор фестиваля СКВОТ, преподаватель ИЗО, руководитель различных проектов. Родилась в 1989 году. Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, критик, краевед, коллекционер. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Колесников Илья. Философ, критик. Живет в Саратове.

Коробкова Евгения. Родилась в 1985 г. в городе Карталы Челябинской области. Окончила архитектурно-строительный факультет Южно-Уральского государственного университета, факультет журналистики Челябинского государственного университета, Литературный институт имени Горького. Многочисленные публикации. Живет в Москве.

Корюков Михаил. Родился в 1991 г. в Каменске-Уральском. Закончил Уральский колледж строительства, архитектуры и предпринимательства (Екатеринбург, 2013). Живёт в Каменске-Уральском. Стихи публиковались в «Независимой газете – Exlibris», «Истоки», в журналах «Молодежная волна», «Русское эхо», «Новая Реальность», «Вещь». Организатор межрегионального поэтического фестиваля "Воробей-фест" (2016 год).

Лёзин Михаил. Родился в 1974 году в Тольятти. Художник, музыкант, поэт. С начала 90-х годов играл в различных рок-группах Тольятти. Как поэт был участником литературной группы «Олимпийские игры». Печатался под псевдонимом Михаил Деревящников (МихДер). В 1998 году выпустил самиздат-

АВТОРЫ

скую книгу «С шарами». 1990 г. – создание саунд-арт-проекта "ДЯ", альбомы изданы в Дании, Германии, России на независимых CDR-лейблах.

Манаев Дмитрий. Поэт, прозаик. Родился в 1979 году в Саратове, где и живёт по настоящее время. В 1998 г. закончил Саратовский авиационный техникум. С 2008 года активно занимается творчеством. Постоянный участник фестиваля актуальной поэзии «Центр Весны». Публиковался в альманахе «Василиск», в газете «Литературная Россия», в «самиздатовском» журнале «Утка 76» и др.

Медведков Иван. Прозаик. Родился в 1989 году. Окончил ВУИТ. Публиковался в коллективных сборниках «Между строк», альманахе «Графит». Живет в Новосибирске.

Сонина Лариса. Родилась в 1973 году, поэт, прозаик, литературный критик, драматург. Окончила Уральскую государственную юридическую академию – УрГЮА (г. Екатеринбург), и очную аспирантуру УрГЮА, а также сценарные курсы при Свердловской киностудии. Кандидат юридических наук, доцент, специалист в области конституционного и муниципального права. Занимается журналистикой (в основном пишет статьи на тему политики и культуры). Автор 3-х стихотворных сборников. Живет в Челябинске.

Сушко Виктория. Родилась в 1985 году в Тольятти. Окончила Самарский государственный университет по специальностям «культурология» (2008 г.) и «социология» (2011 г.). Публикации: литературные журналы «Город», «Название», «Графит», «Берега», «Гипертекст». Живет в Самаре.

Омар Канат родился в 1971 году. С 1990 года жил в Ленинграде, в 1996 году закончил Санкт-Петербургскую Государственную Академию культуры. С 1996 года жил в Павлодаре, с 2001 живет в Астане (Казахстан). Многочисленные публикации в литературных журналах России.

Шуба Сергей. Родился в 1983 году в городе Курган-Тюбе (Таджикистан). В 2005 году окончил Ростовский государственный строительный университет. С 2007 живёт в Новосибирске. Под своим именем и псевдонимом Сергей Джим печатался в литературном альманахе «Ликбез», журналах «Город Пэ», «Ното Legens», «Топос», «Плавучий мост», «Южная звезда», «Сибирские огни», «Подъём», «Новая реальность». Сотрудничал с музыкальными коллективами «Внешний Мозг», «Андрей Бессонов и Друзья» и т. д.